

16+

ISSN 2309-4281

ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2020

Том 8, № 1 (26)

Самарский государственный социально-педагогический университет
www.sgspu.ru

ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Основан в 2013 году

16+

Том 8, № 1 (26)
2020
ISSN 2309-4281
Научный журнал
Выходит ежеквартально
Электронная версия:
<https://elibrary.ru>

Учредитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Главный редактор

Игорь Владимирович Вершинин,
доктор филологических наук, профессор, президент
(ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия)

Заместитель главного редактора

Оксана Константиновна Позднякова,
доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, профессор кафедры
педагогике и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический
университет», г. Самара, Россия)

Ответственный секретарь

Инесса Юрьевна Яковлева,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии и межкультурной
коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический
университет», г. Самара, Россия)

Тел.: 8(846)207-41-41
E-mail: inessayakovleva2013@mail.ru

**Адрес учредителя,
редколлегии и редакции:**
443099, Россия, г. Самара,
ул. М. Горького, 65/67.
Тел.: 8(846)207-43-60
E-mail: red_izd@sgspu.ru

Начальник РИО
О.И. Сердюкова
Технический контроль
и размещение
в библиографических
базах данных
научных публикаций
А.С. Яицкий
Сайт: <http://sgspu.ru>

Подписано в печать 28.02.2020
Выход в свет 04.03.2020
Формат 60×84 1/8
Печать оперативная
Усл. п.л. 14,75
Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательство
Самарского государственного
социально-педагогического
университета
443099, Россия, Самара,
ул. М. Горького, 61/63

Отпечатано в типографии
СГСПУ

© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2020

Свободная цена

Сведения о членах редколлегии

Главный редактор

Вершинин Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор, президент (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Заместитель главного редактора

Позднякова Оксана Константиновна, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Члены редколлегии

Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Алехин Игорь Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой педагогики (ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия).

Андронов Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии (ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск, Россия).

Бездухов Владимир Петрович, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Буранок Олег Михайлович, доктор педагогических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Васильева Дарина Георгиевна, доктор социологии искусства, профессор теории воспитания и дидактики, заведующий кафедрой музыкальной эстетики, музыкального воспитания и исполнительства (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Варна, Болгария).

Виноградова Галина Александровна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии (ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Россия).

Доброзракова Галина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью (ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия).

Догнал Йозеф, доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков факультета гуманитарных наук (Университет им. Масарика, г. Брно, Чехия), профессор кафедры русского языка факультета гуманитарных наук (Университет Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия).

Енгальчев Вали Фатехович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и юридической психологии (ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия).

Каньо Юдита, доктор, научный сотрудник (Педагогический Университет, г. Людвигсбург, Германия).

Каравашкин Андрей Витальевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени, профессор кафедры истории русской классической литературы (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия).

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва, Россия).

Колобова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия).

Кострова Ольга Андреевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Которова Елизавета Георгиевна, доктор филологических наук, профессор института германистики (Зеленогурский университет, г. Зелена-Гура, Польша).

Латас Фернандо Магелланес, доктор, профессор (Университет, г. Севилья, Испания).

Лелакова Ева, доктор наук, профессор кафедры английского языка и литературы факультета гуманитарных наук (Жилинский университет, г. Жилин, Словакия).

Лельчицкий Игорь Давыдович, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор института педагогического образования (ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия).

Леонов Николай Ильич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и конфликтологии (ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, Россия).

Литвиненко Наталья Валерьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики дошкольного и начального образования (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия).

Мичалак Рената, доктор наук, профессор (Университет им. А. Мицкевича, г. Познань, Польша).

Мкртумян Мельс Паргегович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории психологии (Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна, г. Ереван, Армения).

Нуеши Мона, профессор кафедры немецкого языка факультета гуманитарных наук (Каирский университет, г. Каир, Египет).

Николина Вера Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и андрогогики (ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», г. Нижний Новгород, Россия).

Ощепкова Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации (ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Москва, Россия).

Павлова Анна, доктор, научный сотрудник кафедры славянских языков (Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга, г. Майнц, Германия).

Пашикуров Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы института филологии и межкультурной коммуникации (ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия).

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Самсонова Надежда Владиславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта института рекреации, туризма и физической культуры (ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта», г. Калининград, Россия).

Ответственный секретарь

Яковлева Инесса Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Тел.: 8(846) 207-41-41.

СОДЕРЖАНИЕ

Лица. События

Учёный. Педагог. Учитель: к юбилею Елены Павловны Иванян (<i>Н.В. Гоннова, И.В. Гурова</i>)	6
Поздравления коллег и учеников	9
Основные научные и научно-методические работы доктора филологических наук, профессора Елены Павловны Иванян (Сеничкиной)	11
Диссертации, защищённые под руководством доктора филологических наук, профессора Е.П. Иванян (Сеничкиной)	17

Общие вопросы языкознания и методики преподавания языка

<i>Жумабекова А.К.</i> Теория межкультурной коммуникации, лингводидактика и переводоведение: точки пересечения	18
<i>Калинина Л.В.</i> Развитие эвристического мышления на занятиях по русскому языку как ответ на «когнитивный вызов» современности	24
<i>Фаткуллина Ф.Г., Гизатуллин Д.Э., Саяхова Д.К.</i> Метод интегрального лексикографического представления лексем: теоретический аспект	29

Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах дискурса

<i>Бурдужа А.В., Леденёва В.В.</i> Политический эвфемизм как средство экспрессии в языке СМИ	35
<i>Васильева О.А.</i> Характеристика ономастических единиц субзоны «телевизионные зоонимы» в составе ономастического поля с гиперсемой 'свинья'	41
<i>Горшкова Л.А., Прядильникова Н.В.</i> Функционирование эвфемизмов в различных аспектах в русском и французском языках	48
<i>Иванян Е.П., Иванова П.С.</i> Представленность тематических групп в сравнениях ольфакторного модуса перцепции	54
<i>Осипова Н.Д.</i> Социокультурное значение фиктонимных прагматонимов – названий конфет в современном русском дискурсе	61

Язык художественного текста

<i>Айрян З.Г.</i> Языковые и стилистические особенности поэзии Ованеса Туманяна в переводах А. Тарковского и Б. Ахмадулиной	67
<i>Бакалова З.Н.</i> Тема любви в рассказе К.Г. Паустовского «Бриз»	78
<i>Венгранович М.А.</i> Категория адресованности в коммуникативной организации фольклорного текста	82
<i>Михайлова М.Ю.</i> Семантика невыразимого в творчестве К.Г. Паустовского	88
<i>Моргунова А.Н.</i> Антиципирующее употребление омокомплекса <i>оно</i> в русском дискурсе (на материале художественных текстов)	95
<i>Соколова М.Г.</i> Образные парадигмы «тополь – человек» как прием персонификации в лирике XIX–XX веков	104
<i>Федотова А.А.</i> Эстетическая категория «ужасное» в русской литературе XIX–XXI веков	109
Наши авторы	113

CONTENTS

Faces. Events

Scholar. Educator. Teacher. Elena Pavlovna Ivanyan's Jubilee (<i>N.V.Gonnova, I.V.Gurova</i>)	6
Greetings from Colleagues and Followers	9
Doctor of Philology, Prof. Elena Pavlovna Ivanyan's (Senichkina's) Research in Language Studies and Applied Linguistics	11
Theses under Doctor of Philology, Prof. E.P.Ivanyan's (Senichkina's) Supervision	17

General Issues in Language Studies and Applied Linguistics

<i>Zumabekova A.K.</i> Theory of Intercultural Communication, Linguodidactics and Translation Studies: Points of Intersection	18
<i>Kalinina L.V.</i> Heuristic Thinking Development in Russian Classes as a Response to Today's "Cognitive Challenge"	24
<i>Fatkullina F.G., Gizatullin D.E., Saiakhova D.K.</i> The Approach of Integral Lexicographic Representation of Lexical Units: Theoretical Aspect	29

Semantics and Functioning of Language Units in Different Discourses

<i>Burduzha A.V., Ledeneva V.V.</i> Political Euphemism as a Means of Expression in the Language of the Media	35
<i>Vasileva O.A.</i> Onomastic Units of the Subzone "Television Zoonyms" as Parts of the Onomastic Field with Hyperseme 'Pig'	41
<i>Gorshkova L.A., Pryadilnikova N.V.</i> Some Aspects of Euphemisms Functioning in Russian and French	48
<i>Ivanyan E.P., Ivanova P.S.</i> Representation of Thematic Groups in Comparisons of Olfactory Mode of Perception	54
<i>Osipova N.D.</i> Sociocultural Significance of Fictional Pragmatonyms – Names of Candies in Modern Russian Discourse	61

Language of Fiction

<i>Hayryan Z.G.</i> Language Means and Stylistic Features of Hovhannes Tumanyan's Poetry in A. Tarkovsky's and B. Akhmadullina's Translations	67
<i>Bakalova Z.N.</i> The Theme of Love in the Story "Breeze" by K.G. Paustovsky	78
<i>Vengranovich M.A.</i> The Category of Addressability in the Communicative Structure of the Folklore Text	82
<i>Mikhailova M. Yu.</i> Semantics of Inexpressible in K.G. Paustovsky's Works	88
<i>Morgunova A.N.</i> Omocomplex "Оно" and Its Anticipation in Russian Discourse (as Exemplified in Literary Texts)	95
<i>Sokolova M.G.</i> The Figurative Paradigms "Poplar – Man" as a Way of Personification in the Lyrics of the XIX–XX Centuries	104
<i>Fedotova A.A.</i> Aesthetic Category "Terrible" in Russian Literature of the XIX–XXI Centuries	109
Our Authors	115

Лица. События Faces. Events

УЧЁНЫЙ. ПЕДАГОГ. УЧИТЕЛЬ

**К ЮБИЛЕЮ
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ИВАНЯН**

SCHOLAR. EDUCATOR. TEACHER

**ELENA PAVLOVNA IVANYAN'S
JUBILEE**

В 2019 году отметила юбилей Елена Павловна Иवानян (Сеничкина) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета, Почётный работник высшего профессионального образования, действительный член (академик) Международной академии наук педагогического образования, лауреат губернской премии в области науки и техники за 2016 год. Е.П. Иवानян – учёный-лингвист, труды которого получили широкое научное признание не только в России, но и за рубежом: они издаются в Болгарии, Польше, Киргизии, Белоруссии, Украине, Казахстане, Китае.

Е.П. Иवानян известна как автор фундаментальных трудов в области лингвистической семантики и эвфемии; создатель неоднократно переиздававшихся учебных пособий по вузовским курсам теории языка, современного русского языка. В сферу научных интересов учёного входит также лингвопраг-

матика, лингвистический анализ текста, язык художественных произведений, семиотика, лингвокультурология, лингвоэкология.

Профессиональный путь Е.П. Иवानян является образцом служения науке, верности делу подготовки учёных-филологов и учителей русского языка для образовательных организаций Российской Федерации.

Несомненно, Елена Павловна Иवानян принадлежит к когорте людей неординарных, одарённых. Её творческая и педагогическая деятельность настолько многогранна, что исчерпывающее описание и анализ всех этапов 37-летней плодотворной работы в Самарском государственном социально-педагогическом университете профессора Е.П. Иवानян – задача сложная и, пожалуй, не может быть решена в рамках одной статьи. Тем не менее выражаем надежду, что приведённые в настоящей работе факты, высказывания коллег и учеников Елены Павловны станут необходимыми деталями портрета замечательного Учёного, талантливого Педагога, нашего Учителя.

«Откуда мы родом? Мы родом из детства, словно из какой-нибудь страны...» – эти слова любимого Еленой Павловной писателя А. де Сент-Экзюпери не оспорены никем. Вот и профессор Е.П. Иванян – родом из детства. Она выросла в семье художника и учителя русского языка. С неизменной самоиронией Елена Павловна отмечает: «Я в возрасте 2–3 лет сидела на полу и рассматривала журнал “Крокодил”, взрослые удивлялись, что она там понимает? У меня отец художник-график, он этот журнал не только выписывал, но даже потом переплетал вместе номера. А я что-то там пыталась уразуметь. Не знаю, с тех пор уразумеваю ли что или это мои фантазмы».

Первые уроки языка – уроки мамы, Дженни Борисовны. При обсуждении с одним из авторов статьи причин заключения в кавычки слова «пожалуйста» в письменном обращении студентки к преподавателю, Елена Павловна высказывает предположение, вспоминая свой детский опыт: «Думаю, что это гонорифический компонент, функция усиления (в данном случае просьбы), окказиональное употребление кавычек. Возможно, привыкла употреблять смайлы, а другие прагматические средства не освоила. Меня мама учила в начальных классах, что кавычки – это ирония. Но, видно, у неё нет такой мамы».

С большой теплотой вспоминает профессор Е.П. Иванян научного руководителя своей дипломной работы – кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка Куйбышевского государственного педагогического института им. В.В. Куйбышева О.И. Александрову. Получившая высокую оценку дипломная работа явилась первым для вуза выпускным научным сочинением по специальности «Русский язык» (как известно, написание и защита дипломных работ в 1970–1980-х годах не были обязательными).

С 1982 года преподавательская и научная деятельность Елены Павловны Иванян неразрывно связана с Самарским государственным социально-педагогическим университетом (ранее – Куйбышевский государственный педагогический университет, Самарский государственный педагогический университет, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия), двумя факультетами – факультетом начального образования (ранее – факультет начальных классов) и филологическим.

В 1988 году в Московском государственном областном университете (МГОУ)

Е.П. Сеничкина (Иванян) блестяще защищает кандидатскую диссертацию «Актуализация высказывания в тексте», на автореферат которой прислали отзывы 18 учёных из разных городов Советского Союза. А в мае 2003 года Е.П. Иванян досрочно защищает докторскую диссертацию «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке». Научным руководителем кандидатской диссертации и научным консультантом докторской был доктор филологических наук, профессор П.А. Лекант. К своему наставнику Елена Павловна всегда относилась с глубоким уважением и почитанием и была очень рада, что мы, её аспиранты, в ноябре 2018 года приняли участие в конференции «Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018», на которой выступал П.А. Лекант, и познакомились с крупнейшим учёным.

В течение 10 лет Е.П. Иванян была членом диссертационного совета по методике преподавания русского языка при Самарском педагогическом университете. В настоящее время – член диссертационного совета при Самарском национальном исследовательском университете им. академика С.П. Королева. Е.П. Иванян возглавляет научную школу «Динамические процессы в лексике и грамматике», выступает официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертаций, является экспертом «Известий Самарского научного центра РАН» по тематическому направлению «Филология», сотрудничает со многими вузами, в частности с Тольяттинским государственным университетом, председательствует в Государственных экзаменационных комиссиях по направлению подготовки «Филология», руководит академической программой магистратуры «Русский язык в среднем общем и высшем образовании»; участвует в международных и всероссийских конференциях, много сил и времени отдаёт работе со студентами – руководит студенческим научным кружком «Язык и мир». Научные достижения четырех студентов Е.П. Иванян отмечены именными стипендиями Губернатора Самарской области.

Профессор Е.П. Иванян выиграла грант Российского гуманитарного научного фонда регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» 2013 – Самарская область (проект «Проектирование региональной модели виртуальных музеев научных школ (на материале Самарской лингвистической школы)») и возглавила виртуальный

музей «Самарская лингвистическая школа» (<http://c27463.tmweb.ru>); создаёт фильмы о многих учёных Самарской области.

Работоспособность Елены Павловны, её необыкновенная эрудиция, интеллигентность, обаяние, энергия, желание и умение трудиться поистине поражают. Еленой Павловной Иванян невозможно не восхищаться. Одна из её аспиранток, успешно идущая к цели – защите диссертации, сказала: «Ваша профессиональная и научная деятельность – это пример энтузиазма, неугасающего огня и самоотдачи, которые так необходимы для достижения высоких результатов».

Слова «первый», «впервые», «лидирующие позиции», «лучший» при характеристике научной и педагогической деятельности Е.П. Иванян сопровождают многочисленные рецензии на монографии и словари учёного¹, победительно звучат в названии наград юбилея («Лучшая научная книга в гуманитарной сфере», «Лучшая научная книга», «Лучший преподаватель вебинара»).

Т.С. Мониная о монографии Е.П. Иванян «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» пишет: «Рецензируемую монографию отличает доказательная сила выдвигаемых автором идей в направлении изучения семантики умолчания; в работе отражены итоги успешных научных поисков талантливого учёного и педагога»².

¹ См., например: Чернова С.В. Как бы мягче сказать // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Т. 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 3(2). С. 192–193; Цой А.С. Первый в русистике словарь эвфемизмов // Известия Национальной академии наук Кыргызской республики. Бишкек. 2010. № 3. С. 145–147; Мониная Т.С. «...не надобно всё высказывать – это есть тайна занимательности» (А.С. Пушкин) : рецензия на книгу: Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М., 2015. 328 с. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2016. № 7(61). В 3 ч. Ч. 3. С. 116–118; Фаткуллина Ф.Г. Выразительность умолчания. Рецензия на книгу Е.П. Иванян «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» (Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М. : Флинта, 2015. 328 с.) // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика : материалы междунар. науч.-метод. конференции (г. Уфа, 12–13 мая 2016 г.) / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. Уфа : БашГУ, 2016. С. 420–422.

² Мониная Т.С. Указ. соч. С. 118.

По справедливому утверждению Р.Д. Уруновой, монография Е.П. Иванян «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» является весомым вкладом в разработку проблемы семантики. К несомненным достоинствам монографии рецензент относит непротиворечивую теоретическую концепцию автора, богатый иллюстративный материал, возможность для пытливого языковеда найти в монографии «точки роста»³.

Под мудрым руководством Е.П. Иванян «точки роста» ищут в своих научных сочинениях не только аспиранты и докторанты, но и бакалавры и магистранты, приобретая колоссальный опыт анализа, обобщения, интерпретации языковых явлений, опыт серьёзной и непростой научной работы. (Результатом деятельности научной школы профессора Е.П. Иванян стала защита 13 кандидатских и 1 докторской диссертации.) В каждого она вложила частицу своей души, к каждому нашла подход, нужные слова; передала знания, раскрыла потенциал, поддержала, помогла. Аспиранты, уже защитившие работы, нередко вспоминают её слова: «Пишите, пишите. Писать надо быстро. Но не забывайте жить».

Елене Павловне многое интересно. Она замечает то, мимо чего другие прошли бы, не обратив внимания: распустившийся цветок, воробышки, купающиеся в пыли, галчонок, позирующий фотографу.

Кажется, что лингвистический смысл профессор Елена Павловна Иванян может найти везде и во всём. Она стала идейным вдохновителем и организатором ежегодного регионального межвузовского научного лингвистического конкурса студентов в рамках «Лаборатории лингвистических смыслов»; привлекает к участию в этом интересном и очень нужном мероприятии своих коллег, аспирантов, магистрантов, студентов.

Поздравляя Елену Павловну с юбилеем, коллеги и ученики желают ей радости, счастья, благополучия, доброго здоровья, реализации всех замыслов, новых творческих успехов!

Н.В. Гоннова, И.В. Гурова

³ Урунова Р.Д. Рецензия на книгу Е.П. Иванян «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» (Москва : Флинта, 2015. 328 с.) // Симбирский научный вестник. 2016. № 2(24). С. 192–194.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ GREETINGS FROM COLLEAGUES AND FOLLOWERS

* * *

Дорогая Елена Павловна!

Примите наши самые искренние поздравления с Вашим юбилеем! Вы талантливый ученый-филолог, своим трудолюбием и профессионализмом достигший признания в научном мире! Вы блестящий преподаватель и наставник, под руководством которого выросла целая плеяда квалифицированных специалистов!

Нас восхищают Ваши замечательные человеческие качества: женская гармония и обаяние, хрупкость и волевая целеустремленность, мудрость и молодость души, жизнелюбие, а главное – теплое сердце, способное вдохновить и увлечь, согреть и поддержать всех, кто находится с Вами рядом!

С горящим факелом оптимизма, добра и веры в людей Вы всегда на шаг впереди нас! Благодарим за возможность учиться у Вас, раскрывать свой творческий и человеческий потенциал!

Пусть удача станет верным другом, здоровье только радует, близкие дарят положительные эмоции, жизнь наполнится яркими и смелыми открытиями, сокровищница Ваших знаний и открытий пополняется новыми не менее ценными дарами, терпение и силы сопутствуют в нелегкой педагогической деятельности.

Аспиранты и докторанты

* * *

Многоуважаемая Елена Павловна!

Коллектив гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета сердечно поздравляет Вас со знаменательным юбилеем!

Ваша научно-педагогическая биография неразрывно связана с Самарским государственным социально-педагогическим университетом – от студенческой скамьи до доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Почётного работника высшего профессионального образования, действительного члена Международной академии наук педагогического образования.

Важнейшими этапами Вашего творческого пути стали защита кандидатской диссертации по теме «Актуализация высказывания в тексте», многолетняя эффективная преподавательская, административная и экспертная деятельность на факультете начального образования, а затем на кафедре общего языкознания СГПУ, работа в диссертационном совете по защите кандидатских диссертаций по методике преподавания русского языка, досрочная защита докторской диссертации «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке».

Ваши научные труды в области теории эвфемии, семантики умолчания и неопределённости, лингвопрагматики, семиотики, лингвокультурологии, теории языка получили признание со стороны известных ученых крупнейших научных лингвистических центров в России и за рубежом, а также неоднократно удостоивались наград в конкурсах на лучшую научную книгу.

Мы высоко ценим Ваше многолетнее плодотворное сотрудничество с Тольяттинским государственным университетом в самых различных направлениях. С благодарностью вспоминаем Ваше председательство в Государственной экзаменационной комиссии по направлению подготовки «Филология»; научное рецензирование и консультирование докторантов; актуальные научные доклады на пленарных заседаниях в рамках конференций. Выражаем признательность за возможность принять участие в научно-методологическом семинаре научной школы доктора филологических наук, профессора Елены Павловны Иванян; за участие студентов-филологов гуманитарно-педагогического института в региональном межвузовском научном лингвистическом конкурсе студентов в рамках цикла мероприятий «Лаборатория лингвистических смыслов» под Вашим научным руководством.

Пользуясь торжественным случаем, от всей души желаем Вам, дорогая Елена Павловна, крепкого здоровья, реализации самых смелых творческих планов, неиссякаемого вдохновения!

*Заместитель ректора – директор гуманитарно-педагогического института
Тольяттинского государственного университета Ю.А. Лившиц*

* * *

Уважаемая Елена Павловна!

Коллектив факультета начального образования Самарского государственного социально-педагогического университета сердечно поздравляет Вас с юбилеем!

Вы талантливый ученый-языковед, русист, известный не только в России, но и далеко за ее пределами. Нас восхищают Ваш дар педагога-лектора и организатора, широкий диапазон научных интересов, неиссякаемая энергия, высокая требовательность к себе и своим ученикам.

Мы гордимся тем, что Ваша профессиональная деятельность тесно связана с факультетом начального образования Самарского педагогического университета. С 1989-го по 1999 год Вы плодотворно работали старшим преподавателем, затем доцентом кафедры русского языка и методики его преподавания, были заместителем декана по научно-исследовательской работе, членом редакционно-издательского совета факультета. В 2016 году Вы стали профессором кафедры дошкольного образования. На кафедре трудятся представители возглавляемой Вами научной школы.

На протяжении всех лет работы на факультете начального образования Вы осуществляете подготовку студентов – победителей и призеров олимпиад, конференций и конкурсов различных уровней. Под Вашим научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации выпускники факультета начального образования Е.Ю. Долгова и И.В. Гурова.

Дорогая Елена Павловна! Искренне желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых творческих успехов!

*Декан факультета начального образования СГСПУ Н.Г. Кочетова,
преподаватели факультета начального образования СГСПУ*

* * *

Уважаемая Елена Павловна!

Примите наши самые тёплые, сердечные поздравления с юбилеем!

В Вас гармонично сочетаются качества талантливого учёного, мудрого педагога, опытного организатора. Будучи разносторонне одарённой личностью, Вы неустанно трудитесь над собой, показывая пример преданного служения академической и вузовской науке. Ваша поразительная работоспособность, желание идти к новым высотам, жизнелюбие, талант, целеустремлённость, обаяние, умение найти подход к каждому из тех, кому посчастливилось с Вами общаться, вдохновляют коллег, аспирантов, студентов на решение серьёзных научно-исследовательских задач.

Вы многого достигли на жизненном пути: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета, Почётный работник высшего профессионального образования, действительный член (академик) Международной академии наук педагогического образования. Под Вашим мудрым руководством успешно защищаются бакалаврские, магистерские, кандидатские и докторские диссертации.

Подготовленные Вами словари эвфемизмов, монографии, учебные пособия, статьи заслуживают самой высокой оценки. Ваша научная деятельность по праву получила признание отечественных и зарубежных учёных.

Теория эвфемизмов русского языка, лингвистическая семантика, семантика умолчания и неопределённости, средства неопределённости в русском языке, лингвопрагматика, лингвистический анализ текста, язык художественных произведений, семиотика, лингвокультурология и лингвоэкология – сфера научных интересов, в которой Вы авторитетный специалист.

Искренне желаем Вам, дорогая Елена Павловна, реализации всего задуманного, доброго здоровья, оптимизма, жизненной энергии, семейного благополучия, счастья!

Пусть каждый день будет согрет любовью и заботой родных и близких людей, наполнен радостными, приятными событиями!

*С уважением, коллектив кафедры русского языка
и методики его преподавания СГСПУ*

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА ЕЛЕНА ПАВЛОВНЫ ИВАНЯН (СЕНИЧКИНОЙ)**
**DOCTOR OF PHILOLOGY,
PROF. ELENA PAVLOVNA IVANYAN'S (SENICHKINA'S)
RESEARCH IN LANGUAGE STUDIES AND APPLIED LINGUISTICS**

Диссертации

Сеничкина Е.П. Актуализация высказывания в тексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 192 с.

Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 427 с.

Словари

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.

Иванян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы. М. : Флинта, 2013. 167 с.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. 2-е изд. М. : Флинта, 2016. 464 с.

Иванян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы : словарь. 2-е изд. М. : Флинта, 2019. 167 с.

Монографии

Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке : монография. М. : МГОУ, 2002. 307 с.

Иванян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках : монография и словарь эвфемизмов деликатной темы / под общ. ред. Е.П. Иванян. Самара : Инсома-пресс, 2012. 332 с.

Иванян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы) : монография / под общ. ред. Е.П. Иванян. М. : Флинта : Наука, 2013. 202 с.

Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке : монография. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2015. 328 с.

Иванян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы) : монография / под общ. ред. Е.П. Иванян. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2019. 205 с.

Учебные пособия

Сеничкина Е.П. Средства категории неопределенности в русском языке : учебное пособие к спецкурсу. М. : Мос. пед. ун-т, 2001. 77 с.

Сеничкина Е.П., Тихонова Р.И. Лекции по теории языка : учебное пособие для студ. филол. специальностей. Ч. 2. Общее языкознание. Самара : СГПУ, 2001. 128 с.

Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке : учебное пособие к спецкурсу. М. : МГУП, 2004. 76 с.

Горшкова Л.А., Сеничкина Е.П. Культура речи : учебное пособие для студ.-заочников. Самара : РГТЭУ, 2005. 80 с.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : учебное пособие. М. : Высшая школа, 2006. 148 с.

Сеничкина Е.П. Русский язык как основа духовно-нравственного воспитания человека : учебное пособие. Самара : Самарский филиал РГТЭУ, 2008 (по заказу Министерства образования Самарской области). 179 с.

Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка. Ч. 2 : электронное пособие. Самара, 2011. Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 17382. 11 августа 2011 г. Объем ЭУП – 5,14 Мб.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : учебное пособие. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2012. 120 с. Электронное издание для распространения через Интернет.

Иванян Е.П. Общее языкознание : курс лекций для студентов филологических специальностей очной и заочной форм обучения. Самара : ПГСГА, 2013. 87 с.

Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка. Ч. 2 : курс лекций. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2013. 463 с.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс : учебное пособие. 3-е изд. М. : Флинта, 2017. 120 с. Электронное издание для распространения через Интернет.

Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка. Ч. 2 : курс лекций. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2019. 463 с.

Учебно-методические пособия

Сеничкина Е.П. Русский язык : учебно-методическое пособие для поступающих. Самара : РГТЭУ, 1999. 34 с.

Современный русский литературный разговорный язык : курс лекций и просеминарий для специализации «Русский язык как государственный язык Российской Федерации в вузе и школе» по спец. «Русский язык и литература» / О.Д. Паршина, Е.П. Сеничкина, Ю.И. Суханова, Р.И. Тихонова. Самара : СГПУ, 2007. 152 с.

Зайцева Е.А., Сеничкина Е.П., Тихонова Р.И. Современный русский литературный язык как кодифицированная система : курс лекций и просеминарий. Самара : СГПУ, 2008. 204 с.

Маслова Н.П., Сеничкина Е.П., Сидорова Н.Н. Современный русский язык (словообразование) : учебно-методическое пособие для студ. фак. нач. образования. Самара : ПГСГА, 2009. 172 с.

Учебно-методические издания

Морфология. Ч. II : контрольная работа и методические указания для студ.-заочников фак. нач. образования / сост. Е.П. Сеничкина. Самара : СГПУ, 1998. 50 с.

Словообразование (Морфемика. Деривация). Морфология. Ч. I : контрольная работа и методические указания для студ.-заочников фак. нач. обучения / сост. Л.Е. Лисовицкая, Е.П. Сеничкина, Н.Н. Сидорова. Самара : СГПУ, 1998. 31 с.

Ильина И.И., Сеничкина Е.П., Тихонова Р.И. Контрольная работа по теории языка. Ч. I. Введение в языкознание : учебное пособие для студ. I курса филол. фак. (отд-ния заочного обучения). Самара : СГПУ, 1999. 22 с.

Теория языка : методические рекомендации / сост. Е.П. Сеничкина, Ю.В. Сложеникина, Р.И. Тихонова // Общее языкознание : программа, рабочие планы, методические рекомендации для студ. филол. спец. пед. вуза. Самара : СГПУ, 2001. 52 с.

Введение в языкознание. Теория языка. Ч. 1 : учебно-методический комплекс. Практикум, метод. разработки, рабочие планы и задания для студ. филол. спец. / сост. И.И. Ильина, Е.П. Сеничкина, Р.И. Тихонова ; под ред. Р.И. Тихоновой. Самара : СГПУ, 2003. 184 с.

Ильина И.И., Коновальцева Н.В., Сеничкина Е.П. К изучению курса теории языка. Ч. 1. Введение в языкознание : учебно-методические материалы и рекомендации для студ. 1 курса заоч. обучения филол. фак. Самара : СГПУ, 2003. 32 с.

Говорите и пишите правильно : словарь-справочник / сост. И.И. Ильина, Н.В. Коновальцева, Е.П. Сеничкина, Р.И. Тихонова ; под ред. Р.И. Тихоновой. Самара : СГПУ, 2004. 108 с.

Сеничкина Е.П., Горшкова Л.А. Русский язык и культура речи : учебно-методический комплекс. Практикум, методические указания, рабочие планы и задания для студ. дневного отделения / под ред. Е.П. Сеничкиной. Самара : Инсома-Пресс, 2005. 95 с.

Теория языка. Ч. II. Общее языкознание. Программа, рабочие планы, метод. рекомендации для студ. филол. спец. пед. вуза / сост. Е.П. Сеничкина, Ю.В. Сложеникина, Р.И. Тихонова. Самара : СГПУ, 2005. 52 с.

Зайцева Е.А., Ильина И. И., Коновальцева Н. В., Сеничкина Е. П., Суханова И. Ю., Тихонова Р.И. Великий язык великой страны: как мы пишем и говорим по-русски : программа и рекомендации для курсов повышения квалификации работников образования. Самара : СГПУ, 2007. 29 с.

Тесты по теории языка. Введение в языкознание : для студ. филол. фак. / сост. Е.П. Сеничкина, Р.И. Тихонова. Самара : СГПУ, 2007. 26 с.

Введение в языкознание. Теория языка. Ч. 1 : учебно-методический комплекс. Практикум, методические разработки, рабочие планы и задания для студ. филол. спец. Терминологический словарь-минимум / сост. И.И. Ильина, Н.В. Коновальцева, Е.П. Сеничкина, Р.И. Тихонова ; под ред. Р.И. Тихоновой. Самара : СГПУ, 2008. 184 с.

Сеничкина Е.П. Работа с текстом. Конспектирование и реферирование : метод. разработка к курсу «Русский язык и культура речи» для студ. очн. и заочн. отд-ний РГТЭУ. Самара : РГТЭУ, 2008. 36 с.

Иванян Е.П. Стилистика русского языка и культуры речи : учебно-методический комплекс. Самара : Самарский ин-т (фил.) РГТЭУ, 2010. 147 с.

Статьи 2009–2019 гг.

Кудлинская Х., Сеничкина Е.П. Прием эпонимии в славянских языках // Русский язык в системе славянских языков: история и современность : сборник науч. трудов. Вып. III. М. : МГОУ, 2009. С. 177–180.

Сеничкина Е.П., Люхничева Е.А. Проблема языковой кодировки эвфемизмов-соматизмов обоняния // Картина мира в славянских и романо-германских языках : междунар. сборник науч. трудов по лингвокультурологии. Самара : СаГА, 2009. С. 97–101.

Сеничкина Е.П. Пронаминация эвфемизмов деликатной темы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и образование». Вып. 3. Тольятти : ВУиТ, 2009. С. 48–53.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы в призме текстовой реальности // Текстовые проблемы языковых единиц : сборник науч. работ. Лодзь : Лодзинский ун-т, 2009. С. 56–64.

Кудлинская Х., Сеничкина Е.П. Эвфемизмы деликатной темы в ассоциативно нейтральной речи // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и образование». Вып. 3. Тольятти : ВУиТ, 2009. С. 32–37.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы как средство языкового манипулирования // Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века : материалы междунар. симпозиума. Самара : ПГСГА, 2009. С. 236–240.

Кудлинская Х., Сеничкина Е.П. Вопрос о способах и приёмах образования эвфемизмов в русском и польском языках // Язык – текст – дискурс: традиции и новации : материалы междунар. лингвистической конференции. В 2 ч. / редкол.: Н.А. Илюхина [и др.]. Самара : Самарский ун-т, 2009. Ч. 1 С. 265–268.

Иванян Е.П. Семантика вторичных номинаций тематической группы «бить, колотить» в прозе В.М. Шукшина // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды. 2010. № 1–2(42). С. 3–8.

Иванян Е.П. Функции мезалексов и апеллятивов русского языка. Русский язык начала XXI века // История. Теория. Современность : материалы всерос. науч. конференции. Самара : ПГСГА, 2010. С. 38–46.

Иванян Е.П., Айтасова С.И. Об особенностях образования эвфемизмов туалетной темы // Мир лингвистики и коммуникации. 2011. № 3(24). С. 16–22.

Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы шестой междунар. науч.-практ. конференции. Самара : ПГСГА, 2011. С. 131–137.

Иванян Е.П., Айтасова С.И. Специфика средств категории неопределенности в творчестве Н.В. Гоголя // Русск. язык в контексте межкультурной коммуникации : материалы междунар. конференции, посв. 90-летию со дня рождения проф. Е.М. Кубарева. Самара : ПГСГА, 2011. С. 66–74.

Иванян Е.П., Агапова Е.М. Тематические группы эвфемизмов в современном публицистическом дискурсе: гендерный аспект // Шихобаловские чтения: Опыт, проблемы и перспективы развития потребительского рынка : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Самара : Самарский ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 56–69.

Долгова Е.Ю., Иванян Е.П., Ильина И.И. Что делать? (К вопросу совершенствования русской орфографии) // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и образование». 2011. Вып. 8. С. 18–23.

Иванян Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н. Метафорические эвфемизмы деликатной темы в русском, польском и английском языках // Acta Universitatis Lodzianensis Folia Linguistica Rossica. 2012. № 8. С. 50–63.

Иванян Е.П., Айтасова С.И. Облагораживающее переименование как инструмент гуманитарного образования // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы седьмой междунар. конференции. Самара : ПГСГА, 2012. С. 123–127.

Иванян Е.П., Айтасова С.И. Эвфемия – языковая универсалия // Республиканский научно-методический журнал. Кызылорда, Казахстан : Кызылординский государственный ун-т им. Коркыт Ата, 2012. № 3(35). С. 214–216.

Иванян Е.П. Проблемы проектирования региональной модели виртуальных музеев научных школ // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 3. С. 741–744.

Иванян Е.П., Белкина Ю.А. Характеристика результатов проектирования региональной модели виртуальных музеев научных школ // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 3. С. 745–748.

Иванян Е.П., Чань Ч. Динамика эвфемизации в русском и китайском языках // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы восьмой междунар. науч. конференции. Самара : ПГСГА, 2013. С. 118–122.

Иванян Е.П., Белкина Ю.А. Научная коммуникация как способ организации и презентации региональной науки в виртуальном пространстве // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 857–860.

Иванян Е.П. Мотивированные знаки с дезориентирующей внутренней формой // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов : сборник науч. статей. Самара : Самарский гос. ун-т, 2013. С. 51–52.

Иванян Е.П., Кудлинская-Степень Х. Организация языкового материала в русско-польском словаре // Наука и культура России : сборник статей междунар. конференции. Самара : СамГУПС, 2013. С. 42–45.

Иванян Е.П. Проблема научной достоверности при формировании виртуального музея // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы восьмой междунар. науч. конференции. Самара : ПГСГА, 2013. С. 122–125.

Иванян Е.П., Чань Ч. Судьба древних эвфемизмов // Русская словесность в современном образовательном пространстве : сборник науч. статей по материалам конференции, посв. 85-летию со дня рождения профессора Елены Павловны Прониной. Самара : ПГСГА, 2013. С. 118–122.

Иванян Е.П., Белкина Ю.А. Виртуальный музей в современном образовательном пространстве // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы девятой междунар. науч.-практ. конференции. Самара : ПГСГА, 2014. С. 69–73.

Иванян Е.П. Естественнонаучный и гуманитарный подходы в лингвистическом анализе художественного текста // Художественное сознание: консолидация естественнонаучного и гуманитарного подходов : материалы всерос. науч. конференции с междунар. участием, посв. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Самара : ПГСГА, 2014. С. 56–64.

Иванян Е.П. Коучинг в высшем гуманитарном образовании (на материале авторской программы Дарьи Корж) // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы девятой междунар. науч.-практ. конференции. Самара : ПГСГА, 2014. С. 73–77.

Иванян Е.П. Значения умолчания как функционально-семантическая категория // Acta Universitatis Lodzianensis Folia Linguistica Rossica. 2015. № 11. С. 49–56.

Иванян Е.П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1(10). С. 33–35.

Иванян Е.П. Семантика еды в лингвистических изысканиях: результаты и перспективы // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 1(4). С. 795–797.

Пясецка А., Иванян Е. Коннотативные связи по внешнему виду в номинациях животных в польском и русском языках // *Litera scripta manent. Служение слову. Т. 2 : юбилейный сборник науч. трудов, посв. 65-летию проф. д-ра Тотки Ивановой. Болгария, Шумен : Епископ Константин Преславски, 2015. С. 163–173.*

Иванова П.С., Иванян Е.П. Прецедентные имена собственные в сравнениях из повести Н. Абгарян «Манюня» // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы десятой междунар. науч. конференции. Самара : ПГСГА, 2015. С. 113–117.*

Иванян Е.П. Проблема эвфемии в русском дискурсе начала XXI в. : обзор // *Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : материалы V междунар. науч. конференции. Тольятти : ТГУ, 2015. С. 43–49.*

Абрамовских Е.В., Иванян Е.П., Кальнова О.И. Антропоцентризм в языке и литературе (по итогам научно-методологических конференций и семинаров) // *Научный диалог. 2016. Вып. 6(54). С. 264–268.*

Гоннова Н.В., Венгранович М.А., Иванян Е.П. Диалог античности и христианства (по итогам межвузовского научного семинара) // *Научный диалог. 2016. № 7(55). С. 324–326.*

Иванян Е.П. Лингвоэкология педагогической речи // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. № 11–12. С. 48–56.*

Иванян Е.П., Иванова П.С. Проблема деформации устойчивых сравнений в художественном тексте // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы одиннадцатой междунар. науч.-практ. конференции. Самара : СГСПУ, 2016. С. 105–108.*

Иванян Е.П., Федотова А.А. Категория ужасного в русской литературе: лингвистический и дидактический аспекты // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы одиннадцатой междунар. науч.-практ. конференции. Самара : СГСПУ, 2016. С. 101–104.*

Иванян Е.П. Вторичные языковые знаки с дезориентирующей формой // *Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 153–155.*

Иванян Е.П., Иванова П.С. Прием смешения средств разных стилей в окказиональных сравнениях художественного текста // *Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 155–158.*

Иванян Е. Проблемы лингвоэкологии русской речи // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. Z. 12: Studia tekstologiczne. Lingwistyka kognitywna. Lingwokulturologia. Tom jubileuszowy dedykowany Profesorowi Jarosławowi Wierzbickiemu / red. Krystyna Ratajczyk. Łódź, 2016. S. 63–68.*

Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // *Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов междунар. науч. конференции, посв. 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.) / ред. кол.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.), М.В. Головня (зам. отв. ред.), П.А. Лекант [и др.]. М. : ИИУ МГОУ, 2017. С. 331–333.*

Иванян Е. Экология русского слова // 1001.ru. URL: <https://1001.ru/articles/post/ekologiya-russkogo-slova--34261> (дата обращения: 11.12.2019).

Иванян Е. Языковая игра в педагогической речи: лингвоэкологический аспект // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. 2017. Z. 14. С. 73–80.*

Иванян Е.П. Экология слова в современной жизни, или Языковые монстры // *Церковный вестник. 2017. № 7(222). С. 6.*

Иванян Е.П., Иванова П.С. Персоносфера в сравнениях с прецедентными онимами в текстах произведений З. Прилепина и Н. Абгарян // *Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4(11). С. 48–58.*

Абрамовских Е.В., Белкина Ю.А., Иванян Е.П., Михайлова М.Ю. Лаборатория смыслов // *Научный диалог. 2017. № 1. С. 343–346.*

Иванова П.С., Иванян Е.П. Персоносфера в сравнениях: в аспектах видов ощущений // *Славянские этносы, языки и культуры в современном мире : сборник материалов IV междунар. науч.-практ. конференции, посв. 60-летию филологического факультета БашГУ / отв. ред. О.П. Касимова. Уфа : БашГУ, 2017. С. 78–85.*

Иванян Е.П., Кальнова О.И., Шайхуллова Р.Р. Изучение русского языка и литературы за рубежом (по итогам научно-методологических онлайн-конференций) // Научный диалог. 2017. № 3. С. 290–292.

Иванян Е.П. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) / Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. // Русистика без границ. 2017. Т. 1, № 2. С. 105–107.

Иванян Е.П., Иванова П.С. Приёмы комического в сравнениях произведений Н. Абгарян // Наука и культура России. 2017. Т. 1. С. 165–168.

Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Вып. 2. Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления. 27–28 апреля 2018 г. / гл. ред. проф. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2018. (Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. Вып. 2(27)). С. 209–215.

Иванян Е.П. Проблема лингвоэкологических норм педагогической речи // Современное дошкольное образование: проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Самара, 23 марта 2018 года. Самара : Инсома-пресс, 2018. С. 17–23.

Иванян Е.П., Кальнова О.И., Мизгирева И.В. Теория и методология современной лингвоэкологии. Аспект образовательного процесса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : журнал науч. публикаций. М. : Институт стратегических исследований. 2018. № 7 (июль). С. 70–72.

Иванян Е.П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4(25). С. 59–62.

Иванян Е.П. Лингвоэкология речи преподавателя в практике педагогического образования // Языкознание, литература и гуманитарные науки народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее : материалы всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием (г. Уфа, 3 октября 2018 г.), посв. 90-летию д-ра филол. наук, чл.-корр. АН РБ, профессора Т.М. Гарипова. Уфа : БГПУ, 2019. С. 103–108.

Иванян Е.П. Инновационные методы и проекты в освоении лингвистической русистики // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 361–365.

Иванян Е.П. Фразеология педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции, посв. 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2019. С. 480–485.

Иванян Е.П. Звукоподражания как субституты моделируемой ситуации // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сборник трудов междунар. науч. конференции, посв. памяти проф. П.А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. кол.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) [и др.]. М. : ИИУ МГОУ. С. 186–191.

Иванян Е.П., Аникин А.А. «Не дружить с головой»: бытование фразеологизма в новой фольклорной форме // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сборник трудов междунар. науч. конференции, посв. памяти проф. П.А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. кол.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) [и др.]. М. : ИИУ МГОУ. С. 272–277.

Иванян Е.П., Иванова П.С. Корреляция между семами «живое» – «неживое» и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции в текстах З. Прилепина // Наука и культура России : материалы XVI междунар. науч.-практ. конференции, посв. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Самара, 28–29 мая 2019) / редкол.: Д.В. Железнов [и др.]. Самара : СамГУПС, 2019. С. 94–98.

Иванян Е.П. Изобразительно-выразительный потенциал булгаковских номинаций лица // Наука и культура России : материалы XVI междунар. науч.-практ. конференции, посв. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Самара, 28–29 мая 2019) / редкол.: Д.В. Железнов [и др.]. Самара : СамГУПС, 2019. С. 102–107.

**ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЁННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА Е.П. ИВАНЯН (СЕНИЧКИНОЙ)**

**THESES UNDER DOCTOR OF PHILOLOGY,
PROF. E.P. IVANYAN'S (SENICHKINA'S) SUPERVISION**

Кандидатские диссертации

Давыдкина Н.А. Наречия с семантикой незначительности признака: семантический, грамматический и прагматический аспекты. Самара, 2005.

Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева. Самара, 2005.

Андреев В. В. Средства выражения семантики умолчания в произведениях З.Н. Гиппиус. Самара, 2007.

Прядильникова Н. В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика. Самара, 2007.

Малыгина Е. Н. Средства смягчения высказывания в медицинской речи. Самара, 2008.

Бровкина И.В. Единицы неопределенной семантики в прозе А. Платонова: функциональный аспект. Самара, 2009.

Долгова Е.Ю. Лексика и фразеология, связанные со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке. Самара, 2009.

Костина Е.А. Комплексная характеристика эвфемизмов-соматизмов русского языка. Самара, 2013.

Айтасова С.И. Система средств эвфемизации в творчестве Н.В. Гоголя. Самара, 2013.

Моргунова А.Н. Бытование омокомплеса *оно* в русском дискурсе. Самара, 2016.

Гоннова Н.В. Царь-производные в русском дискурсе: комплексная характеристика. Самара, 2017.

Гурова И.В. Гейт-производные в русском дискурсе. Самара, 2018.

Васильева О.А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой 'свинья'. Самара, 2019.

Докторская диссертация

Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке. Самара, 2017.

Общие вопросы языкознания и методики преподавания языка

General Issues in Language Studies and Applied Linguistics

УДК 81'25

ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

THEORY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION,
LINGUODIDACTICS AND TRANSLATION STUDIES: POINTS OF INTERSECTION

© 2020

А.К. Жумабекова

A.K. Zumabekova

При подготовке специалистов со знанием иностранных языков в разных областях гуманитарного знания (переводчиков, преподавателей иностранных языков, дипломатов, PR-менеджеров, специалистов в области международного права, туризма, международных отношений и др.) встает вопрос о необходимости учета в учебном процессе междисциплинарных связей теоретических дисциплин. Особое внимание уделяем связи таких научных направлений и одновременно учебных предметов, как теория межкультурной коммуникации, лингводидактика и переводоведение. При этом особо следует остановиться на метаязыке, который должен быть единым, общим и актуализироваться на протяжении всего учебного цикла. Одним из наименее разработанных разделов является терминология теории межкультурной коммуникации, характеризующаяся вариативностью и неустойчивостью, что связано с относительно молодым характером самого научного направления. Введение терминов теории межкультурной коммуникации в образовательный процесс, их соотнесение с целями занятий по разным гуманитарным дисциплинам способствует созданию межкультурного полилога в полиэтнической студенческой микрогруппе. Каждый преподаватель становится для учащихся своеобразным «переводчиком-интерпретатором» и специалистом по межкультурному общению. Поэтому так важен личностный рост, посещение тренингов по межличностному общению, деловому и речевому этикету.

Ключевые слова: теория и практика межкультурной коммуникации; лингводидактика; переводоведение; метаязык; задачи; высшее образование; межкультурное общение; этические нормы; культурные ценности.

In the process of training specialists who have a good command of foreign languages in different fields of humanitarian knowledge (translators, foreign language teachers, diplomats, PR-managers, specialists of international law, tourism, international relations, etc.), the question about taking into account the interdisciplinary connections of theoretical disciplines in the educational process is arisen. Therefore, we focus on the interrelation of such scientific areas and academic subjects as well as the theory of intercultural communication, linguodidactics and translation studies. Special attention should be paid to the metalanguage, which should be unified, common and updated throughout the whole curriculum. One of the least developed areas is the terminology of the theory of intercultural communication, characterized by variability and instability, which is associated with the relatively young age of the science. The introduction of these terms into the educational process, their correlation with the objectives of classes in different humanitarian disciplines contributes to the creation of an intercultural polylog in a multiethnic student microgroup. Each teacher becomes a “translator-interpreter” for students and a specialist in intercultural communication. Therefore, personal growth, training on interpersonal communication, business and speech etiquette are of great importance.

Keywords: theory and practice of intercultural communication; linguodidactics; translation studies; metalanguage; tasks; higher education; intercultural communication; ethical norms; cultural values.

Теория и практика межкультурной коммуникации – одна из наиболее быстро развивающихся и востребованных отраслей науки в современном мире – в полной мере отражает объективно существующее противоречие между глобализацией и этнизацией, находящее свое выражение, в частности, в межъязыковом общении.

В последнее время в числе видов межкультурной коммуникации исследователями называется и перевод. В вузах России осуществлялась подготовка специалистов по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация» с присвоением квалификации «Лингвист, переводчик», а также «Лингвист, специалист по межкультурному общению» [1] (в настоящее время: направление подготовки «Лингвистика», профиль «Теория и практика межкультурной коммуникации»; степень: Бакалавр лингвистики. Специалист по межкультурному общению [2]).

В казахстанских учебных стандартах хотя и нет подобного уточнения квалификации, современные тенденции в подготовке будущих переводчиков учтены. Так, в числе сфер профессиональной деятельности бакалавра специальности «Переводческое дело» называются «культура и межкультурная коммуникация» [3, с. 2]; требования к профессиональной компетенции подразумевают «знание этических норм межкультурной коммуникации» [3, с. 6]; требования к образованности по базовым дисциплинам предусматривают «знание стратегии эффективного межкультурного общения и адекватного поведения в различных ситуациях общения» [3, с. 8] и т.п. (в настоящее время обновленный стандарт дает свободу в подборе дисциплин и формулировке компетенций [4]).

Не случайно в учебные планы специальностей «Иностранные языки», «Переводческое дело» в последние годы введена дисциплина «Теория и практика межкультурной коммуникации». Разработанное нами в соавторстве пособие «Практикум по межкультурной коммуникации» [5] включает в основном практические задания по

выработке навыков межкультурного общения на основе изучения различий в культурных ценностях, стереотипах и поведении различных этнических групп и народов мира в их сопоставлении с казахской культурой и менталитетом.

Пособие состоит из трех разделов:

1. Культурные стереотипы.
2. Кросскультурная адаптация.
3. Культурные ценности.

При разработке пособия мы столкнулись с тем, что для русскоязычных и казахскоязычных студентов (в отличие от англоязычных) метаязык теории межкультурной коммуникации не описан.

Для наиболее полного усвоения понятий теории межкультурной коммуникации в пособие включен глоссарий терминов, многие из которых впервые вводятся в учебный процесс. Перечень содержит такие базовые понятия, как *глобальная коммуникация, параметры межкультурного общения, аккультурация, бикультурализм, кросскультурный, корпоративная культура, культурная идентичность, культурная чувствительность, маргинализация, невербальные коммуникативные коды, пост-этничность, стереотипы (культурные)* и др.

Рассмотрим некоторые из них [5, с. 51–56].

Аккультурация – приобщение и принятие иммигрантами норм и культурных ценностей новой родины.

Ассимиляция – отказ иммигрантов от прежней культурной идентичности в пользу культурной идентичности, присущей новой родине.

Бикультурализм – способность функционировать в двух культурах.

Глобальная коммуникация – трансграничное распространение информации и ценностей группами и правительствами, используемые технологии и возникающие при этом проблемы.

Корпоративная культура – восприятие организации как отдельной культуры; ценности, цели, задачи и приоритеты, которые определяют политику и процедуры в деятельности организации.

Кросскультурный – сравнение культурно-специфичных явлений в различных культурах.

Культурная идентичность – социальное сооружение, которое предоставляет индивиду онтологический статус (чувство «бытия») и предсказуемые ожидания относительно характера общественного поведения (правила «действия»); люди обладают множеством взаимосвязанных культурных идентичностей – этнической, расовой, профессиональной, социально-экономической, сексуальной, половой, межличностной.

Культурная чувствительность – избегание основанных на собственных культурных ценностях ценностно ориентированных суждений о других культурах и их артефактах (хорошо/плохо, правильно/неправильно).

Культурный шок – процесс адаптации, который происходит при переезде в другую страну; дезориентация и состояние беспокойства и стресса индивида при вхождении в инокультурную среду.

Маргинализация – потеря культурной идентичности, отсутствие психологической связи с обществом.

Межкультурное общение – процесс обмена знаками между отдельными личностями и группами, обладающими выраженными различиями в восприятии и поведении.

Постэтничность – убеждение в том, что принадлежность к группе или коллективу может определяться не рождением, а на добровольной основе.

Предрассудки – иррациональное отношение либо ненависть к определенной группе, расе, религии, сексуальной ориентации.

Сепаратизм/сегрегация – изоляция от новой культуры, сохранение родной культуры и следование особенностям чужой страны.

Стереотипы (культурные) – обобщение взглядов на личность/группу, которая не принадлежит к нашей культуре.

Эмпатия – уважительное отношение к другим культурам, способность понимать

чужие проблемы, идеи, представления, традиции, ценности; также психологическое/ментальное вхождение в душу и чувства другого человека или вещи, положительное восприятие и понимание.

Этнорелятивизм – суждение о других культурах и их представителях с позиций правил, используемых в этих культурах.

Введение этих и других терминов в образовательный процесс, их соотнесение с целями занятий по разным гуманитарным дисциплинам способствует созданию межкультурного полилога в студенческой микрогруппе, как правило, полиэтнической по своему составу.

Так, при обучении языку (русскому, казахскому, английскому, арабскому и т.д.) как реальному средству общения основной задачей становится формирование у обучаемых коммуникативной компетенции, включающей, как известно, помимо лингвистической, социокультурную, дискурсивную, социолингвистическую, социальную, стратегическую компетенции. В настоящее время проблема формирования межкультурной компетенции является центральной, к примеру, для Совета Европы, рекомендующего проводить занятия по любому языку как уроки толерантности. В результате, как отмечает А.А. Шогенов, у обучаемых должен сформироваться «целый комплекс способностей:

- воспринимать инокультурные явления с чувством эмпатии, принимать иную культуру как объективную ценность, понимать исходные основания культурной жизни ее представителей;
- учитывать различия в культурных нормах, ценностях и условиях;
- интерпретировать инокультурные явления в полиперспективном контексте;
- понимать процессы, протекающие в ходе взаимодействия представителей различных культур;
- в процессе общения строить свое вербальное и невербальное поведение, исходя из понимания культурных различий» [6, с. 312].

Ученый отмечает, что при этом каждый преподаватель становится для своих учащихся своеобразным «переводчиком-интерпретатором», добавим от себя: и шире – специалистом по межкультурному общению. Как показывает опыт, многие из преподавателей сами нуждаются в тренингах по межличностному общению, деловому и речевому этикету. Важно усилить акцент на осознании обучаемыми (и обучающими) необходимости постоянного саморазвития, поскольку миссия посредников между представителями разных культур столь же почетна, сколь и ответственна.

Эти требования в большей степени реализуются в современной методике преподавания иностранных языков (в частности, английского). Учащиеся школ, студенты вузов многое уже знают об особенностях англоязычной культуры, прилежно изучают правила речевого этикета. Обучение же русскому и казахскому языкам в школе и вузе часто ограничивается заучиванием многочисленных грамматических правил. Лексические же темы иллюстрируются примерами, перегруженными устаревшими, вышедшими из активного употребления словами, обозначающими уже отсутствующие в современном урбанистическом мире реалии.

Наиболее полному раскрытию сущности языков и культур способствует их сопоставительное изучение. «Если языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с чужими, отличными от нее: в лучшем случае удивительными, а обычно просто странными, неприятными, шокирующими (отсюда понятие культурного шока)» [7, с. 33]. Эффективным представляется систематическое сопоставление фактов родной и иноязычной культур. Как осознанный, нуждающийся в регулярном закреплении, этот методический прием необходимо осуществлять в русле задач межкультурной коммуникации.

Особенности межкультурной коммуникации, как отмечает Д.Б. Гудков, наибо-

лее ярко проявляются при анализе отрицательного материала, то есть коммуникативных сбоев различного типа. Ученый выделяет три класса причин, которые вызывают коммуникативные неудачи: 1) порождаемые устройством языка; 2) порождаемые индивидуальными различиями говорящих в каком-либо отношении; 3) порождаемые прагматическими факторами [8, с. 57].

Коммуникативные ошибки Д.Б. Гудков подразделяет на:

- технические,
- системные (в соответствии с уровнями языковой системы – фонетические, лексические, грамматические),
- дискурсивные,
- идеологические [8, с. 68–83].

На филологических факультетах для преподавателя языка открывается большое поле деятельности: эти проблемы могут быть в той или иной форме обсуждены на занятиях по интегрированным с лингвистикой дисциплинам (*лингвокультурологии, политической лингвистике, теории и практике перевода, социолингвистике, этнолингвистике, паралингвистике и др.*). На неязыковых специальностях вузов такой прием может быть использован при преподавании предметов «Казахский язык», «Русский язык», «Иностранный (английский) язык». К примеру, не стоит очень много усилий направлять на отработку произнесения специфических казахских звуков: не всем они удаются, а не совсем правильное их произношение не повлияет на адекватное восприятие и понимание. Напротив, объяснение факта отсутствия редукции безударного [o] в начале казахских слов (в отличие от русского языка), закрепление этого произносительного навыка чрезвычайно важно в межкультурном аспекте, ибо, как показывает практика, такие фонетические ошибки порождают серьезные коммуникативные неудачи. Так, название партии *Отан (Родина)* – сейчас в составе сочетания *Нур-Отан*, – особенно в начальный период ее появления, многими произносилось (иногда произносится и в настоящее время) как *Атан* (значение слова *атан* – *холощеньный верблюд*), что вызывало и продол-

жает вызывать резко отрицательные эмоции у казахскоязычных коммуникантов. Ср.: *Орал* (название края и реки *Урал* в казахском языке) и *Арал* (*остров*), *Оспан* (мужское имя) и *аспан* (*небо*), *Ораз* (мужское имя) и *араз* (*врозь*), *Орақ* (сельскохозяйственный инструмент) и *арақ* (алкогольный напиток) и т.п.

При обучении лексике представляется необходимым акцентировать внимание на традиционно прозрачной семантике казахских собственных имен (*Куаньши*, *Кайрат*, *Бахыт*, *Гаухар*, *Салтанат*, *Айсулу* и т.п.) и потому коммуникативно значимом правильном их произношении – *Олжас*, *Омар*, *Ораз*, *Оспан* и др., в отличие от неявных, «стершихся» значений собственных имен в современном русском языке. Искажения в произнесении собственных имен часто приводят к коммуникативным неудачам. Пример: регулярное именование *Олжаса Омаровича Сулейменова* многими известными журналистами, общественными деятелями *Алжасом Амаровичем* вызывает устойчивую отрицательную реакцию у пожилой женщины-билингва. Всю последующую информацию она воспринимает негативно или вовсе игнорирует ее. По мнению исследователей, культурные ошибки воспринимаются остро, в отличие от большинства языковых.

В российских СМИ, особенно в телепередачах, журналистами часто смешиваются паронимы *казахский* и *казахстанский* (ср. с отсутствием смещения по аналогии слов *русский/российский* в казахстанских СМИ), что демонстрирует незнание социокультурной информации о Казахстане и, что более важно, акцентирует внимание на явной коммуникативной ошибке.

В сфере синтаксиса подчеркнем важность сохранения законов сочетаемости, нарушаемых при дословном переводе. Напри-

мер, рекламный слоган *Крепкая компания – крепкий чай*, переведенный на казахский язык дословно как: *Мықты компания – мықты шай*, – не достигает своей коммуникативной цели – вызвать у потенциального потребителя (в данном случае казахскоязычного) желания приобрести товар. Ошибка состоит в незнании того факта, что русскому словосочетанию *крепкий чай* эквивалентно казахское *қою (қызыл) шай* (буквально: *густой чай*).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что успешность межкультурной коммуникации (в частности, русско-казахской и казахско-русской) во многом определяется лингвокультурологическими знаниями, которые необходимо в полной мере передать всем изучающим язык.

Случаи коммуникативных неудач в сфере перевода порой обусловлены не незнанием языкового материала, а совершенно иными – социокультурными – причинами, отражающими этнические, религиозные, мировоззренческие и другие различия среди представителей одной страны, носителей одного языка, одной культуры, в частности, переводчиками. Поскольку тексты перевода, на наш взгляд, являются продуктами межкультурной коммуникации, на занятиях со студентами переводческих отделений мы акцентируем их внимание на недопущении подобных ошибок со стороны профессионалов. Структура учебного процесса создает для этого все возможности: на занятиях по базовому иностранному языку, страноведению, теории и практике перевода текстов различных жанров и типов, теории и практике межкультурной коммуникации и других у учащихся целенаправленно формируется профессиональная межкультурная компетенция, хотя, разумеется, степень овладения ею различается в зависимости от индивидуальных особенностей и способностей студентов.

* * *

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки дипломированного специалиста 620100 – Лингвистика и межкультурная коммуникация (утвержден Минобразованием РФ 14.03.2000). М., 2000. URL: <https://eduscan.net/standart/031200> (дата обращения: 25.12.2019).

2. Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ. URL: www.msu.ru/info/struct/dep/inostr.html (дата обращения: 25.12.2019).

3. Государственный общеобязательный стандарт образования РК. Образование высшее профессиональное. Бакалавриат. Специальность 050207 «Переводческое дело». Астана : Министерство образования и науки РК, 2004. 75 с.

4. Государственный общеобязательный стандарт высшего образования РК. Астана, 2018. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/P1200001080> (дата обращения: 25.12.2019).

5. Абдыгаппарова С.К., Жумабекова А.К., Бугенова Л.А. Практикум по межкультурной коммуникации : учебное пособие. Алматы : КазНПУ им. Абая, 2005. 92 с.

6. Шогенов А.А. Русский язык в межкультурном контексте // Русский язык в образовательном пространстве Центрально-азиатского региона СНГ : междунар. науч.-практ. конференция. 15–19 августа 2007 г. Бишкек : КРСУ, 2007. С. 311–313.

7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие. М. : Слово/Slovo, 2008. 624 с.

8. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.

**РАЗВИТИЕ ЭВРИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ОТВЕТ НА «КОГНИТИВНЫЙ ВЫЗОВ» СОВРЕМЕННОСТИ**

**HEURISTIC THINKING DEVELOPMENT
IN RUSSIAN CLASSES AS A RESPONSE
TO TODAY'S "COGNITIVE CHALLENGE"**

© 2020

Л.В. Калинина

L.V. Kalinina

В статье обосновывается необходимость использования на занятиях по русскому языку в школе и вузе развивающих заданий с целью формирования у учащихся эвристического мышления, иначе называемого «олимпиадным». Под эвристическим мышлением понимается способность самостоятельно генерировать способ решения нестандартной задачи. В настоящее время данная способность является остро востребованной в обществе, так как современная реальность требует не столько наличия у индивида «багажа знаний», сколько умения находить ответы на новые, прежде не стоявшие перед социумом вопросы. Изучение языка способствует развитию навыков эвристического мышления. Подчеркивается, что развитие такого типа мышления должно осуществляться с учетом как словесно-логической, так и ассоциативно-образной составляющей. В качестве примеров в статье рассматриваются два типа развивающих практик: релевантное привлечение экстралингвистических сведений и работа с «аномальными» текстами. Уместное привлечение экстралингвистической информации позволяет представить языковую единицу в ее функционировании, продемонстрировать специфику применения различных методов исследования, закрепить в сознании учащихся определенные фоновые знания, которые станут основой для возможных аналогий и ассоциаций при решении разного рода языковых и неязыковых задач в будущем. Работа с «аномальными» текстами способствует развитию креативности, а также герменевтических и интерпретационных навыков.

Ключевые слова: русский язык в школе и вузе; эвристическое мышление; олимпиадное мышление; методика преподавания русского языка; семантика и функционирование языковых единиц; методы лингвистического исследования; законы развития языка; фоновые знания; аномальные тексты; лингвистика креатива.

The article substantiates using advanced tasks in Russian classes at school and university as a means of students' heuristic or "olympiad-like" thinking development. Heuristic thinking is an ability to independently generate a solution to a non-standard task. At present, this ability is acutely in demand in the society, since modern reality requires that the individual not only gain particular knowledge but the ability to solve absolutely new issues. Learning a language enhances heuristic thinking. It is emphasized that in the development of this type of thinking both the verbal-logical and associative-figurative component should be taken into account. As examples, the article considers two types of developmental practices: the relevant attraction of extra linguistic information and work with «abnormal» texts. Appropriate attraction of extra linguistic information allows us to represent a language unit in its functioning, demonstrate the specific application of various research methods, provide the students' minds with certain background knowledge that will be the basis for possible analogies and associations when solving various kinds of language and non-language tasks in the future. Working with «abnormal» texts contributes to the development of creativity, as well as hermeneutic and interpretation skills.

Keywords: the Russian language at school and university; heuristic thinking; olympiad-like thinking; methods of teaching the Russian language; semantics and functioning of language units; linguistic research methods; laws of language development; background knowledge; abnormal texts; creative linguistics.

В настоящее время все чаще говорят о том, что необходимо менять подход к преподаванию учебных дисциплин в школе и вузе: вместо того, чтобы заставлять школьников и студентов запоминать определенную сумму знаний в той или иной области, следует показывать им пути и способы самостоятельного приобретения этих знаний. Необходимость этого «методиче-

ского разворота» обусловлена тем, что объемы разнообразной информации и скорость ее обновления сейчас таковы, что не позволяют ни осознать ее, ни даже своевременно воспринять. Прежние методики преподавания, основанные на «линейном» и поэтапном изложении когда-то принятого за основу ограниченного круга сведений, требующие заучивания ряда фактов и правил, не

соответствуют темпу и тенденциям развития современной жизни – всему тому, что получило название «когнитивного вызова» современности. Ср. в связи с этим: «К быстрому прогрессу когнитивных технологий, к превращению этой области в мощную индустрию человечество понуждает объективная потребность быстрого достижения нового качества управления во все более сложном и нестабильном мире» [1, с. 68].

Современные тенденции развития социума требуют определенной корректировки методик обучения, иного расставления приоритетов: в настоящее время востребованы не просто знающие специалисты, а творческие, нестандартно мыслящие личности, умеющие создавать адекватные модели принятия решений для каждой конкретной ситуации в условиях проблемной среды. «У человека модель проблемной среды состоит из двух частей – словесно-логической и образной», – отмечает А.Л. Шамис [2, с. 117]. Для одновременного развития и логического, и ассоциативно-образного мышления в процессе обучения следует как можно шире применять эвристические методы. Ср. в связи с этим: «Эвристика – методология научного исследования, а также методика обучения, основанная на открытии или догадке» [3, с. 410]. О сущности эвристических методов ср. также [4, с. 142–143 ; 5 ; 6].

Очевидно, в настоящее время в процессе обучения языку (и другим предметам) следует гораздо большее внимание уделять развивающим заданиям, пробуждающим когнитивные и творческие способности и вырабатывающим эвристическое мышление, иначе называемое «олимпиадным». «Олимпиадным» такое мышление называется потому, что им обладают участники предметных олимпиад самого высокого уровня: оно помогает не «вспоминать» какой-то готовый ответ на поставленный вопрос, а находить его самостоятельно. Вот как определяет такой тип мышления один из недавних школьников – участников олимпиад: это «умение находить выход из трудных положений, когда

ты, может быть, не вполне знаешь теорию, но все равно – решаешь задачу, догадываешься» [7, с. 5]. О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку см., напр. [8].

Преподавание русского языка дает большие возможности для формирования у учащихся навыков эвристического мышления. Язык – это самоорганизующаяся система, которая развивается по принципу «детерминированного хаоса» [9]. Чтобы решать лингвистические задачи, необходимо применять одновременно рационально-логическое и интуитивно-образное мышление, мыслить нелинейно, выстраивая в процессе рассуждения своеобразный «гипертекст», наполненный «ссылками» на разные фрагменты известной человеку языковой и неязыковой информации [10]. Представление о законах развития языка должно сочетаться с представлением о возможности исключений из этих законов, объективные знания должны сопровождаться субъективными ассоциациями.

Цель настоящей статьи – рассмотрение возможностей развития эвристического мышления на занятиях по русскому языку в школе и вузе на примере привлечения для решения лингвистической проблемы экстралингвистических сведений и работы с аномальными текстами.

Одним из важных способов развития эвристического, «олимпиадного» мышления мы считаем постоянное сообщение учащимся экстралингвистических сведений из самых разных областей. Вовремя и уместно предъявленные (то есть не отвлекающие от темы занятия, а тесно связанные с ней) экстралингвистические сведения становятся фоновыми знаниями учащихся, которые в дальнейшем могут послужить основой для различных ассоциаций и аналогий, помогающих устанавливать связи между известным и неизвестным в ситуации поиска решения. Вот как говорит об этом Т.В. Черниговская: «Открытия делаются с помощью ассоциативного мышления. Невозможно спланировать открытие (недаром оно приходит во сне или вдруг падает на голову яб-

локо – и внезапно происходит то, чего вчера еще никто не ожидал). Чем больше ассоциаций к человеку придет, самых пестрых (и именно в разговоре, без чтения тонны книг и сотен тонн статей), тем лучше» [11].

Поводом для обсуждения может послужить любое встретившееся в упражнении слово: устаревшее, заимствованное, окказиональное, диалектное, – хорошо освоенное русским языком или на днях появившееся в Интернете и т.д. Любое слово способно на занятии вырасти до уровня концепта, то есть предстать как «некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [12, с. 47], как результат «столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [12, с. 47].

Например, при работе со студентами-филологами над темой «Существительные конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные» мы даем такое упражнение: «Распределите существительные в четыре столбика: конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные. Отдельно выпишите слова, лексико-грамматическую принадлежность которых вы затрудняетесь определить». Среди предложенных существительных есть и слово *щетина*. Чтобы определить его лексико-грамматическую принадлежность, необходимо понять, какой именно объект действительности называют этим словом. Выясняется, что для нынешних молодых носителей языка *щетина* обозначает прежде всего «мужскую небридность» и соотносится с конкретным «местом» на теле человека: вот тут у него лысина, тут родинка, тут ссадина, тут щетина. Но проверка грамматикой (попытка поставить слово *щетина* во множественное число) показывает, что существительное *щетина* ведет себя не так, как конкретные существительные *лысина*, *родинка*, *ссадина*, *царапина* и подобные. Почему это происходит? Обращение к этимологии слова, актуализация сведений о быте и культуре наших предков приводят студентов к пониманию исходной, вещественно-собирательной семантики данного слова, которая

и обуславливает его «сопротивление» употреблению в форме множественного числа [13]. Но еще важнее то, что в ходе обсуждения даже одного слова вырабатывается некий алгоритм, модель решения других подобных проблем: выяснение лексического значения слова в современной речи (с опорой как на имеющиеся у учащихся бытовые представления, так и на словарные толкования), наблюдение за сочетаемостью слова и его грамматическими свойствами, обращение к этимологическим словарям, выявление исторических изменений в семантике и функционировании. При этом как бы само собой происходит обучение сразу нескольким лингвистическим методам: метод компонентного анализа помогает выявить разные семы в структуре значения слова; метод дистрибутивного анализа способствует установлению границ сочетаемости языковой единицы; метод оппозитивного анализа позволяет обнаружить отличия данной единицы от сходных с нею в определенном отношении; трансформационный метод очерчивает границы, в пределах которых языковая единица выражает свойственный ей смысл [14]. Подобный подход может быть применен в дальнейшем к другому материалу, как языковому, так и, по аналогии, к неязыковому.

Ученик или студент, обладающий привычкой мыслить в широком контексте, с привлечением фоновых знаний, наверняка справился бы с задачей олимпиадного типа, предложенной И.Б. Левонтиной: перевести с древнерусского на латынь слово *инде*. Предполагается, подчеркивает И.Б. Левонтина, что «перевести надо аналитическим путем, не зная ни одного языка, ни другого. Тут ничего не требуется, кроме знакомства с русским языком и некоторых общекультурных сведений» [15, с. 462].

Другим способом стимулирования эвристического мышления может стать работа с «аномальными» текстами различной природы: содержащими примеры нарушения языковых норм, игровыми, «абсурдными» и т.д. За всякой аномалией обычно стоит некоторая закономерность, всякая

аномалия несет в себе некоторый смысл. Так, ошибки в современной речи могут быть связаны с действием универсальных законов развития языка: например, закон аналогии «заставляет» говорящих ставить в глаголе *звонить* ударение на корень или употреблять существительное *кофе* в среднем роде. На занятиях по русскому языку следует вскрывать причины такого рода ошибок, говорить о них с учащимися как о возможных «точках роста новых явлений» [16], а не просто требовать запоминания нужного варианта – в этом случае «работа над ошибками» будет действительно осознанной, а сами ошибки станут материалом для выявления стоящих за ними закономерностей и основой для понимания «детерминированного хаоса» языка. Кроме того, как отмечал Л.С. Выготский, «то, что с точки зрения языка является ошибкой, может, если оно возникает из самобытной природы, иметь художественную ценность» [17, с. 297].

На «аномальных» в широком смысле текстах хорошо отрабатывать навыки разных видов языкового анализа: фонетического и фоносемантического, словообразовательного, морфологического, синтаксического. В качестве материала в зависимости от поставленных целей можно использовать самый широкий круг произведений: тексты, построенные по принципу «глокой куздры» (например, стихотворение «Бармаглот» из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», миниатюру Л. Петрушевской «Пуськи бятые» и т.д.), образцы поэтической «зауми» (стихотворения В. Хлебникова, А. Кручных, А. Труфанова и др.), рассказы Д. Хармса, тексты А. Платонова, некоторые рассказы А. Слаповского, юмористические миниатюры А. Кнышева, лимерики, популярные в Интернете «стишки-пирожки» и «стишки-порошки» и т.д. Можно взять для работы один из коротких анекдотов типа: *Летят по небу два крокодила – синий и красный, особенно красный; Идет лысый по пустыне, вдруг из-за угла его кто-то хватает за волосы – и об асфальт; Некоторые люди приходят в ужасное замешательство, когда*

предложение заканчивается не так, как они борщ; Упала вилка на пол да как начала вальситься!

Подобные тексты располагают к размышлениям о том, по какой причине (формальной или содержательной) они признаются «аномальными», нарушена ли в них предметная или понятийная логичность, для чего вообще создаются такие тексты, какой смысл они несут при всей своей кажущейся внешней бессмысленности? Главная цель работы с «аномальными» текстами – выйти за пределы стереотипов мышления, постараться найти смысл там, где, на первый взгляд, его нет. О невозможности существования полностью бессмысленного текста рассуждает Т.Б. Рабиль: «Текст, благодаря такому, пока не ясному для нас свойству, как “художественность”, интегрирует все... уровни, обеспечивая семантическую емкость и значительную конденсацию смыслов. И механизм... осмысления “бессмысленного” как раз и могут служить компенсаторные возможности разных уровней дополнять друг друга (чего “недала” семантика, возьмем у грамматики, а что “отняла” логика, вернет прагматика и пр.)» [18, с. 108]. В связи с этим ср. также наши размышления о природе языкового абсурда и его «востребованности» в настоящее время [19].

Однако при работе с «аномальными» текстами не следует забывать и о «лингво-экологических рисках», которыми бывает чревата лингвокреативная деятельность, на что обращает внимание Е.П. Иванян: «Лингвокреативные практики не должны упускать из виду этические нормы» [20, с. 214]. В связи с этим необходимо тщательно отбирать «аномальный» языковой материал, следить за тем, чтобы тексты обладали не только эвристической, но также эстетической ценностью.

Таким образом, эвристическое, «олимпиадное» мышление на занятиях по русскому языку может формироваться различными способами. Одним из этих способов может стать уместное привлечение экстралингвистических сведений, на базе которых у учащихся возникнут фоновые знания, которые

затем послужат основой для аналогий и ассоциаций, необходимых для интеллектуального «прорыва». Другим способом может быть работа с «аномальными» в широком смысле текстами, нацеленная на обнаруже-

ние закономерностей, стоящих за ошибками, и на понимание природы «абсурда», благодаря чему вырабатываются герменевтические и интерпретационные навыки.

* * *

1. Когнитивный вызов и информационные технологии / Г.Г. Малинецкий [и др.] // Экономические стратегии. 2011. № 7–8. С. 68–77.
2. Шамис А.Л. Поведение, восприятие, мышление: проблемы создания искусственного интеллекта. М. : Едиториал УРСС, 2005. 224 с.
3. Гутнер Г.Б. Эвристика // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 4. С. 410–411.
4. Гейвин Х. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2003. 272 с.
5. Гончаров С.З. Творческая мысль: истоки, эвристика и значение в образовании // Образование и наука. 2006. № 2(38). С. 105–113.
6. Шмыгалина Т.Б. Интуитивно-эвристический потенциал: понятие и сущность // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 35–40.
7. Долженко А. Нужен опыт олимпиад и олимпиадное мышление // Всероссийская олимпиада школьников «Экономика» в ГУ – ВШЭ: 2009. URL: <https://www.hse.ru/data/693/851/1239/brosch4.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).
8. Калинина Л.В. О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 6. С. 3–7.
9. Дмитриев А.С. Хаос, фракталы и информация // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 44–52.
10. Калинина Л.В. Естественный язык и язык компьютерных технологий как два способа отражения действительности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение : научный журнал. 2013. № 2(2). С. 10–14.
11. Черниговская Т.В. Штурм мозга // Эксперт Online: 2006. URL: <http://expert.ru/north-west/2006/20/chernigovskaya/> (дата обращения: 20.12.2019).
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта : Наука, 2011. 296 с.
13. Калинина Л.В. О *щетине* и *скотине* // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сборник науч. трудов. Киров : ВятГГУ, 2007. С. 96–104.
14. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики. Уфа : БашГУ, 1997. 182 с.
15. Левонтина И.Б. О чем речь. М. : АСТ : CORPUS, 2016. 512 с.
16. Радбиль Т.Б. Грамматические инновации в современной русской речи как «точки роста новых явлений» // Активные процессы в современной грамматике : материалы междунар. конференции. 19–20 июня 2008 года. М. ; Ярославль : Ремдер, 2008. С. 222–226.
17. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 2005. 352 с.
18. Радбиль Т.Б. Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7, № 7. С. 99–111.
19. Калинина Л.В. Язык и общество рубежа XX–XXI веков: актуальность абсурда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2(1). С. 90–96.
20. Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 209–215.

**МЕТОД ИНТЕГРАЛЬНОГО
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСЕМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**THE APPROACH OF INTEGRAL
LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF LEXICAL UNITS:
THEORETICAL ASPECT**

© 2020

Ф.Г. Фаткуллина, Д.Э. Гизатуллин, Д.К. Саяхова

F.G. Fatkullina, D.E. Gizatullin, D.K. Saiakhova

Для лингвистики в эпоху глобализации чрезвычайно актуальным является исследование семантических и грамматических черт естественных языков. Во многих языках, в нашем случае в русском, содержатся лексические единицы со значением деструкции, которые относятся к семантической категории деструктивности. Современные лексикографические методы позволяют описать ключевые лексемы деструктивного действия с учетом всей совокупности их характеристик, включая семантические, валентностные, морфологические (в том числе видовременные), синтаксические и др.

Интегральное описание лексем конкретной семантической группы позволяет выявить функциональные особенности семантического компонента, описать его взаимосвязь с грамматическими формами и синтаксическими конструкциями.

Ключевые слова: метод; лексикографическое представление лексем; интегральное описание; категория; деструктивность; ядро; периферия; морфологические и синтаксические характеристики лексем; грамматика; синтаксис; функциональность.

The epoch of globalization witnesses the relevant research of semantic and grammar features of natural languages in language studies. Russian like many languages contains lexical units that mean destruction and are referred to the semantic category of destructiveness. Modern lexicographic approaches can be employed to describe the core lexemes with the meaning of destruction and they include semantic, valent, morphological (aspect and tense categories), syntactical features.

Integral description of the lexemes of particular semantic group can help identify the functional characteristics of the semantic component, present its interrelation with grammar forms and syntactical structures.

Keywords: approach; lexicographic representation of lexemes; integral description; category; destructiveness; core; periphery; morphological and syntactic characteristics of lexemes; grammar; syntax; functionality.

Статья публикуется при поддержке грантов РФФИ № 20-012-00136 А и 17-04-00193-ОГН.

Под семантической категорией понимается совокупность смыслового пространства, структурированного вокруг ядра, состоящего из часто неоднородных, но ключевых значений, выступающих связующими, структурирующими элементами всей категории. Семантическая категория неразрывно связана с языком и организуется посредством языкового выражения, которое представляет необходимый с точки зрения конкретного языкового членения мира базис интерпретации мира, благодаря чему одна и та же семантическая категория может быть выражена по-разному в отдельных языках, либо может быть не выражена вообще. Семантические категории органи-

зуют семантические поля и классы слов, служат основой лексических и грамматических значений.

Семантическая категория деструктивности охватывает большой пласт явлений и ситуаций, суть которых заключается в разрушении, повреждении, негативном изменении микро- и макроструктуры и формы материальных объектов, нарушении и прекращении функционирования механизмов, устройств и живых существ, а также их уничтожения. Средства языка не только воплощают возможность оперирования данными смыслами, но и позволяют человеку абстрагироваться от физической стороны ситуаций и перенести их на нематериальные объекты

и явления внутреннего мира человека, тем самым создавая производные значения.

Лексико-семантическая категория деструктивности не раз привлекала внимание исследователей. Глаголы деструкции в русском языке наиболее подробно были рассмотрены Т.А. Потапенко [1 ; 2] и Ф.Г. Фаткуллиной [3–5]. Глаголы деструктивного воздействия частично рассмотрены в рамках исследования глаголов физического действия в исследованиях Т.Г. Скребцовой [6], глаголов обработки – С.Е. Кузьминой [7] и Е.И. Баранчевской [8], глаголов физического воздействия на объект – Д.Ф. Хакимзяновой [9]. В последние годы данные глаголы рассматривались на материале английского (О.В. Валько [10], О.В. Кашкарова [11]) и немецкого (Е.В. Разова [12]) языков, в сопоставительном (А.П. Султанова [13], Д.Ф. Хакимзянова [9]), когнитивном (О.В. Валько [10], О.В. Кашкарова [11], Р.Р. Галиева [14]) и дискурсивном (Ф.К. Бураихи [15]) аспектах. В башкирском языкознании лексико-семантическая категория деструктивности, по нашим данным, отдельным объектом исследования не становилась. Глаголы разрушения были частично затронуты М.Г. Усмановой в рамках разработки функционально-семантической классификации глаголов башкирского языка [16].

Системность лексики находит отражение не только в порой довольно четком разграничении слов на организованные лексико-семантические поля со строгой иерархией центра и периферии, но и во множестве корреляций грамматики и лексики, зависимостей одного от другого [9]. С одной стороны, значение слова влияет на его парадигму, на запрет или возможность образования конкретных видовременных форм. С другой стороны, грамматика обозначает горизонт форм, которые могут быть использованы в речи, грамматические правила часто обращены к конкретным пластам слов. Обращенность словаря к грамматике, а грамматических правил к семантике стала одной из причин развития методологии интегрального описания языка, в котором исследуются не только семанти-

ка или прагматика, не только грамматические правила во всем их многообразии, но и совокупность форм, их содержания и правил, регулирующих функционирование конкретной лексемы. Интегральное описание является попыткой дать наиболее приближенную к реальности картину всей совокупности знаний человека об определенной лексеме. Отсюда и само понятие лексемы – слово, рассматриваемое в одном из его значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств: семантических, прагматических, коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических, фонетических и других, обращения к которым могут потребовать грамматические правила языка. Такой анализ лексемы, включающий аналитическое толкование, описание валентностей, их управления и сочетаемости, а также видовременной парадигмы, назван, в соответствии с работами Московской семантической школы, лексикографическим портретированием [17–19].

Описание семантической категории, в частности категории деструктивности, требует выявления и анализа структурирующих эту категорию семантических элементов, что, в свою очередь, вынуждает обратиться к анализу конкретных слов и их лексем, посредством которых эти элементы и функционируют в естественном языке. Семантический элемент, организующий категорию, влияет непосредственно не только на план содержания лексемы, но и на видовременные формы, модели управления, на количество, тип и тематический класс валентностей, а также на множество других ее особенностей, например, на виды метафорических значений. Следовательно, подробное описание функционирования семантической категории вынуждает обратиться к методу исследования, который позволит отразить все эти особенности в виде, наиболее приближенном к тому, как эти знания структурированы в памяти человека, не упуская из виду такие важные стороны, как морфология и синтаксис. На сегодняшний день, на наш взгляд, наиболее

методологически проработанным и практически проверенным является метод интегрального лексикографического представления лексем.

Важнейшая часть данного метода – аналитическое толкование – представляет собой оформленную по определенным правилам экспликацию, вскрытие плана содержания конкретной лексической единицы, или лексемы, посредством перевода лексического значения на специальный семантический язык. Здесь необходимо отметить, что один из самых известных и проработанных вариантов особого языка, или же метаязыка, для задач дефиниции семантических элементов – *lingua mentalis* – был разработан А. Вежбицкой [20] на основе идей А. Богуславского [21].

Семантический словарь состоит из ограниченного набора единиц естественного языка и должен удовлетворять нескольким требованиям. Так, единицы, входящие в семантический метаязык, должны быть либо семантическими примитивами, либо более сложными, но «прозрачными» словами, составленными из семантических примитивов. Семантические примитивы – это слова с элементарными значениями, которые не поддаются разложению на отдельные элементы с использованием слов естественного языка без возникновения тавтологического круга. Другими словами, семантические примитивы являются тем горизонтом, за который лексика языка не позволяет взглянуть. В качестве элементарных значений можно привести, например, такие компоненты, как ‘делать’, ‘воспринимать’, ‘хотеть’, ‘мочь’, ‘чувствовать’, ‘знать’, ‘считать’, ‘говорить’, ‘существовать’, ‘быть’, ‘находиться’, ‘предшествовать’, ‘я’, ‘отношение’, ‘объект’, ‘время’, ‘пространство’, ‘причина’, ‘условие’, ‘свойство’, ‘часть’, ‘число’, ‘количество’, ‘норма’, ‘ситуация’, ‘один’, ‘такой, что’, ‘хороший’, ‘больше’, ‘не’ и ряд других [22, с. 19].

Цель толкования – разложить значение на такие неопределяемые элементы. Требование использования элементарных компонентов значений сводится к тому, что

определяемое слово *A* должно истолковываться не менее чем через два других слова *B* и *C*, каждое из которых должно быть семантически содержательно [22, с. 95]. Конечно, многие лексемы обладают достаточно сложным значением, которое в виде семантических примитивов будет довольно громоздким, во избежание чего и используются промежуточные слова, которые не являются примитивами, но всегда могут быть разложены на них.

Аналитические толкования, строящиеся на основе примитивов, кроме требования быть нетавтологичными, должны соответствовать еще двум условиям: быть полными (условие необходимости) и неизбыточными (условие достаточности) [17, с. 14]. Полнота дефиниции предполагает, что в описание значения входят все компоненты, необходимые для определения данной лексемы. Неизбыточность означает, что в состав значения не включены элементы, которые либо вообще не принадлежат лексеме, либо входят в семантику не толкуемой единицы, а, например, ее аргумента.

Аналитические толкования имеют следующие свойства: а) они представляют собой многослойные структуры, в которых может быть выделено до пяти слоев смысла (ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения и мотивировки); б) благодаря разложению на семантические примитивы аналитические толкования отражают все семантические сходства данной лексемы с другими единицами языка (синонимами, антонимами, конверсивами, аналогами, дериватами), в том числе с другими лексемами этого же слова, если оно многозначно; в) аналитические толкования содержат те смысловые компоненты, которые активируются в правилах семантического взаимодействия данной лексемы с другими единицами языка в тексте [17, с. 19]. Для этой цели в аналитическом толковании лексема дается не сама по себе, а в синтаксической форме – схеме предложения или словосочетания с толкуемой единицей в центральной позиции и переменными вида A_i по всем ее семантическим

актантам. Аналитическое толкование имеет следующий, например, вид:

A1 бьет A2 A3 = 'A1, используя A3, ударяет A2 много раз подряд, стараясь причинить A2 физическую боль' [16, с. 108].

Переменные A1, A2 и A3 в данном толковании обозначают активные семантические валентности лексемы, которые присоединяют к ней синтаксически зависимые слова. Приписываемые им содержания, или «роли», если пользоваться термином Ч. Филмора (субъект, объект, инструмент, средство, место и т.п.), суть части этого лексического значения [23, с. 80].

Валентности часто характеризуют лексему как конкретную, отличную от других единицу и помогают различить разные лексемы в одном слове. Каждая валентность имеет свою семантическую или лексическую сочетаемость, принадлежит определенному тематическому классу, «реализуется словами с определенными свойствами и не реализуется словами, у которых этих свойств нет» [17, с. 142]. Есть два типа семантической сочетаемости (или ограничения на сочетаемость): 1) когда ограничения могут быть сформулированы в терминах семантических признаков и любое слово, имеющее эти признаки, способно замещать соответствующую валентность данного слова; 2) когда слова, подходящие для замещения данной валентности, могут быть заданы только списком.

Валентности могут быть обязательными и факультативными, выраженными и невыраженными. Выраженная валентность должна быть оформлена морфологически (для предикатов чаще существительным в определенном падеже с предлогом или без). Стоит отметить, что очень часто одна и та же валентность реализуется не одним, а несколькими способами, каждый из которых должен быть отмечен в лексикографической статье [17]. Описание форм реализаций валентностей называется моделью управления и является одной из важнейших частей лексикографического представления лексемы.

Так, у лексемы **бить** обязательными являются валентности агенса, пациенса

и инструмента/орудия, необязательными – валентности места, времени, обстоятельства. Однако валентность орудия может быть не выражена. Модель управления в нашем случае могла бы выглядеть следующим образом:

A1: ИМ.: *Муж бьет жену.*

A2: ВИН. (здесь пример не обязателен, поскольку повторяет приведенный выше).

A3: ТВОР.: *Жена бьет мужа скалкой.*

Модель управления, таким образом, задает соответствие между семантическими актантами лексемы и ее синтаксическими актантами.

На сегодня ядерные лексемы деструктивного действия в разноструктурных языках не подвергались глубокому интегральному сопоставительному анализу, позволяющему рассмотреть взаимосвязь конкретных семантических элементов и грамматических явлений/характеристик.

Например, лексемы, входящие в ядро семантической категории деструктивности и выражающими структурирующие категориальные смыслы, *делить, разрушить, уничтожить, убить, умереть*, содержат те «примитивные» компоненты значений, которые входят в семантику остальных глаголов деструктивного действия. Список их ограничен: два компонента результата – ‘объект больше не существует’ и ‘объект не может функционировать’, и два компонента способа действия – ‘делить’ и ‘изменить форму’ (что подтверждается исследованием О.В. Валько [10]). Вид, в котором они здесь приведены, может отличаться от того, который встречается непосредственно в самих лексемах, а компонент ‘функционировать’ нельзя назвать простым, поскольку возможно дальнейшее его разложение на компоненты ‘делать’ и ‘должен’. Кроме того, значения даже самых «широких» лексем не ограничиваются этими компонентами и включают в себя другие, не являющиеся специфическими для лексико-семантической категории деструктивности, например, тот же компонент ‘делать’ или компонент ‘плохо’, который отвечает за характеристику «негативный».

Кроме того, классификация глаголов является до определенной степени условной, поскольку глаголы, входящие в категорию деструктивности, всегда допускают возможность отнесения к иной группе, а любая из классификаций, как известно, является своего рода гипотезой, отражающей субъективное видение проблемы.

Таким образом, семантическая категория деструктивности в естественном языке выражается достаточно большим и открытым пластом лексем, которые организуются вокруг небольшой и ограниченной группы ключевых слов, содержащих семантические компоненты, специфические для категории деструкции и структурирующие все лексико-семантическое поле. Сегодня не существует подробного описания этой ядерной группы, которое бы включало анализ не только парадигматики, семантики и синтагматики, но и остальных не менее

важных характеристик, например видовременной парадигмы.

Необходимо отметить, что описанный нами метод лексикографического представления лексемы отнюдь не оригинален, это всего лишь его усеченный вариант. В частности, не рассматривается парадигматика (она достаточно изучена в работах других исследователей), просодика, фонетика, а часто сочетаемостные особенности самой лексемы.

Таким образом, исследование семантических категорий вынуждает обратиться к метаязыку, который максимально избавлен от идиоматики конкретного естественного языка и позволяет четко выделить интегральные и дифференциальные семантические компоненты у лексем. Язык семантических примитивов, являющийся частью метода лексикографического представления, обладает необходимыми для этого свойствами.

* * *

1. Потапенко Т.А. ЛСГ глаголов разрушительного воздействия на объект в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 208 с.
2. Потапенко Т.А. О семантических связях глаголов преобразующего воздействия на объект // Русский язык в школе. 1978. № 1. С. 97–100.
3. Фаткуллина Ф.Г. Деструктивная лексика в современном русском языке. Уфа : БашГУ, 1999. 300 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа : БашГУ, 2002. 268 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов : учебное пособие. Уфа : БашГУ, 2005. 127 с.
6. Скребцова Т.Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 220 с.
7. Кузьмина С.Е. Семантика английских глаголов со значением уничтожения : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006. 224 с.
8. Баранчеева Е.И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 237 с.
9. Хакимзянова Д.Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук. Казань : КГУ, 2008. 209 с.
10. Валько О.В. Фрейм деструктивного действия и особенности его актуализации: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 190 с.
11. Кашкарова О.В. Фрейм «разрушение» и его репрезентация глагольными лексемами в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. 182 с.
12. Разова Е.В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 20 с.
13. Султанова А.П. Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук. Казань : КГУ, 2008. 317 с.
14. Галиева Р.Р. Семантико-когнитивный анализ деструктивных глаголов в современном русском языке (на материале произведений русской литературы конца XX – начала XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 177 с.

15. Бураихи Ф.К. Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке: системные и функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 138 с.
16. Усманова М.Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка : дис. д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 415 с.
17. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. В 2 т. Т. 1. Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 568 с.
18. Московская семантическая школа. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2233157> (дата обращения: 20.12.2019).
19. Апресян Ю.Д. Два принципа и два понятия системной лексикографии // Язык. Личность : сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М. : Языки славянских культур, 2005. С. 267–284.
20. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры, 1999. 776 с.
21. Boguslawski A. On Semantic Primitives and Meaningfulness // Sign, Language, Culture (proceedings of a conference held in 1966). The Hague, 1970. P. 143–152.
22. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки русской культуры : Наука : Восточная литература, 1995. 472 с.
23. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Радуга, 1983. Вып. 12. С. 74–123.

Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах дискурса

Semantics and Functioning of Language Units in Different Discourses

УДК 81'276.16

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭВФЕМИЗМ КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИИ В ЯЗЫКЕ СМИ POLITICAL EUPHEMISM AS A MEANS OF EXPRESSION IN THE LANGUAGE OF THE MEDIA

© 2020

А.В. Бурдужа, В.В. Леденёва

A.V. Burduzha, V.V. Ledeneva

Эвфемизмы – хорошо известное и активно используемое в политическом дискурсе средство воздействия на адресата. Посредником между политической элитой и народом являются СМИ, тексты которых не только информируют, но и формируют определенное представление о происходящих в стране и мире событиях, привлекая к ним или отвлекая внимание адресата, влияя на его картину мира, манипулируя сознанием. Экспрессивность как неотъемлемое качество языка СМИ, необходимое для поддержания внимания, убеждения, разоблачения, создатели этих текстов – политики и журналисты – могут приглушить, изменить, используя возможности эвфемии. Смягчить высказывания, скрыть назойливость, бестактность и прямолинейность как интенции манипулирующего помогают эвфемистические замены. В большинстве случаев осознанное и преднамеренное использование эвфемизмов адресантом оказывается одновременно и актом языковой игры, к которой традиционно прибегают СМИ. Предмет нашего исследования – политический эвфемизм. В задачи исследования входит характеристика приёмов, с помощью которых актуализируется роль эвфемизма как средства эффективного воздействия на адресата в политическом дискурсе.

Цель статьи – рассмотреть эвфемизм в актуальном политическом дискурсе как средство экспрессии, охарактеризовать особенности использования эвфемизмов в телерепортажах и газетных текстах политических СМИ. Анализировались контексты, содержащие эвфемизмы, извлеченные методом нацеленной выборки из текстов СМИ 2018–2019 годов.

Получен вывод о том, что функциональная нагрузка эвфемизмов заключается в придании новизны и эмоциональной окрашенности высказываниям на политические темы, в создании загадки, неопределённости, заведомой неточности, неясности, позволяющей адресату задуматься над мерцанием косвенных смыслов.

Ключевые слова: эвфемизмы; эвфемия; коммуникация; политический дискурс; экспрессия; язык СМИ; тактика манипулирования; неопределённость; коннотация; языковое сознание; политики; журналисты; вуалирование действительности; тропы; семантика умолчания; задачи; дезинформация; метафора.

Euphemisms are a well-known and actively used means of influencing the addressee in political discourse. The mediator between the political elite and the people is the media, the texts of which not only inform, but also form a certain idea of what is happening in the country and the world events, attracting or distracting the attention of the recipient, affecting his picture of the world, manipulating consciousness. Expressiveness as an essential quality of the media language, necessary to maintain attention, persuasion, exposure, the creators of these texts – politicians and journalists – can muffle, change, using the possibilities of euphemia. Euphemistic substitutions help to soften

statements, to hide importunities, tactlessness and straightforwardness as intentions of the manipulator. In most cases, the conscious and deliberate use of euphemisms by the addressee is simultaneously an act of language play, which is traditionally resorted to by the media. The subject of the research is political euphemism.

The purpose of the article is to consider euphemism in the current political discourse as a means of expression, to characterize the use of euphemisms in television and newspaper texts of political media. The objectives of the study include the characteristics of the techniques by which the role of euphemism as a means of effective influence on the addressee in political discourse is actualized. Contexts containing euphemisms extracted by the method of targeted sampling from media texts of 2018–2019 were analyzed.

The authors conclude that functionally euphemisms embellish statements about politics, make them sound vaguer, more incomplete on purpose, encourage the reader to go into minor meanings.

Keywords: euphemisms; euphemia; communication; political discourse; expression; media language; manipulation tactics; uncertainty; connotation; language consciousness; politicians; journalists; veiling of reality; tropes; silence semantics; tasks; misinformation; metaphor.

Статья публикуется при поддержке грантом РФФИ 17-04-00421 «Лингвистическая подготовка и создание электронного «Живого стилистического словаря русского языка»».

В политическом дискурсе, наиболее ярко и последовательно представляемом масс-медиа (СМИ), эвфемизмы реализуются как особое средство создания экспрессии. Целью политического дискурса является не только трансляция, но и ангажирование, внушение адресату определенных идей, формирование политического вектора мысли. Одна из основных задач политической коммуникации и СМИ как её проводника заключается в регулировании общественного мнения и – глубже – в управлении сознанием, из чего вытекает функция политического дискурса быть инструментом политической власти [1, с. 35]. Здесь помощником политика, журналиста становятся эвфемизмы – хорошо известное и активно используемое в рамках политического дискурса средство воздействия на адресата.

Изучением эвфемизмов стали активно заниматься в XX веке на Западе и в США, в России же к рассмотрению их типов, возможностей и целесообразности использования вплотную приступили лишь в последнем десятилетии XX века [2, с. 3]. Представителями отечественной лингвистики, которые рассматривают основные способы образования эвфемизмов, являются В.П. Москвин [3], Е.П. Иванян (Сеничкина) [2], Е.П. Шейгал [4]. Л.П. Крысин [5] пишет о целях эвфемизации; А.М. Кацев [6] и Б.А. Ларин [7] предлагают классификацию этих ресурсов; Ж.Ж. Варбот [8], А.А. Андреева [9] и В.З. Санников [10] выявляют и описывают основные средства эвфемизации; Е.К. Те-

мирбаева [11] рассматривает функционирование эвфемизмов в языке политики и художественных текстов.

На данный момент проблема эвфемии в политическом дискурсе не до конца изучена, поэтому политический эвфемизм является важным и интересным предметом изучения. Отсюда вытекает цель нашего исследования и его задачи – анализ способов использования эвфемизмов в телерепортажах и газетных текстах политических СМИ, оценка целесообразности их употребления, характеристика отдельных приёмов, с помощью которых актуализируется роль эвфемизма как средства эффективного воздействия на адресата.

Эвфемизмы обслуживают сферы жизни человека, в которых есть место социальным запретам и ограничениям при обсуждении тех или иных тем, проблем. Основной целью использования эвфемизмов принято считать стремление избежать коммуникативных конфликтов, межличностных диссонансов. Другая цель эвфемии – вуалирование действительности [12, с. 153].

Е.П. Иванян (Сеничкина) выделяет условия употребления языковой единицы в функции эвфемистической замены: 1) фактор контекста; 2) фактор непринужденности/детерминированности общения; 3) стилевой фактор; 4) социальный фактор; 5) фактор социальной относительности эвфемизма; 6) фактор речевой культуры; 7) временной фактор. Средствами выражения эвфемии, как это видит исследователь, могут быть не толь-

ко языковые, но и паралингвистические единицы (мимика, жесты) в устной коммуникации [2, с. 30].

Например: *Мне этот Порошенко вот уже где.* (Артем Шейнин. «Время покажет». 26.10.2018.) – эвфемистическая замена ('сильно надоел', 'раздражает') осуществляется с помощью экспрессивного, благодаря энергичности движения, жеста «по горло». Ведущий, произнося данные слова, подносит ладонь к горлу в горизонтальном положении и проводит ее вперед-назад, сопровождая эти действия соответствующей мимикой: выражение лица становится серьезным, голова при этом слегка выдвигается вперед, брови приподнимаются.

Согласимся с Е.П. Иванян (Сеничкиной), что неотъемлемой функцией эвфемизмов русского языка, реализуемой в политическом дискурсе, является дезинформация, которая «представляет собой сообщение искаженных и заведомо ложных сведений с целью ввести в заблуждение» [2, с. 93]. При дезинформации применяют мейозис (замена одного наименования другим, выражающим меньшую степень интенсивности признака/качества). Он может быть использован как бы «во благо», то есть для смягчения выражения: *В этом учреждении, к сожалению, работала немолодая вахтерша.* (Александр Хинштейн. «60 минут». 17.10.2018.) В данном случае политик заменяет слово *старая* на *немолодая*, то есть, используя градуальность, смягчает выражение и тем самым не задает достоинства того человека, о котором говорит: прямо говорить о возрасте женщины было бы бестактно.

Пытаясь предотвратить панику, угнетённость духа людей, политики используют приём «ложь во благо»: *Правительство Украины является не очень успешным. Оно уничтожает свой народ, поэтому будет какая-то борьба.* (Сергей Марков. «60 минут». 08.10.2018.) Вместо слова *война* Сергей Марков предпочитает использовать выражение *какая-то борьба*, которое несет семантику неопределённости (см. местоимение *какая-то*, ср. *война* и *борьба* –

в значении второго слова компоненты 'смерть многих', 'оружие', 'кровь' не ядерные) и потому звучит не столь пугающе для адресата. Можно заключить, что эвфемия противопоставляется дезинформации, целью которой является обман, но сближается с такой дезинформацией, что несет в себе «ложь во благо».

Семантика умолчания является важной составляющей эвфемии. Компонент намёка семантики умолчания всегда имеет материальное воплощение, например, в случае употребления высказывания с неопределённым местоимением, имеющим аффикс *кое-*: *Вы такие же грабители, как и кое-кто из-за океана.* (Елена Бондаренко подражает Америке. «60 минут». 08.10.2018.) Намёк на известное, но неназываемое лицо осуществлен при помощи неопределённого местоимения.

В лингвистике противопоставляют понятия эвфемии и тропики. Так, Б.А. Ларин считал, что эвфемизмы являются разновидностью тропов, и полагал, что стоящие за терминами понятия различаются сферой и целью применения. «Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни» [7, с. 110]. Иными словами, по мнению В.П. Москвина, тропы могут выполнять не только декоративную функцию, но и эвфемистическую, при этом сферы употребления у них разные [3, с. 150].

Особое внимание стоит уделить незамкнутой метафоре, которая в большей степени доносит неясность, неопределённость, включает в себе двойную загадку, поэтому и является хорошим приемом эвфемистической замены. *Вы сейчас их защищаете, но прольётся кровь* (то есть 'начнется война'). (Ольга Скабеева о ситуации на Украине. «60 минут». 28.09.2018.) Ведущая открыто не говорит о возможном начале войны: она использует эвфемистическую фразу *прольётся кровь* (ср. *пролить кровь* – значение 'убить / убивать кого-либо'). Подвергнувшись эвфемистической замене слово *война* имеет в структуре прямого значения

семь 'жертвы', 'убийство', поэтому автор использует незамкнутую метафору, чтобы, благодаря завуалированности, неясности, избежать использования слова, способного вызвать страх и панику у зрителя, то есть не употребляет прямую номинацию конфликта, а лишь намекает на то, что возможна война. Экспрессивность фраземы поддерживает эвфемию.

Сравнение как экспрессивная фигура речи (в широком понимании) опирается на склонности человеческого сознания сопоставлять предметы, явления, людей и др. Сравнение подразделяются на два типа: 1) прямое, в котором присутствуют средства выражения компаративности – суффиксы синтетической формы сравнительной степени прилагательных *-ее/-ей*, союзы *как, будто, точно, как будто* и др., а также глаголы типа *напоминать*, прилагательные *похожий, подобный, сходный* и т.д. [13]: *Молодые люди с неустойчивой психикой каких-то лжегероев себе создают. Это значит, что все мы в мире не создаем нужного, интересного и полезного контента для молодых людей, а они хватают этот суррогат героизма. Это приводит к трагедиям подобного рода* (вм. *теракт*). (В.В. Путин. «Валдай». 18.10.2018); 2) косвенное, или имплицитное, когда указанные средства отсутствуют, что придает выражению не прямой характер: *За спасение Украины мы готовы сотрудничать с самим дьяволом*. (Сергей Марков говорит о Порошенко. «60 минут». 08.10.2018.) Сергей Марков, подразумевая действовавшего в момент речи Президента Украины, использовал косвенное сравнение. С одной стороны, подобранное им для замены слово трудно отнести к эвфемизмам, так как оно несёт отрицательную оценку, яркую пейоративную коннотацию. Люди, как правило, прибегают к его зашифровке. Но, с другой стороны, для автора данного высказывания слово *дьявол* является экспрессивным и потому в политическом дискурсе СМИ более приемлемым, нежели конкретный и уже не вызывающий интереса у аудитории, «примелькавшийся» антропоним *Порошенко*. Экспрессивное слово использовано, чтобы придать речи выразительность, продемон-

стрировать отношение к политической персоне (в рамках этики политолога – медийного лица).

Известной экспрессией обладает метонимия. «В метонимической форме обычно образуются и эвфемизмы... Так, на многих заброшенных заборах и стенах глухих закоулков можно прочесть надпись: *Останавливайтесь строго воспрещается*. Слово *останавливаться*, употребляемое здесь не в первичном значении, является эвфемизмом», – замечал Б.В. Томашевский [14, с. 65–66]. Ср.: *Думаете, что Украина будет сидеть сложа руки? Хватит! Уже Крым проспали, Донбасс проспали*. (Вадим Трюхан. «60 минут». 08.10.2018.) Не вызывает сомнения, что слово *проспать* в данном контексте предполагает синонимию с разговорным глаголом *прозевать* с пейоративной оценкой действия – 'упустить из-за отсутствия контроля, охраны и т.п. мер' [15]. Именно это упущение и имеет в виду автор высказывания, но использует эвфемистическую замену с нейтральной стилистической окраской.

Синекдоха является разновидностью метонимии и может выступать в качестве приема эвфемии: *Во время выступления главы государства несколько человек, относящих себя к движению «Жёлтых жилетов», демонстративно, мягко говоря, повернулись к нему спиной*. («ТАСС». 31.03.2019.) Автор использует эвфемистическую синекдоху *повернуться спиной* (употребление наименования целого вместо части), уходя от прямой номинации, относящейся к просторечным единицам, наделенным оттенком грубости. Сигнал *мягко говоря* указывает на то, что следующие за ним слова выполняют эвфемистическую функцию. Именно этот сигнал и делает речь автора экспрессивной и намекает адресату, что на самом деле подразумевает журналист.

Фигуры интертекста организуются с опорой на чужую речь. Все они экспрессивны и способствуют актуальному функционированию эвфемизмов в политическом дискурсе. Аппликация – приём, который использует адресант, вводя фразеологизмы, пословицы, поговорки или какие-то крылатые

слова, фрагменты, известные адресату: *Эти переговоры – попытка прийти к общему знаменателю.* (Денис Давыдов о встрече в Турции глав России, Германии, Турции и Франции. «Вести недели». 28.10.2018.) Фраза *прийти к общему знаменателю* [16] употреблена в значении ‘прийти к общему мнению, единому решению’. Известно, что выражение *общий знаменатель* используется в математике, технических науках, когда находится общее число, на которое делятся знаменатели дробей. В этом контексте с помощью приема аппликации транслируется сообщение: ‘лидеры стран должны прийти к такому единому мнению, которое будет удовлетворять всех’.

Парафраз (перифраз) заключается в изменении лексического состава какого-либо выражения или фрагмента текста, известного автору. Однако замена не должна нарушать ритмико-синтаксическую структуру исходной фразы. *Здесь человек в погонах* [17], поэтому уместно спросить о том, откуда такая риторика, чем это вызвано, чем спровоцировано? (Евгений Попов о речи Путина на Валдае, обращаясь к Игорю Морозову. 18.10.2018.) Ведущий, обращаясь к полковнику ФСБ в запасе Игорю Морозову, заменяет слово *военный* на парафраз *человек в погонах*. Ср.: *У нас приходят люди в форме, с документами, удостоверяющими личность, с ордером, не то, что у вас, сразу двери выламывают.* (Евгений Попов обращаясь к украинским представителям. «60 минут». 08.11.2018.) Если в первом контексте автор использует парафраз как детерминированный стремлением к образности оборот речи, то во втором – с целью показать разницу между украинскими и российскими органами, отметить превосходство последних, сочетая несколько функций.

Е.П. Иванян (Сеничкина) полагает, что в качестве эвфемизмов могут выступать не только лексемы, но и устойчивые выражения. Для того чтобы фразеологическая единица могла выполнять эвфемистическую функцию, она должна быть нейтральной или положительно-оценочной, то есть способной завуалировать, замаскировать

отрицательный денотат [2, с. 34]. Например: *Как видно, всем эта американская политкорректность поперек горла.* (Дмитрий Киселев. «Вести недели». 04.10.2018.) В данном случае ведущий использует фразеологизм, который имеет значение: «Прост. Экспрес. 1. Кто-либо мешает, надоед кому-либо своими действиями, поступками, поведением» [15] в качестве эвфемизма.

Таким образом, в политическом дискурсе, независимо от его идеологической ориентации преследующем основную цель – борьбу за власть, проявляются различные способы воздействия. Одним из них служит создание экспрессивности за счет политических эвфемизмов, причем используются такие приёмы, как вуалирование определенной позиции, намеренное сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение. Неопределенность, выражаемая равноуровневыми языковыми средствами и реализующаяся в виде приблизительности, неточности, отсутствия ясности, приводит, однако, к неинформативности сообщения. В таких случаях активно используют эвфемизмы [18, с. 9]. Возникает мерцание косвенных смыслов, извлекаемых из текстов/речи политиков, журналистов. Вследствие этого создается интригующая адресата загадка. Политкорректная эвфемия служит для «преодоления межнациональных, межкультурных и межэтнических проблем, которые стоят особенно остро» [19, с. 4] при их обсуждении в СМИ. Наблюдения показали, что в политическом дискурсе СМИ чаще всего используются метафоричные эвфемизмы, что является примером отказа от открытой пропаганды. Одна из характерных черт современной российской политической метафоры – это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков и журналистов [20, с. 155] при передаче информации. Функциональной нагрузкой эвфемизмов в политическом дискурсе стало и продуцирование новых смыслов, и возбуждение эмоционального отклика аудитории, то есть апелляция не только к уму, но и к сердцу адресата.

* * *

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М. : Знание, 1991. 64 с.
2. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : учеб пособие. М. : Высшая школа, 2006. 151 с.
3. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М. : Ленанд, 2017. 262 с.
4. Шейгал Е.П. Эвфемизм и ирония в политическом тексте // Филология – Philologica. 1997. № 11. С. 47–49.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 1996. С. 384–407.
6. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия : учебное пособие. Л. : ЛГПИ, 1988. 80 с.
7. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1961. Вып. 60, № 301. С. 110–117.
8. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1979. С. 345–346.
9. Андреева А.А. К проблеме соотношения эвфемии и прономинации // Филологический поиск : сборник науч. трудов. Волгоград : ВГПУ, 1999. Вып. 3. С. 117–125.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
11. Темирбаева Е.К. Эвфемизмы в языке политики и художественной литературе // Слово в словаре и в тексте. М. : МГУ, 1991. С. 13–21.
12. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М. : Либроком, 2012. 232 с.
13. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография. М. : МГОУ, 2012. 292 с.
14. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика : учебное пособие. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 65–66.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 05.03.2019).
16. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008.
17. Справочник по фразеологии // Русская фразеология : историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2013. URL: <http://www/gramota.tv/spravka/phrases> (дата обращения: 09.03.2019).
18. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 16 с.
19. Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая языковая категория : авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.
20. Володина М.Н. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М. : Академический Проект, 2011. 332 с.

**ХАРАКТЕРИСТИКА
ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СУБЗОНЫ
«ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ЗООНИМЫ»
В СОСТАВЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПОЛЯ С ГИПЕРСЕМОЙ ‘СВИНЬЯ’
ONOMASTIC UNITS OF THE SUBZONE
“TELEVISION ZOONYMS”
AS PARTS OF THE ONOMASTIC FIELD WITH HYPERSEME ‘PIG’**

© 2020

О.А. Васильева

O.A. Vasilieva

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности конститuentов ближней периферии ономастического поля с гиперсемой ‘свинья’; анализируется одна из субзон ближней периферии «телевизионные зоонимы» (зоонимы, номинирующие телевизионных персонажей-поросят). Для номинации имен собственных, номинирующих свиней, используется термин «суоним». Материал, представленный в статье, является частью диссертационного исследования, посвященного изучению ономастического поля зоонимов, номинирующих свиней. Анализируемый материал дает представление о возможности рассмотрения зоонимов вымышленных персонажей с точки зрения структуры и семантики этих слов. Проведенная автором работа дает представление о том, по каким принципам строится ономастический рисунок телевизионных проектов, какая информация скрывается за именами собственными персонажей мультипликационных и анимационных фильмов, передач с участием кукол или анимированных героев. Студентам-филологам, изучающим лексическую семантику, ономастику, основы филологического анализа текста, представленный материал дает возможность на примере суонимов рассматривать зоонимы с различных точек зрения. Настоящая статья выполнена в русле ряда статей, посвященных конститuentам различных структурных сегментов ономастического поля с гиперсемой ‘свинья’, и расширяет представление об ономастической системе русского языка.

Ключевые слова: ономастика; ономастическое поле; субзона ближней периферии; зоонимы; суонимы; структура; семантика; семантические особенности; гипокористика; антропонимическая аббревиация; суффиксы; однокомпонентные, двухкомпонентные модели именования; мотивированность; немотивированные имена; этимология; внутренняя форма слова.

The article describes the structural and semantic features of the constituents of the proximal periphery of the onomastic field with the hyperseme “pig”. One of the subzone of close periphery – “television zoonyms” – is analyzed. These are zoonyms nominating television characters – piglets. For naming pigs the term “suonym” is used. The article is based on the research the subject of which is studying the onomastic field of zoonyms used to nominate pigs. The presented material enables to analyze zoonyms of fictional characters in terms of their structure and semantics. It provides the principles on which the onomastic outline of television projects is created, what information is implied in proper names of the characters in cartoons and animated films, puppet shows programs with animated characters. The presented material can be of interest to students who major in philology and study semantics, onomastics, philological analysis of the text; it gives an opportunity to consider zoonyms as they are exemplified in suonyms and from various points of view. This article contributes to the number of works about constituents of various structural segments of the onomastic field with the hyperseme “pig” and develops the ideas about the onomastic system of the Russian language.

Keywords: onomastics; onomastic field; close periphery subzone; zoonyms; suonyms; structure; semantics; semantic features; hypocoristics; anthroponymic abbreviation; suffixes; one-component; two-component nomination models; motivation; non-motivated names; etymology; internal form of the word.

Статья посвящена характеристике суонимов (имена собственные животных класса ‘свинья’) и выполнена в рамках исследования, посвященного изучению процессов функционирования зоонимической лексики в русском дискурсе. Актуальность работы обусловлена насущной необходимостью

разноаспектного описания онимов, с одной стороны, и недостаточной изученностью одного из центральных ономастических рядов – зоонимов, с другой стороны.

Исследования в области отечественной зоонимики идут по трём направлениям: изучение общих теоретических вопросов; изуче-

ние зоонимии определённого региона; изучение отдельных зоонимических разрядов.

Имена собственные свиней эпизодически рассматривались в работах П.Т. Поротникова [1], Г.Ф. Фельде [2]. Семантическое развитие коннотативного онима *Хавронья* описывается Е.С. Отиным [3]. Эвфемистический потенциал коннотонима *Хавронья* характеризуется Е.П. Сеничкиной [4]. На примере литературных зоонимов *Наф-Наф*, *Нуф-Нуф*, *Ниф-Ниф* Е.П. Иванян (Сеничкина) рассматривает возможность применения естественнонаучных методов при лингвистическом анализе текста [5]; исследователь также анализирует литературные онимы сказки С. Михалкова в логоэпистемическом аспекте [6]. Однако специального исследования зоонимов, номиниру-

ющих свинью, до настоящего времени в отечественной лингвистической науке не было.

Цель данной статьи – охарактеризовать структурные и семантические особенности суонимов субзоны «телевизионные зоонимы» ономастического поля с гиперсемой ‘свинья’.

В ономастической субзоне «телевизионные зоонимы» представлено семь ономастических единиц, именующих героев мультипликационных фильмов (*Чуня*, *Фунтик*, *Нюша*, *Пятачок*, *Весельчак У*), героев телепередач (*Хрюша*, *Хрюн Моржов*). Зоонимы характеризуются с точки зрения их структуры и с точки зрения семантики. Представим указанные ономастические единицы в виде таблицы.

Субзона ближней периферии «Телевизионные зоонимы»

Зооним	Источник происхождения
Поросёнок <i>Хрюша</i>	Персонаж телепередачи «Спокойной ночи, малыши!». Представляет собой куклу
Поросёнок <i>Фунтик</i>	Персонаж мультипликационного фильма «Приключения поросёнка Фунтика» (Творческое объединение «Экран», 1986–1988 гг.)
Поросёнок <i>Чуня</i>	Персонаж мультипликационного фильма «Приключения поросёнка Чуни» (киностудия «Союзмультфильм», 1968 г.)
<i>Пятачок</i>	Персонаж мультипликационных фильмов «Винни Пух» (1969 г.), «Винни-Пух идёт в гости» (1971 г.), «Винни-Пух и день забот» (1972 г.). Авторы сценария Б. Заходер, Ф. Хитрук. Фильмы созданы по мотивам книги А. Милна
Свинка <i>Нюша</i>	Персонаж анимационного сериала «Смешарики» (киностудия «Петербург», 2004–2017 гг.)
<i>Весельчак У</i>	Персонаж мультипликационного фильма «Тайна третьей планеты» (1981 г.) по мотивам книг К. Булычёва
<i>Хрюн Моржов</i>	Анимированный персонаж телепрограммы «Тушите свет!» (2000–2003 гг.) (Московская студия анимации «Пилот»)

С точки зрения структуры ономастических единиц в группе «телевизионные зоонимы» выделяются простые (71%) и сложные (29%) формы.

Простые формы телевизионных зоонимов представлены однокомпонентными гипокористическими формами имён (*Чуня*, *Фунтик*, *Нюша*, *Пятачок*, *Хрюша*). Образование гипокористических зоонимических форм строится в соответствии с законами

антропонимической аббревиации, описанными В.И. Супруном, которые состоят в следующем:

1. Краткое имя должно состоять из двух слогов. Это наиболее экономная форма для использования в вокативной функции. Трёхсложные гипокористические формы отражают исторические фонетические и словообразовательные закономерности.

2. Гипокористика нейтральна по отношению к категории рода.

3. Способами создания гипокористических форм являются аферезис, апокопа, синкопа полного имени с последующим прибавлением форманта *-а/л* (после шипящих, губных, заднеязычных ставится *-а*).

4. Частое возникновение одинаковых форм от разных имён, что связано с ограниченным набором звуко сочетаний, становящихся основой для краткой формы.

5. Для создания «домашних» форм имени используются нейтральные или нейтрализовавшиеся суффиксы *-ша-*, *-ня-*, *-ся-*.

6. В гипокористике проявляются древние основы, исчезнувшие фонетические чередования, факты «лепетного» языка, вторичные аферезис и синкопа, приводящие к образованию слов «без корня».

7. Нейтрализация уменьшительно-ласкательных и фамильярно-уничижительных суффиксов.

8. Позиция конца слова для акцентуализации кратких форм является определяющей [7, с. 32–34].

В соответствии с описанными законами строятся гипокористические формы телевизионных зоонимов:

– 80% представленных гипокористических имён строится по двухсложной модели (*Хрюша*, *Нюша*, *Чуня*, *Фунтик*); трёхсложная форма зоонима *Пятачок* обусловлена словообразовательной закономерностью (слово состоит из трёх морфем, для создания формы деминутива необходимы два суффикса);

– в образовании именовании *Хрюша* и *Нюша* проявляется закон нейтральности гипокористических форм по отношению к категории рода: одинаковые по форме зоонимы *Хрюша* и *Нюша* принадлежат особям различной половой принадлежности;

– для создания 60% гипокористических форм телезоонимов используются нейтральные суффиксы *-ш-*, *-и-*, *-н-*, характерные для гипокористических форм имени (*Хрюша*, *Нюша*, *Чуня*). Использование классических для гипокористических форм морфем в телезоонимах *Хрюша* и *Нюша* приво-

дит к схожести фонетического оформления имён;

– закону о преобладании позиции конца слова соответствует 100% гипокористических форм телезоонимов.

Сложные формы телезоонимов представлены двухкомпонентными моделями (*Хрюн Моржов*, *Весельчак У*). Двухкомпонентные модели неоднородны: телезооним *Весельчак У* представляет собой ономастическую модель «апеллятив + буквенный знак»; телезооним *Хрюн Моржов* формируется двумя компонентами антропоморфной модели именования «имя + фамилия».

С точки зрения семантики в субзоне «телевизионные зоонимы» можно выделить ономастические единицы, обусловленные внутренней формой слова (*Хрюша*, *Пятачок*, *Хрюн Моржов*, *Весельчак У*); этимологией (*Чуня*, *Фунтик*). Зооним *Нюша* является «немотивированным», номинация образована от гипокористической формы антропонима *Анна*, именно так объясняют номинацию создатели персонажа (из личной переписки в социальной сети Facebook).

Внутренняя форма слова определяется как сохранившееся в слове представление о первичном признаке, лежащем в основе понятия [8, с. 167].

Рассмотрим семантические основания для создания номинаций в субзоне «телевизионные зоонимы».

1. *Хрюша*. Имя, которым создатели наделили поросёнка, содержит звукоподражательный элемент «хрю» и нейтральный суффикс *-ш-*. Корень слова, представленный звукоподражательным элементом, указывает на родовую принадлежность персонажа, суффикс – на возрастную категорию. *Хрюша* является детёнышем, а не взрослой особью. Зооним представлен двухсложной гипокористической формой имени. Семантическая структура имени *Хрюша*: денотативный макрокомпонент – гиперсема 'свинья'; коннотативный макрокомпонент – 'телевизионный персонаж'; ассоциативный микрокомпонент – 'детёныш'.

2. *Пятачок*. Слово, представляющее зооним, состоит из корня *пят-* (от числи-

тельного «пять»), суффикса *-ач-* и уменьшительного суффикса *-ок-*. Словообразовательная модель указывает на связь слова с лексическим значением слова *пятак* в значении *монета*. Очевидно, сходство по форме монеты и части, которой оканчивается морда животного, послужило основанием для метафорического переноса. Однако в настоящее время мы наблюдаем стёртую метафору. Слово *пятачок* представляет собой указание на дифференциальный признак по внешнему виду животного с родовой принадлежностью к свиньям. Биологический энциклопедический словарь, описывая внешний вид животных семейства свиньи, употребляет слово *пятачок* именно в этом значении: «Морда длинная, заканчивающаяся голым хрящевым подвижным “пятачком”» [9, с. 562]. Б. Заходер связывает с онимом *Пятачок* представление читателя о персонаже в образе поросёнка. Известно, что имя персонажу присвоил именно Б. Заходер, так как в книге А. Милна поросёнок так и назван: *Piglet* («поросёнок»). Книга Б. Заходера «Винни-Пух и Все-все-все» является пересказом (как подчеркивал сам Б. Заходер) книги Алана Милна «Винни-Пух» («Winnie-the-Pooh»), изданной в 1926 году. Заходер познакомился с книгой в 1958 году. Их встреча произошла в библиотеке, где он просматривал английскую детскую энциклопедию. По словам Бориса Владимировича, это была любовь с первого взгляда: он увидел изображение симпатичного медвежонка, прочитал несколько стихотворных цитат – и бросился искать книжку. Так наступил один из счастливейших моментов в жизни писателя: дни работы над «Винни Пухом» [10]. Б. Заходер считал себя равноправным соавтором А. Милна, так как созданное им произведение стало в новой языковой стихии живым фактом живой литературы, а права автора оригинала не были нарушены [10]. Автор русскоязычного варианта детского произведения отмечал, что его вклад в книгу А. Милна был не на «макро», а на «микроуровне» [10]. Одним из дополнений оригинального произведения было имя *Пятачок*. Б. Заходер использует в каче-

стве имени слово, которое состоит из корня (*Пятач-*), образованного от слова *пятак*, и уменьшительного суффикса *-ок-*. Вероятно, автор русскоязычного варианта намеренно употребил уменьшительный суффикс, так как номинация обозначает «очень маленькое существо» (англ. *Very Small Animal*). Итак, Б. Заходер создал перевод-пересказ книги А. Милна. Однако литературный персонаж (*Piglet*) – хотя и с другим именем – это персонаж английского литературного произведения. Персонаж мультипликационного фильма с оригинальным именем *Пятачок* – герой оригинального произведения сценаристов. Н. Нестюричева в статье, посвященной творчеству Б. Заходера, пишет о персонаже по имени Пятачок: «Во многом судьбу литературного персонажа в России определило его мультипликационное воплощение» [11]. Исходя из этих рассуждений, мы отнесли номинацию «Пятачок» к группе «телевизионные зоонимы».

Зооним представлен трёхсложной формой, обусловленной словообразованием. Семантическая структура имени *Пятачок*: денотативный макрокомпонент – гиперсема ‘свинья’; коннотативный макрокомпонент – ‘телевизионный персонаж’.

3. *Хрюн Моржов* – антропоморфная свинья, является анимированным персонажем сатирической телевизионной программы «Тушите свет!». Некоторые журналисты называют программу «альтернативной» детской передаче ОРТ «Спокойной ночи, малыши!» [12], а анимированных героев *Хрюна* и *Степана* – повзрослевшими *Хрюшей* и *Степашкой*: «Трогательные зверушки из “Спокойной ночи, малыши!”, выродившиеся в невыносимых демагогов» [12]. Данная гипотеза не подтверждается художественным руководителем анимационной студии «Пилот», создавшей *Хрюна*, А. Татарским: «Почему-то все считают, что наш *Хрюн* – это тот самый поросёнок с Первого канала, только подросток! Хотя он никогда не рассказывал, что в детстве подрабатывал в “Спокушках”! Мы не ставили целью пародировать передачу ОРТ» [13].

Мы рассматриваем зооним *Хрюн Моржов* как самостоятельную единицу ономастического поля с гиперсемой 'свинья'. С точки зрения семантики, номинация является эвфемизмом внелитературной речи (псевдоэвфемизмом), её значение обусловлено внутренней формой. Имя персонажа представляет собой слово, содержащее звукоподражательный элемент «хрю», и указывает на родовую принадлежность персонажа. Имя в составе двухкомпонентного комплекса *Хрюн Моржов* указывает на фонетическую связь с эвфемизмом *хрен*. Е.П. Сеничкина относит к эвфемизмам «смягчающие слова и сочетания слов», к которым «говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, причинить боль или смутить собеседника [4, с. 3]. В словаре эвфемизмов Е.П. Сеничкина отмечает, что слово *хрен*, обозначающее корень растения, используется вместо прямого бранного наименования мужского полового органа [4, с. 444]. Словосочетание *хрен моржовый* в словаре Е.П. Сеничкиной не рассматривается. Большой словарь русских поговорок В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной даёт следующую трактовку выражения: «Моржовый хрен. Жарг. Мол. Бран. О человеке, вызывающем гнев, раздражение, негодование» [14, с. 720]. Содержание данного выражения находит отражение в образе *Хрюна Моржова*, который, по выражению А. Крюковой, способен «вызвать оторопь» и «чувство неловкости» [12]. Чаще всего *Хрюн* появлялся на экране телевидения в стёганом ватнике с единственной пуговицей, под которым надета тельняшка. Речь персонажа насыщена грубой просторечной, часто обценной (бранной) лексикой. Наибольшую известность получила его фраза «*Мощно задвинул! Внущаить!*». Эту фразу создатели образа относят к «словесному мусору», характеризующему персонаж [15]. Семантическая структура имени *Хрюн Моржов*: денотативный макрокомпонент – гиперсема 'свинья'; коннотативный макрокомпонент – 'телевизионный персонаж'; ассоциативный микрокомпонент – фонетическая общность с бранным

выражением, что даёт отрицательную коннотацию.

4. *Весельчак У*. Номинация *Весельчак У* относится нами к телезоонимам, так как только в мультипликационном фильме по мотивам книг К. Булычёва персонаж изображается в виде хряка. В книгах К. Булычёва он описывается и изображается на иллюстрациях как необыкновенно толстый человек. Тем не менее С. Альперина в статье «Десять свиней, которые потрясли мир», опубликованной в «Российской газете», относит *Весельчака У* к свиньям: «*Свин* из мультфильма “Тайна Третьей планеты”, снятого по книге Кира Булычёва “Путешествие Алисы” режиссёром Романом Качановым. <...> Что касается *Весельчака У* – этот *свин* не то чтобы приятный, но запоминающийся. Хотя местами ведёт себя как настоящий *поросёнок*» [16]. Мотивом для номинации является поведение героя. «Благородному пирату» свойственно притворное благодушие в поведении, поэтому его прозвали *Весельчаком* [17]. Семантическая структура имени *Весельчак У*: денотативный макрокомпонент – гиперсема 'свинья'; коннотативный макрокомпонент – 'анимационный персонаж'; ассоциативный микрокомпонент – связь имени с характером персонажа.

Семантика зоонимов *Чуня* и *Фунтик* обусловлена этимологией. Для того, чтобы определить семантическую характеристику этих номинаций, обращаемся к словарям.

1. *Чуня*. Зооним образован, вероятно, от слова *чушка*, которое является одним из обозначений поросёнка. Нами проанализировано пять словарей: В.И. Даля (1981–1982), С.И. Ожегова (2006), А.Н. Тихонова (1985), Д.А. Ушакова (1940), М. Фасмера (1987), в которых даётся толкование значения и словообразования слова *чушка*. Словарь русского языка С.И. Ожегова толкует лексическую единицу *чушка* следующим образом: **Чушка** – и, ж. (прост.). 1. То же, что и поросёнок [18, с. 869]. В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля слова *чушка*, *чухна*, *чуха* трактуются как обозначения слова *свинья*:

ЧУХНА ж. вор. симб. *чуханушка*, ниж. *чушка*, *свинья*, *свинка*, *рюха*, *рюшка*; *чухня*, вологодск. бранное, бестолковый дурень. Чух-чух, чушь, чуваш, скликают свиней. Поневоле *чушка* в землю глядит. Повесть *чушке* полено на шею – сочтет за отличие! Закорми *чушку* – попеняет на пролежни. | **Чуха и чушка** сиб. (чуть, слышать) рыло, нос, щипец зверя, свиное хрюкало. Добрая собака имаёт (ловит, хватает) за *чушку*. Чухрёнок, поросёнок, твер. | **Чушка**, перм. вят. подбородок, нижняя челюсть [19, с. 616]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова также встречаем объяснение слова: **Чушка** – и, ж. 1. Поросёнок, молодая свинья [20, с. 1310]. В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера слова *чуха*, *чушка* трактуются как *свинья* [21, с. 388]. В словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова слово *чушка* со значением *свинья* раскладывается на морфемы: чуш-к-а, в слове *чуня* также выделяются корень слова и флексия: *чун-я* [22, с. 383]. Таким образом, корень слова зоонима *Чуня* указывает на родовую принадлежность персонажа, которая и обыгрывается в сюжетной линии мультфильма. В соответствии с законом об антропонимической аббревиации слово состоит из двух слогов. Семантическая структура имени *Чуня*: денотативный макрокомпонент – гиперсема ‘свинья’; коннотативный макрокомпонент – ‘анимационный персонаж’; этимологический микрокомпонент – ‘чуня, чушка – свинья’.

2. **Фунтик**. Имя поросёнка включает в себя две морфемы: корень *фунт-* и уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик-*. Корень слова содержит в себе указание на старинную единицу массы *фунт*, сыщики, разыскивающие сбежавшего от Беладонны поросёнка, подтверждают эту гипотезу: «А почему вы сказали *Фунтик*? Не килограмм, не тонна, а именно фунт!» («Неуловимый Фунтик»). В толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова находим следующее толкование слова *фунт*: «Фунт – до введения метрической системы мер – русская единица веса. Торговый фунт

(96 золотников = 409, 5 гр.)» [20, с. 1124]. В различных справочных изданиях по метрологии указывается, что фунт равен 96 золотникам [23 ; 24]. Первоначально слово *золотник* означало золотую монету, и именно в этом значении встречается оно в договоре 911 года Киевского Князя Олега с Византией [24, с. 30]. Становится понятным выбор имени для персонажа мультфильма «Приключения поросёнка Фунтика»: на протяжении мультфильма дважды демонстрируются объявления, что за поимку поросёнка будет выплачено 100 золотых монет, сумма чуть больше одного фунта. Семантическая структура имени *Фунтик*: денотативный макрокомпонент – гиперсема ‘свинья’; коннотативный макрокомпонент – ‘анимационный персонаж’; этимологический микрокомпонент – ‘фунт – старинная единица веса’.

Персонаж по имени *Нюша*, героиня анимационного сериала «Смешарики», внешне не похожа на других персонажей, обозначаемых зоонимами ближней периферии поля. Название сериала представляет собой сложное слово *смешарики*, образованное авторами от словосочетания *смешные шарики*, то есть все герои данного анимационного фильма имеют шарообразную форму независимо от родовой принадлежности персонажа (поросёнок, зайчонок, медведь, ёж и др.). Таким образом, авторы отходят от идеи достоверного изображения животных в кадре мультфильма, однако, наделяя единственную в фильме девочку-поросёнка именем, сохраняют традицию именования телевизионных героев в образе поросят гипокористической формой имени. Смешарика-поросёнка зовут *Нюша*. Общий суффикс *-ш-* сближает телезоонимы *Нюша* и *Хрюша*. Однако зооним *Хрюша* – ономастическая единица, обладающая индивидуальностью и неповторимостью, образованная при помощи звукоподражательного элемента *хрю* и суффикса *-ш-*; зооним *Нюша* – гипокористическая форма антропонима *Анна* (*Нюра*, *Нюша*), именно так объясняют происхождение имени персонажа его создатели.

* * *

1. Поротников П.Т. Из уральской зоонимии // Восточно-славянская ономастика : сборник статей. М. : Наука, 1972. С. 210–250.
2. Фельде Г.Ф. Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области // Этнография имен : сборник статей. М. : Наука, 1971. С. 237–239.
3. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М. ; Донецк : Темп, 2006. 435 с.
4. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
5. Иванян Е.П. Естественнонаучный и гуманитарный подходы в лингвистическом анализе художественного текста // Художественное сознание: консолидация естественнонаучного и гуманитарного подходов : материалы всерос. науч. конференции с междунар. участием, посвящ. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Самара, 12–14 марта 2014 года / под ред. Г.В. Аكوпова. Самара : ПГСГА, 2014. С. 56–64.
6. Иванян Е.П. Проблема изучения литературных онимов в логоэпистемическом аспекте // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конференции, посвящ. 25-летию кафедры русской и сопоставительной филологии БашГУ (12–13 мая 2016 г.). Уфа : БашГУ, 2016. С. 36–40.
7. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография. Волгоград : Перемена, 2000. 122 с.
8. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 5 / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1971. 640 с.
9. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров ; редкол. А.А. Баев, Г.Г. Винберг, Г.А. Заварзин [и др.]. 2-е изд., испр. М. : Советская энциклопедия, 1986. 864 с.
10. Заходер Б. Приключения Винни-Пуха (Из истории моих публикаций) // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 197–225.
11. Нестюричева Н. Английский spleen на русский лад: «Винни-Пух» Бориса Заходера и Виктора Вебера. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_18_384 (дата обращения: 25.05.19).
12. Крюкова А. Хрюшу произвели в хряки, или Тушите свет // Труд : общественно-политическая газета. 2000. 17 августа. № 152.
13. Татарский А. Хрюн и Степан тушат свет // Телесемь. Новосибирск, 2000. 9–15 октября. № 41.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
15. Фомина О. Почему Максим Галкин обращается к компьютеру на «вы» // Комсомольская правда. 2003. 10 декабря.
16. Альперина С. Десять свиней, которые потрясли мир // Российская газета. 2006. 29 декабря. URL: <https://rg.ru/2006/12/29/svin.html> (дата обращения: 15.12.2017).
17. Алиса Селезнёва : энциклопедия. М., 2008–2019. URL: <https://alisa.romantiki.ru> (дата обращения: 14.02.2018).
18. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 25-е изд., испр. и доп. М. : Оникс : Мир и образование, 2006. 976 с.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Р – В. М. : Русский язык, 1982. 683 с.
20. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. Т. 4. С – Я. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. 1499 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд. В 4 т. Т. 4. Т – Я. М. : Прогресс, 1987. 864 с.
22. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. Р – Я. М. : Русский язык, 1985. 886 с.
23. Игнатюк А.Ф. Монеты, меры и весы разных государств : справочная книга. М. : Издание И.Г. Морозова, 1906. 96 с. URL: <https://yadi.sk/d/LQ8U1z8MNNFg5> (дата обращения: 12.07.2017).
24. Черепнин Л.В. Русская метрология : учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам / под ред. д-ра ист. наук, проф. А.И. Андреева. М. : 1-я тип. Трансжелдориздата, 1944. 94 с.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ
В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ
(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)**

**SOME ASPECTS OF EUPHEMISMS FUNCTIONING
IN RUSSIAN AND FRENCH**

© 2020

Л.А. Горшкова, Н.В. Прядильникова

L.A. Gorshkova, N.V. Pryadilnikova

Как показывает речевая практика, современный язык в средствах массовой информации, в общении молодых людей в социальных сетях, непосредственно друг с другом имеет тенденцию к огрублению и вследствие этого к эвфемизации лексики.

Эвфемизмы (от греч. «благоречие» ← др.-греч. «хорошо» + «речь, молва») – нейтральные по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слова или выражения, обычно используемые в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений. В политике эвфемизмы часто используются для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности. Иногда в качестве эвфемизмов используются «нелитературные» слова с меньшей отрицательной «нагрузкой», чем брань и мат, – просторечные, жаргонные, авторские. Эвфемизация речи свидетельствует о формировании системы лингвокультурных значимостей у людей, говорящих на определенном языке. Цель данной статьи – проанализировать некоторые особенности функционирования эвфемизмов в социокультурном аспекте, их влияние на коммуникацию носителей русского языка разных социальных групп.

Ключевые слова: эвфемизм; средства массовой информации; толерантность; коммуникация; социокультурный аспект; вуалирование; политкорректность; негативный денотат.

As the speech practice shows, the modern Russian language in the media, through personal communication of young people in social networks, tends to get rougher and, consequently, more euphemistic.

Euphemisms (the term comes from the Greek word *euphemia* (εὐφημία) which refers to the use of 'words of good omen'; it is a compound of *eū* (εὖ), meaning 'good, well', and *phēmē* (φήμη), meaning 'prophetic speech; rumour, talk') are defined as "emotionally neutral words or expressions used instead of synonymous words or expressions that seem indecent, rude or tactless to the speaker". Politicians often use them to soften some words and phrases so as to mislead deceive people. Sometimes invectives and swear words are replaced with non-literary units with less expressive connotation – colloquialisms, slang words, authentic words. Using euphemisms means raising linguistic and cultural awareness of the people who speak the same language. This article aims at analyzing the process of euphemisms functioning in social and cultural aspect, the impact they have on communication of Russian speakers as representatives of different social groups.

Keywords: euphemism; mass media; tolerance; communication; social and cultural aspect; veiling; political correctness; negative denotation.

В ряде наших работ мы анализировали функционирование эвфемизмов в социокультурном аспекте, их влияние на коммуникацию носителей русского языка разных социальных групп [см., напр.: 1].

Напомним: в современном языкознании эвфемизмы определяются как эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [2–5]. Под эвфемизмами по-

нимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого [6–8]. Потребность в замене наименования денотата и создании несоответствия между именем и понятием диктуется рядом прагматических принципов [9–11]. К числу таких прагматических принципов, порождающих эвфемии, исследователи относят принципы этичности, вежливости, вуалирования и др. [12–15].

Процесс эвфемизации указывает на формирование концепции лингвокультурных значимостей у людей, говорящих на определенном языке, независимо от того, родной это язык или иностранный. Эвфемизмы считаются признаком перемен, совершающихся в обществе. Данные изменения отражаются в языке, влияют на языковую картину мира, которая, в свою очередь, отражает мировоззрение говорящих [16].

Преимственность культурного менталитета невозможна без языка, который представляется в данной связи средством социокультурного кода. Благодаря изучению словарного состава языка, этносоциокультурных норм можно проследить духовное состояние носителей языка и предположить дальнейшее развитие языка [17].

Парадокс такого явления, как эвфемизация, заключается в том, что, с одной стороны, данное явление маскирует социальные проблемы в обществе, с другой – подчеркивает их.

Этическая сторона процесса эвфемизации связана, в частности, со смягчением дискриминации. Различают дискриминацию:

- возрастную: общество молодеет, в связи с чем людей пенсионного возраста не всегда возможно назвать стариками (в этом случае используются слова-заменители: *почтенный, элегантный возраст, умудренные опытом*);

- по социальному статусу (слова-заменители: *социально незащищенные, человек с ограниченными возможностями здоровья, дети с девиантным поведением*);

- по физическим и умственным возможностям (*слабослышащие* (вместо *глухие*), *незрячие* (вместо *слепые*), *дети с задержкой психического развития*);

- по внешнему виду (*крупного телосложения, элегантных размеров*);

- по национальному и этническому признакам (*лица кавказской национальности, гастарбайтер, иностранец, кавказец*) [18].

Раньше таких людей уважительно называли «птичка божия» или «Божий че-

ловек». Считали, что зависит такой человек от Божьей милости.

Существуют некие негативные стереотипы, предрассудки в отношении тех или иных групп населения. Это вызвано различными причинами: неприятие людей иного вероисповедания, оскорбление достоинства личности, непонимание нетрадиционной ориентации мужчин или женщин. В настоящее время общество стало проявлять больше языкового такта, стараясь не задевать чувств и достоинств индивидуума, не ущемлять права на личную жизнь, не проявлять бестактность в отношении расовой, половой принадлежности, возраста, внешнего вида и т.д. В этом случае мы говорим о толерантности и уважении прав человека, о способности понять и принять людей с иным, отличным от нашего, образом жизни, с иными взглядами. Так, в настоящее время аббревиатурный эвфемизм *бомж* (без определенного места жительства) практически перешел в разряд прямых наименований и имеет ряд замен: человек, попавший в затруднительное положение; бездомный; человек, нуждающийся в помощи; оказавшийся на социальной обочине жизни. Эвфемизмы, которые используются в речи с целью избежать оскорбления человека или группы людей, в русском языке называются этически маркированными.

Явление эвфемизации достаточно распространено в иностранных языках, носители которых, люди разных религий, вероисповеданий, относятся терпимо друг к другу, признают право на существование другого верования, в общении избегают прямых наименований негативных сторон [19].

Процесс эвфемизации ярко проявляется в политическом дискурсе. Часто представители разных государств имеют противоположные взгляды на многие вопросы. Но это не мешает им садиться за стол переговоров и находить компромиссное решение спорных вопросов. В связи с этим в дипломатической речи преобладает лексика, цель которой – вуалировать негативные

наименования. Например, политический деятель или дипломат заявляет правительству иной страны, что его правительство «не может больше сдерживать негативные оценки прессы», подразумевая при этом, что против данной страны начинается активная кампания в прессе [20]. Если в ноте или в речи он подчеркивает, что его «правительство смотрит с беспокойством», значит, речь идет о вопросе, при решении которого правительство намерено занять решительную позицию. Посредством вуалирования и смягчения негатива политические деятели имеют возможность сделать серьезное предупреждение иностранному государству без прямых угроз. Важными условиями для языка дипломатии являются вежливый и примирительный тон, тактика ухода от прямого ответа и тактика умолчания (вуалирования). Так, например, в предложении: «Это может негативно отразиться на отношениях между странами» – имеется в виду то, что дружба в любой момент может превратиться во вражду. В языке дипломатии избегают прямых наименований лексической единицы со значением «война», заменяя на завуалированное «вызов», «угроза», «недружелюбный акт». Таким образом, стилю общения дипломатов присущи гибкие формулировки, дипломатический такт, отсутствие директивности [21].

Что касается российской прессы, то в последнее время принят ряд законов о защите достоинства человека, где были закреплены выражения, которые не должны быть использованы журналистами. Существует система административных и даже уголовных наказаний. В связи с этим процесс смягчения и вуалирования лексем в прессе становится заметным явлением. Отметим, что за последние десятилетия в русский язык внедряются политкорректные неологизмы не только за счет заимствования из иностранных языков, но и за счет создания новых слов с помощью ресурсов родного языка.

Рассмотрим отдельные примеры языкового материала толерантности и полит-

корректности из французской прессы. Представляет интерес функционирование эвфемизмов в известных французских изданиях, доступных для чтения на территории России, освещающих вопросы политики, экономики, социальной жизни.

Назовем процессы, влияющие на модификацию речевых ситуаций:

1. Процесс деноминации, маскирующий негативные лексемы в прессе. В основе – отрицание негативных именованных, дедраматизация реальности.

2. Процесс смягчающей переработки, выраженной в гиперонимическом ослаблении категоризации языка.

Тема смерти, похорон всегда касается личной жизни и именно поэтому всегда вуалируется эвфемизмом.

Например, в газете «Фигаро» было размещено объявление о смерти футбольного телекомментатора Тьерри Роланда. В данном объявлении вместо глагола *умер* был использован глагол *a disparu* – «исчез».

Журнал «Лемонд» сообщает о массовой гибели журналистов в Сирии: *caméras et appareils photo au poing* («пали с камерами в руках»).

3. Нейтрализация, или расплывчатая семантика.

В материале о голоде в странах Африки слово *голод* заменяется словом *la malnutrition* – «недоедание», которое в значительной мере нейтрализует истинную обстановку.

В примере *Les pays en voie de développement* говорится о странах, находящихся на пути развития (вместо «слаборазвитые страны»), которые, впрочем, находятся в стагнации и не встают на путь развития.

Исследователи отмечают обезличенность и безэмоциональность языка прессы [22]. Например, в заметке идет речь о толерантности к так называемым национальным меньшинствам. (Выражение *человек средиземноморского типа* оказывается более предпочтительно, чем слово *араб*. В ис-

пользованном выражении не прослеживается никакой персонификации: *un homme de type méditerranéen* – Le Nouveau Quotidien.)

В другом материале речь идет о легализации однополых браков во Франции. В соответствии с толерантным отношением к людям с разными взглядами и убеждениями даже слово *гомосексуалист*, которое являлось эвфемизмом более грубого понятия, становится теперь дисфемизмом и требует замены на *браки людей одного пола*: ... *mariage aux personnes de même sexe*.

К проблеме положения эвфемизирующего говорящего добавляется проблема представления себя в речи. Прибегая к эвфемизмам, говорящий в языке прессы пытается продемонстрировать свое отношение к жестокой реальности новостей, представить эвфемизм в позитивном свете. Индивидуальность журналиста проявляется в его речи, умении избегать негативных и даже жестоких выражений. Порой осторожность журналиста, использующего эвфемизмы, помогающие скрыть ошибки правительства, является примером коллективного мнения [23].

Таким образом, журналист показывает свое отношение либо административно корректно, либо политически корректно, либо социально корректно. Как следует из приведенных примеров, журналисты, прибегая к использованию эвфемизмов, могут манипулировать сознанием людей, способствуя возникновению у них ложных ассоциативных образов улучшения и смягчения негативных процессов, что препятствует адекватному восприятию действительности, создает видимость речевого компромисса [24].

Заслуживает внимания эвфемизация в художественной речи. Так, Л.А. Горшкова рассматривает функционирование неопределенных местоимений в роли эвфемизмов в прозе Б.К. Зайцева [25]. Не меньший интерес, на наш взгляд, представляет использование наречий в произведениях писателя. Например, неопределенное наречие *не-*

сколько используется в прямом значении как обозначение количества: Колосилась рожь, догорал красный май; июнь жег сочным пламенем, вспаивал луга поемные, куда выезжали всей деревней повозками на *несколько* дней (Аграфена); И когда мы выскочили к берегу реки и *несколько* минут неслись совсем рядом с ней, она казалась безначальным и бесконтурным бледным пятном; казалось, что там дальше – вечное спокойствие, мир и ничто (В дороге).

Б.К. Зайцев употребляет наречие *несколько* в сочетании с наречием *глупо* для смягчения физиологического состояния главного героя. В данном примере наречия *несколько глупо* и *хорошо* могут выступать контекстными синонимами: *Ах, глупо несколько, но хорошо, как хорошо, забежать вглубь, в лес, и палить – раз, раз, так, на воздух, с добрыми намереньями, в честь неба, солнца, полковника Джона! (Полковник Розов).*

В качестве смягчения негативных представлений о предмете автор использует сочетание наречия *несколько* и прилагательного *жуткий* с отрицательной коннотацией: Париж просто казался мне туманным гигантом, *несколько* жутким (Изгнание).

Смягчение категоричности и ирония свойственна сочетанию *несколько поздно* в следующем примере: Старый товарищ принес ему и положил в гробу на лоб маленький лавровый венок, но у покойного был такой вид, что теперь это *несколько* поздно (Елисейские поля). На наш взгляд, в данном случае замена производится там, где в ней нет необходимости.

Неопределенные наречия «смягчают» сообщаемое в составе эвфемистического сочетания: Мне нравился блеск его глаз, нежная кожа, *несколько по-еврейски* выщипанные волосы (Изгнание); Нолькен улыбался, но его худое, *несколько обезьянье* лицо было печально. Как будто и глаза туманились болезненно (Дальний край). Прямое наименование «по-еврейски», «обезьянье» может стать оскорбительным для говоря-

щего. Но при помощи наречия *несколько* негативная коннотация становится незначительной и придает речи образности.

В следующем примере: И она пошла переодеться. Вышла в капоте, небогатом, но приличном, и имела *несколько* таинственный вид; от нее пахло духами, и ей казалось, что она знаменитая актриса, принимающая у себя после спектакля (Дальний край) – прилагательное *таинственный* является синонимом слову *мистический*, но имеет более нейтральное значение. В то же время употребление сочетания, помимо неопределенности, выполняет функцию эвфемизации, но незначительную, так как прилагательное не имеет отрицательного значения, а негативные события, связанные с нарядом героини, читаются из контекста. В приведенном примере эвфемизация име-

ет опосредованное значение, дополнительное к основному.

Итак, мы рассмотрели функционирование эвфемизмов в социокультурном аспекте; для смягчения дискриминации; как языковое средство для выражения толерантности и политкорректности; как элемент языка дипломатии, языка прессы и, наконец, на примере нескольких произведений Б.К. Зайцева, как один из приемов художественного стиля. Подчеркнем: в рассмотренных примерах эвфемизмы обладают четырьмя обязательными признаками, как то: обозначение негативного денотата; семантическая неопределенность эвфемизма, позволяющая смягчить негативную оценку денотата; улучшение денотата по сравнению с заменяемым словом или выражением; формальный характер улучшения денотата.

* * *

1. Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 180 с.
2. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 590.
3. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2006. 151 с.
4. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки ЛГУ. 1961. № 301. С. 110–124.
5. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л. : ЛГПИ, 1988. 80 с.
6. Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка : курс лекций. Ч. 2. М. : Флинта : Наука, 2014. 463 с.
7. Иванян Е.П. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы) : монография. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 208 с.
8. Баскова Ю.С. Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «слова-прикрытия» : монография. Краснодар, 2009. 182 с.
9. Земская Е.А. Вступительная статья // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 1996. С. 9–29.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
11. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке : монография. М. : МГОУ, 2002. 307 с.
12. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире : очерки новейшего словоупотребления. М. : Флинта : Наука, 2003. 224 с.
13. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2002. 277 с.
14. Складаревская Г.Н. От редактора // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М. : Астрель : АСТ, 2005. 894 с.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
16. Темирбаева Е.К. Эвфемизмы в языке политики и художественной литературе // Слово в словаре и в тексте : сборник статей. М. : МГУ, 1991. С. 13–21.

17. Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
18. Ризрдон Б.Э. Толерантность – дорога к миру. М. : Бонфи, 2001. 304 с.
19. Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг : сборник науч. трудов. Волгоград : Перемена, 2000. С. 158–171.
20. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. М. : МГУ, 2000. С. 94–106.
21. Базылев В.Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 8–10.
22. Маклакова Е.А. Политическая корректность и тональность общения как семантические признаки наименований лиц (на материале контрастивных исследований в русском и английском языках) // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 93–104.
23. Ванюшина Н.А. Особенности функционирования эвфемистической лексики в массовой и политической коммуникации (на примере современных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 2(6). С. 29–31.
24. Горшкова Л.А. Функционирование эвфемизмов в газетно-публицистическом дискурсе в процессе манипуляции общественным мнением // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : материалы междунар. науч. форума. 18–19 апреля 2019. В 2 т. Т. 2. СПб. : СПбГУ, 2019. С. 173–175.
25. Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 187 с.

**ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП
В СРАВНЕНИЯХ ОЛЬФАКТОРНОГО МОДУСА ПЕРЦЕПЦИИ**

**REPRESENTATION OF THEMATIC GROUPS
IN COMPARISONS OF OLFACTORY MODE OF PERCEPTION**

© 2020

Е.П. Иванян, П.С. Иванова

E.P. Ivanyan, P.S. Ivanova

В статье рассмотрена представленность тематических групп «Человек», «Животное», «Природа», «Растение», «Предмет», «Пространство», «Еда», «Абстракция», «Вещество» в корреляции между семами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции. Материалом исследования послужили лексикографические источники, тексты художественных произведений З. Прилепина, результаты ассоциативного эксперимента. Выявлены наиболее частотные тематические группы в сфера-источнике и сфере – мишени сравнения, зафиксированные не менее чем в двух источниках; на них и сосредоточено внимание в статье; малочастотные тематические группы в ней не анализируются. Показано, что для аксиологически положительно маркированных сравнений характерны сфера-источник из тематических групп «Животное», «Растение» и сфера-мишень из тематических групп «Человек», «Природа»; для аксиологически отрицательно маркированных сравнений – сфера-источник из тематических групп «Животное», «Предмет», «Еда», «Пространство» и сфера-мишень из тематических групп «Человек», «Животное», «Природа», «Пространство»; для аксиологически немаркированных сравнений – сфера-мишень, входящая в тематическую группу «Человек».

Ключевые слова: тематические группы; сравнение; ольфакторный модус перцепции; ассоциативный эксперимент; гедонистическая оценка; семы 'живое' – 'неживое'; корреляция; модус перцепции; сема; сфера-источник; сфера-мишень; аксиологически положительно маркированное сравнение; аксиологически отрицательно маркированное сравнение; аксиологически немаркированное сравнение.

The article considers the representation of thematic groups "Man", "Animal", "Nature", "Plant", "Object", "Space", "Food", "Abstraction", "Substance" in the correlation between semes "living" – "non-living" and hedonistic assessment of comparisons of olfactory modus of perception. The lexicographic sources, the literary texts by Z. Prilepin, the results of associative experiment undergo the analysis. The most frequent thematic groups in the source and target spheres of comparison, recorded in at least two sources, have been identified; they are in the focus of the article; non-frequent thematic groups are not analyzed. Axiologically positive comparisons are proved to have a source sphere from the thematic groups "Animal", "Plant" and a target sphere from the thematic groups "Man", "Nature"; for axiologically negative comparisons the source sphere is from thematic groups "Animal", Object, "Food", "Space" and target sphere is from thematic groups "Man", "Animal", "Nature", "Space"; for axiologically unmarked comparisons – the target sphere, which is part of the thematic group "Man".

Keywords: thematic groups; comparison; olfactory mode perception; associative experiment; hedonic evaluation; semes 'living' – 'nonliving'; correlation; mode of perception; seme; sphere-source; sphere-target; axiologically positive comparison; axiologically negative comparison; axiologically unmarked comparison.

Тематическая группа – это объединение лексических единиц, используемых при общении на определенную тему без учета особенностей и условий акта общения [1, с. 94]. Рассмотрение тематических групп является актуальным для современной лингвистики [напр.: 2].

Объектом настоящего исследования являются сравнения ольфакторного модуса перцепции, то есть сравнения со значением «запах».

Предмет исследования – представленность в сравнениях ольфакторного модуса перцепции слов определенных тема-

тических групп с учетом корреляции между семами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений.

Цель исследования – охарактеризовать тематические группы сравнений ольфакторного модуса перцепции, рассмотрев корреляцию между семами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой.

Языковым материалом для исследования послужили:

1) тексты 16 словарей – сравнений [3–8], фразеологизмов [9–15], пословиц и поговорок [16–17], крылатых слов и выражений [18];

2) тексты художественные произведений З. Прилепина – романы «Санька», «Чёрная обезьяна», «Патологии», «Обитель»; сборники рассказов «Восьмёрка», «Грех и другие рассказы», «Ботинки, полные горячей водкой») [19–25];

3) результаты ассоциативного эксперимента (в эксперименте участвовало 412 человек, получено 9711 реакций). Лист опроса включал 27 стимулов: к сферам – мишеням сравнений, относящимся в девяти тематическим группам («Человек», «Животное», «Природа», «Растение», «Предмет», «Пространство», «Еда», «Абстракция», «Вещество»), были отнесены три разных по оценочности признака: *воняет, пахнет, благоухает*. (Например: *человек воняет*,

как..., человек пахнет, как..., человек благоухает, как...)

Названные тематические группы мы рассматриваем в данной статье.

Сразу отметим, что тематическая группа в сфере-источнике (то, с чем сравнивают) может как совпадать, так и не совпадать с тематической группой в сфере – мишени (то, что сравнивают) сравнений.

Тематические группы, наиболее часто содержащие источники сравнения, показаны в таблице 1 (малочастотные тематические группы нами не описываются). Данные, зафиксированные в ней, позволяют провести корреляцию тематических групп, к которым принадлежат источники сравнения, и гедонистической оценки.

Таблица 1

Тематические группы в сфере – источнике сравнения

Гедонистическая оценка	Семы 'живое' – 'неживое' в сфере-источнике	Лексикографические источники	Художественные тексты З. Прилепина	Результаты ассоциативного эксперимента
Аксиологически положительно маркированные сравнения	'живое'	Животное Растение	Человек Животное	Растение
	'неживое'	Природа Предмет	Абстракция Еда	Еда Вещество
Аксиологически отрицательно маркированные сравнения	'живое'	Животное	Человек Животное	Животное
	'неживое'	Пространство Предмет	Вещество Предмет Еда Абстракция	Еда Вещество
Аксиологически немаркированные сравнения	'живое'	–	Человек Растение	Растение
	'неживое'	–	–	Вещество

Наблюдения позволяют сделать ряд выводов.

1. Сферы – источники сравнений с семой 'живое':

– аксиологически положительно маркированные сравнения характерны для тематических групп «Животное», «Растение» и «Человек» (в художественных текстах З. Прилепина); то есть если что- или кого-либо сравнивают с животным или растением, значит, данные объекты обладают приятным для субъекта восприятия запахом. Заметим, что в том случае, когда источник

сравнения относится к тематической группе «Животное», то им часто является не запах животного, а его обонятельные способности. Например, в сравнении *нюх как у собаки* положительно оценивается острота обоняния;

– аксиологически отрицательно маркированные сравнения частотны в тематической группе «Животное», а в художественных текстах З. Прилепина – и в группе «Человек»; то есть если что- или кого-либо сравнивают с животным, данные объекты

имеют приятный для субъекта восприятия запах;

– аксиологически немаркированные сравнения встречаются в разнообразных по тематическим группам сферах-источниках, выделить доминирующую трудно. Однако и в художественных текстах З. Прилепина, и в результатах ассоциативного эксперимента всё же обнаруживается преобладание тематической группы «Растение», то есть сравнение чего- или кого-либо с растением.

2. Сферы – источники сравнений с собой ‘неживое’:

– аксиологически положительно маркированные сравнения входят в разнообразные тематические группы – почти все анализируемые, включающие сему ‘неживое’; какая-либо отдельная тематическая группа, характерная для всех трёх источников материала, не выделяется;

– аксиологически отрицательно маркированные сравнения характерны частотны в тематических группах «Предмет», «Еда» и «Пространство», то есть приятным является запах какого-либо предмета, еды и пространства;

– аксиологически немаркированные сравнения, используя которые носитель

языка что-либо сопоставляет с веществом, не давая оценки, а фактически отсылая к свойствам и качествам сферы-источника, разнообразны; только ассоциативный эксперимент позволяет выделить тематическую группу «Вещество».

Таким образом, анализ трех источников материала (словарей, художественных текстов З. Прилепина и результатов ассоциативного эксперимента) позволяют выделить совпадающие тематические группы, к которым относятся сферы-источники в аксиологически положительно и отрицательно маркированных сравнениях с собой ‘живое’. При этом ни одна тематическая группа не обнаруживает высокой частотности во всех трех источниках. В аксиологически немаркированных сравнениях тематические группы сфер-источников разнообразны и превалирования каких-либо из них не наблюдается.

Обратимся к анализу сфер – мишеней сравнения с точки зрения частотности тематических групп, к которым они относятся, и корреляции сем ‘живое’ – ‘неживое’ и гедонистической оценки (см. табл. 2).

Таблица 2

Тематические группы в сфере – мишени сравнения

Гедонистическая оценка	Семы ‘живое’ – ‘неживое’ в сфере-источнике	Лексикографические источники	Художественные тексты З. Прилепина	Результаты ассоциативного эксперимента
Аксиологически положительно маркированные сравнения	‘живое’	Человек	Человек	Человек Растение
	‘неживое’	Природа	Еда Предмет	Природа
Аксиологически отрицательно маркированные сравнения	‘живое’	Человек	Человек Животное	Животное Человек
	‘неживое’	Пространство	Природа Предмет	Природа
Аксиологически немаркированные сравнения	‘живое’	Человек	Человек	Человек Животное
	‘неживое’	Пространство	Вещество Предмет	Природа

Сфера – мишень сравнения называет то или того, что или кто сопоставляется. В результатах ассоциативного эксперимента представлены первые три по частотности тематические группы.

Мы можем сделать следующие выводы.

1. Сферы – мишени сравнений с семей 'живое':

– аксиологически положительно маркированные сравнения характерны для тематической группы «Человек», то есть с кем- или чем-либо сопоставляется запах человека, которому даётся положительная оценка;

– аксиологически отрицательно маркированные сравнения частотно входят в тематические группы «Человек» и «Животное», то есть с кем- или чем-либо сопоставляется неприятный запах человека или животного;

– аксиологически немаркированных сравнения частотны в тематической группе «Человек».

2. Сферы – источники сравнений с семей 'неживое':

– в словарях и результатах эксперимента аксиологически положительно маркированные сравнения входят в тематическую группу «Природа», то есть положительное оцениваются природные запахи; в художественных текстах З. Прилепина частотны тематические группы «Еда», «Предмет»;

– аксиологически отрицательно маркированные сравнения характерны для тематических групп «Природа», «Пространство», то есть неблагоприятный запах характерен для замкнутого пространства, в котором нет необходимого количества свежего воздуха, или для природы, испорченной цивилизацией, например: *Внизу, под насыпью, цветы пахли цветами – а сверху, ближе к рельсам, их становилось все меньше, и редкие ромашки отдавали пылью, мазутом, гарью* (З. Прилепин. Витёк); в художественных текстах З. Прилепина неприятный запах имеют и предметы, такие

сферы-мишени входят в тематическую группу «Предмет»;

– какой-либо одной тематической группы, в которую входят аксиологически немаркированные сравнения в трёх источниках, не обнаруживается.

Таким образом, в трех источниках сферы-мишени совпадают в аксиологически положительно и отрицательно маркированных сравнениях с семами 'живое' и 'неживое' и немаркированных сравнениях с семей 'живое'.

Рассмотрим совпадающие не менее в двух источниках тематические группы и приведем примеры сравнений.

Аксиологически положительно маркированные сравнения.

Для аксиологически положительно маркированных сравнений характерны следующие элементы: сфера-источник, принадлежащая к тематическим группам «Животное», «Растение», и сфера-мишень, относящаяся к тематическим группам «Человек», «Природа».

В лексикографических источниках сфера-мишень есть не у всех сравнений, например: *Душистый как (точно, словно, будто) ранний миндаль* [3, с. 72]. В зафиксированных словарями сравнениях сфера-источник входит в тематическую группу «Растение», сферой-мишенью может стать любой источник запаха. В примере *Воздух как (точно, словно, будто) после грозы* [3] есть два элемента сравнения: сфера-мишень, входящая в тематическую группу «Природа», и сфера-источник, представляющая среднечастотную для данного элемента сравнения тематическую группу «Природа».

В художественных текстах З. Прилепина данные тематические группы проявляют высокую частотность в качестве одновременно и сферы-мишени, и сферы-источника. Например: *От чеченца сильно пахло луком, возбуждением. Это был хороший запах* (З. Прилепин. Обитель). Здесь сфера-мишень входит в тематическую группу «Человек», одна из сфер-источников (*луком*) – в тематическую группу «Растение». Контекст свидетельствует,

что запах лука оценивается положительно. Ряд сравнений ольфакторного модуса перцепции представлен в примере *Легким, и теплым, и терпким пахло. Особенным, словно полынным, чуть горьковатым – там, где прикасалась кожей, спинкой, боками* (З. Прилепин. Санька). Сфера-мишень выражена в предшествующем тексте: *Саша зарылся в подушку, собрал к лицу простынку*. Сфер-источников, описывающих множество запахов, шесть: *легким, тёплым, терпким, особенным, полынным, горьковатым*. Сравнения включают синестезию, сочетание нескольких видов ощущений: тактильных и ольфакторных (*лёгкий, тёплый*), вкусовых и ольфакторных (*терпкий, горьковатый*). Сферы-источники *особенным* и *полынным* относятся только к ольфакторному модусу перцепции. Последняя из них входит в тематическую группу «Растение». Ряд сравнений построен от внешнего телесного к внутреннему ощущению: тактильные (*лёгким, тёплым*), собственно ольфакторные (*особенным, полынным*) сменяются вкусовыми (*терпким, горьковатым*). Запах становится ближе для Саши, который и является субъектом обоняния в описываемом эпизоде.

Результаты ассоциативного эксперимента также показали высокую частотность рассматриваемых тематических групп. К сфере-мишени «Человек» были даны реакции тематической группы «Растение»: *Человек благоухает, как... цветок* (127), *роза* (52), *цветы* (31), *бабочка* (7), *пион* (5), *сирень* (4).

Аксиологически отрицательно маркированные сравнения.

Для аксиологически отрицательно маркированных сравнений характерны следующие элементы: сфера-источник, относящаяся к тематическим группам «Животное», «Предмет», «Еда», «Пространство» и сфера-мишень из тематических групп «Человек», «Животное», «Природа», «Пространство».

В зафиксированных в лексикографических источниках сравнениях данные тематические группы частотны. Например: *от кого как от козла псиной воняет*.

Народн. Неодобр. О дурно пахнущем человеке [5, с. 269]. Сфера-мишень относится к тематической группе «Человек», сфера-источник – к тематической группе «Животное», то есть запах человека определяется через сопоставление с запахом животного и оценивается как неприятный (*воняет*). Для усиления аксиологически отрицательной оценки в сфере-источнике названы два животных: козёл и псина. Заметим, что данное сравнение нелингвоэкологично, так как содержит «пейоративные народные номинации в отношении лица» [26, с. 214]. В сравнении *пахнуть как от падкой кошки*. Пек. Неодобр. О невыносимо дурном запахе, большой духоте где-л. [5, с. 305] сфера-мишень входит в тематическую группу «Пространство», сфера-источник – в тематическую группу «Животное».

Для художественных текстов З. Прилепина также характерны рассматриваемые тематические группы. Например: *Повар – нестерпимо пропахший баландой, рыбой, пшёнкой и гречкой, бритый наголо, с единственным глазом мужичина – внимательно осмотрел Артёма, пытаясь на всякий случай понять, что за тип перед ним и отчего ему улучшенный паёк* (З. Прилепин. Обитель). Сфера-мишень входит в тематическую группу «Человек», сферы-источники – в тематическую группу «Еда». Запах человека сопоставляется с запахом еды, который является неприятным. Отнесение к аксиологически отрицательно маркированным сравнениям происходит по семе «в высшей степени» в значении признака сравнения – *нестерпимо пропахший*.

В результатах ассоциативного эксперимента рассматриваемые тематические группы частотны. Например, для сферы – мишени сравнения «Человек» характерны следующие реакции: *Человек воняет, как... животное* (57), *свинья* (44), *скунс* (18), *собака* (11), *рыба* (8), *мышь* (3), *зверь* (3).

Аксиологически немаркированные сравнения.

Для аксиологически немаркированных сравнений характерна сфера-мишень, входящая в тематическую группу «Чело-

век». Сферы-источники относятся к разным тематическим группам.

См. пример из лексикографического источника: *Какая разница между мужиком и мужчиной? – От мужика пахнет мужиком, а от мужчины – женщинами...* [16, с. 275]. Носитель языка фиксирует здесь бытовой опыт; в зависимости от интонации возможно аксиологически положительная и отрицательная маркированность слов *мужик* и *мужчина*.

Рассмотрим пример из текста З. Прилепина: «...*Как собака, – снова успел подумать Артём, – всё чую, как собака...*» (З. Прилепин. Обитель). Артём сопоставляет себя с собакой по качеству обоняния, обыгрывая переносное значение слова *чують* – ‘интуитивно понимать действительность’.

В ассоциативном эксперименте зафиксированы, например, такие реакции: *Человек пахнет, как... цветок* (84), *человек* (32), *роза* (25), *цветы* (16), *кожа* (6), *фиалка* (3), *собака* (3). Как видим, сфера-мишень «Человек» сопоставляется со сфе-

рами-источниками, относящимися к тематическим группам «Растение», «Человек», «Животное».

Сопоставив результаты выборки из источников разного типа по семам ‘живое’ – ‘неживое’ и гедонистической оценке, мы установили, что для сравнений ольфакторного модуса перцепции характерно использование слов следующих тематических групп:

1) в аксиологически положительно маркированных сравнениях сфера-источник из тематических групп «Животное», «Растение» и сфера-мишень из тематических групп «Человек», «Природа»;

2) в аксиологически отрицательно маркированных сравнениях сфера-источник из тематических групп «Животное», «Предмет», «Еда», «Пространство» и сфера-мишень из тематических групп «Человек», «Животное», «Природа», «Пространство»;

3) в аксиологически немаркированных сравнениях сфера-мишень входит в тематическую группу «Человек».

* * *

1. Кременецкая И.В. Тематическая группа как парадигматическое объединение слов // *Lingua mobilis*. 2009. № 3(17). С. 94–98.

2. Гоннова Н.В. Тематические группы царь-производных // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2016. № 4(38). С. 63–67.

3. Горбачевич К.С. *Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке* : около 1300 словарных статей. М. : АСТ : Астрель : Ермак, 2004. 285 с.

4. Лебедева Л.А. *Устойчивые сравнения русского языка* : тематический словарь. 2-е изд., стер. М. : Флинта : Наука, 2015. 316 с.

5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Большой словарь русских народных сравнений*. М. : Олма Медиа Групп, 2008. 800 с.

6. Мокиенко В.М. *Словарь сравнений русского языка* : 11000 единиц. СПб. : Норинт, 2003. 603 с.

7. Огольцев В.М. *Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка*. Ижевск : Удмуртский ун-т, 1994. 510 с.

8. Огольцев В.М. *Словарь устойчивых сравнений русского языка: (синонимо-антоним.)* : ок. 1500 единиц. М. : Рус. слов. и др., 2001. 797, [2] с.

9. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Словарь русской фразеологии* : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

10. Ларионова Ю. А. *Фразеологический словарь современного русского языка*. М. : Аделант, 2014. 512 с.

11. *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири* / сост. И.Т. Бухарева, А.И. Фёдоров ; под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1972. 207 с.

12. Фёдоров А.И. *Фразеологический словарь русского литературного языка* : ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878, [2] с.

13. *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX века* / под ред. А.И. Фёдорова. М. : Топикал, 1995. 608 с.

14. Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М. : Юнвес, 2006. 608 с.
15. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4 000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров ; под ред. А.И. Молоткова. 3-е стер. изд. М. : Русский язык, 1978. 543 с.
16. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 576 с.
17. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород : Русский купец, 1996. 624 с.
18. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М. : Локид-Пресс, 2005. 880 с.
19. Прилепин З. Ботинки полные горячей водкой. М. : АСТ, 2016. 256 с.
20. Прилепин З. Восьмёрка. М. : АСТ, 2014. 304 с.
21. Прилепин З. Грех. М. : АСТ, 2014. 416 с.
22. Прилепин З. Патологии. М. : АСТ, 2015. 352 с.
23. Прилепин З. Санья. М. : АСТ, 2014. 352 с.
24. Прилепин З. Чёрная обезьяна. М. : АСТ, 2014. 288 с.
25. Прилепин З. Обитель : роман. М. : АСТ, 2014. 746, [6] с.
26. Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Екатеринбург : УрГПУ, 2018. № 2. С. 209–215.

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ФИКТОНИМНЫХ ПРАГМАТОНИМОВ – НАЗВАНИЙ КОНФЕТ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ**

**SOCIOCULTURAL SIGNIFICANCE
OF FICTIONAL PRAGMATONYMS – NAMES OF CANDIES
IN MODERN RUSSIAN DISCOURSE**

© 2020

Н.Д. Осипова

N.D. Osipova

В данной статье современные отонимные прагматонимы – названия конфет, включающие фиктонимы, характеризуются с позиции их социокультурного значения для потенциального потребителя. Рассмотрены некоторые подходы к пониманию термина «фиктоним» в отечественной ономастике. На примере АО «Краскон» (г. Красноярск) раскрыта современная тенденция серийной номинации конфетной продукции. Произведен анализ прагматонима *Краскоша*, образованного от названия фабрики, а также его дериватов. Серия прагматонимов данной кондитерской фабрики, включающих фиктоним *Краскоша*, проанализирована с точки зрения формирования языковой картины мира и возможного восприятия потенциальным потребителем. Среди данных наименований указаны случаи отсылок к номенам известных брендов, что раскрывает ассоциативный потенциал прагматонимов. Выявлена выраженная мелиоративная направленность (моделирование положительных эмоций) прагматонимов с фиктонимом *Краскоша*, в том числе его культурная значимость для регионального потребителя.

Ключевые слова: оним; прагматоним; бренд; названия конфет; ономастикон; отонимный прагматоним; фиктоним; поэтоним; литературный оним; реалионим; мифоним; персонификация; олицетворение; дискурс; номинатор; мелиорация; мелиоративная номинация.

In this article, modern toponym pragmatonyms – names of candies, including fictional names, are characterized from the standpoint of their sociocultural significance for a potential consumer. Several approaches to understanding the term “fictional name” in domestic onomastics are described. The example of JSC Kraskon (Krasnoyarsk) is given to describe the modern trend of serial nomination of candy products. The analysis of the pragmatonym *Kraskosha* demonstrated that the word was formed from the factory name and its derivatives. A series of pragmatonyms of this confectionary factory including the fictional name *Kraskosha* underwent the analysis in terms of the linguistic world view development and possible ways of perception of a potential consumer. Among these items, there are cases of references to the nomens of well-known brands, which reveal the associative potential of pragmatonyms. The ameliorative slant (positive emotions modeling) of pragmatonyms with the fictional name *Kraskosha* is identified, as well as its cultural significance for a regional consumer.

Keywords: onym; pragmatonym; brand; candies brandnames; onomasticon; toponym pragmatonym; fictional name; poetonym; literary onym; real name; mythological name; personification; discourse; nominator; amelioration; ameliorative nomination.

В современной отечественной лингвистике существуют две основные точки зрения относительно понимания термина «фиктоним».

Согласно первой, к фиктонимам относятся все онимы, функционирующие в литературных произведениях. Такого мнения придерживается Е.А. Флейшер, рассматривающая фиктонимы как прецедентные имена. Исследователь относит их, наряду с антропонимами, к ядру ономастического поля [1, с. 16]. В рамках литературного произведения фиктонимы упоминаются в работе

О.В. Сухаревой [2]. Данная точка зрения достаточно широкая, её можно соотнести с теорией Д.Д. Гудкова, согласно которой в соответствии со степенью реальности денотата онимы подразделяются на реалионимы (имена существовавших или существующих объектов) и мифонимы (имена вымышленных объектов) [3, с. 76–79].

А.В. Суперанская под мифонимами понимает именованья людей, животных, растений, народов, географических объектов и т.п., в действительности никогда не существовавших [4, с. 180]. Однако в моногра-

фии «Теория и методика ономастических исследований» (авторы А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов) понятия «фиктонимы» (имена собственные, употребляющиеся в художественных произведениях) и «мифонимы» (имена мифических персонажей) разграничиваются [5, с. 30].

В соответствии с другой точкой зрения следует разделять литературные онимы и онимы, придуманные конкретным номинатором, ранее не существовавшие в языке.

Заметим, что собственное имя, функционирующее в художественном произведении, обозначается в теории ономастики различными терминами: «литературный оним» (О.И. Фонякова) [6], «поэтическое имя» (Н.В. Подольская) [7, с. 108–109], «поэтоним» (В.М. Калинин, Н.В. Подольская). Согласно мнению В.М. Калинкина, «поэтоним обозначает не реальный, а существующий в сознании автора и воспринимающийся читателем художественный образ человека или объектов, обладающий коннотациями и служащий выражению авторской оценки, реализации художественного замысла писателя» [8, с. 97]. На наш взгляд, подобные онимы логичнее рассматривать в связи с литературной ономастикой [9, с. 5], в то время как наш языковой материал выходит за рамки данной области. Непосредственно к фиктонимам ученый относит лишь онимы, выдуманные писателем и отсутствующие в реальном ономастике языка [9, с. 13]. В нашей статье мы также будем понимать под фиктонимом искусственно придуманный оним.

Как показывает наш языковой материал, в прагматонимах – наименованиях конфет – представлены следующие виды фиктонимов: антропонимные, топонимные, зоонимные, фитонимные и др. В предлагаемой статье мы рассмотрим фитонимные прагматонимы – названия конфет, образованные от наименований кондитерских фабрик, на которых производится данная продукция. Языковым материалом послужили прагматонимы акционерного общества «Кондитерско-макаронная фабрика

“Краскон”» (АО «Краскон», г. Красноярск). Цель нашей работы – охарактеризовать данные прагматонимы с точки зрения современной тенденции в названии конфет и оценить их социокультурное значение для потенциального потребителя.

Фиктонимы встречаются не только в прагматонимах – названиях конфет, но и в других областях коммерческого дискурса: закусовая «Блин Сметаныч», кондитерский магазин «Зефир Конфетыч», шашлычная «Шашлыч» (г. Самара, 2019).

Использование фиктонимных прагматонимов наблюдает И.И. Файзуллина, соотнося данный процесс с явлением языковой игры. Подобные прагматонимы исследователь называет окказионализмами («Пралинетка», «Кокосанка»), рассматривая проявление ономастической игры на словообразовательном уровне. Исследователь отмечает, что «номинаторы продуктов питания нередко используют словообразовательные форманты имен и отчеств» [10, с. 18]. В качестве примеров И.И. Файзуллина приводит такие прагматонимы, как *Белебеич* (название образовано с помощью суффикса *-ич-* от названия города *Белебей*, где производится водочная продукция), *Кузьмич*, *Гусь Лапыч*. Здесь имеет место стилизация прагматонима под разговорный вариант мужской антропонимической формулы, о чем говорит также Л.И. Зубкова: «Использование разговорной формы отчества, например, *Евстигнеич*, *Егорыч* и т.п., снижает деловой тон, создает атмосферу непринужденного повествования» [11, с. 132].

Создание фиктонимов тесно связано с явлением персонификации. В настоящее время данный прием многими исследователями рассматривается как синоним терминов «олицетворение», «прозопопея», «анимизм»: «Олицетворение (калька с лат. *persona* – лицо, личность + *facere* – делать), или персонификация – стилистический прием, с помощью которого неодушевленные предметы, явления природы, отвлеченные понятия предстают в человеческом образе (антропоморфизм) или в образе другого живого существа» [12, с. 198–199]. Пер-

сонификация всегда является иносказанием, то есть стилистическим преобразованием предмета, явления.

Использование персонифицированных образов в рекламе предполагает воздействие на эмоциональную сферу потребителя, а через нее – на его разум и волю [13, с. 129]. Многие кондитерские фабрики персонифицируют собственные наименования. К примеру, самарская фабрика «Лактомелия» («Добрые вести») выпускает конфеты «В гостях у Лактомельки». Прагматоним предположительно образован от наименования фабрики «Лактомелия» присоединением суффикса *-к-* (возможно, по аналогии со словом *карамелька*). Фабрика «Конфил» (г. Волгоград) предлагает прагматоним *Конфилочка* (по мнению некоторых потребителей, работница предприятия [14]).

Для нашего исследования особый интерес представляет прагматоним *Краскоша*,

образованный от наименования фабрики «Краскон» г. Красноярск. Во-первых, данный прагматоним представлен целой серией конфет. Во-вторых, в отличие от выше-названных примеров, оним имеет конкретную персонификацию. Название фабрики «Краскон» – это аббревиатура, которая произошла из слов *Красноярск* и *кондитер (-ская)*. Номинаторы разработали образ персонажа по имени *Краскоша* – улыбающегося золотистого дракона с короной на голове. Отметим, что фиктоним образован с применением диминутива *-ш-* (по аналогии со словом *дракоша*. *Краскоша* графически изображен в виде двуглавого дракона (рис. 1), тогда как на остальных конфетах серии дракон изображен с одной головой. Графическое решение находит положительный отклик среди потребителей: «Краскоша – милый и веселый дракончик. Символ красноярской конфетной фабрики» [15].

Рис. 1. Двуглавый дракон на упаковке конфеты «Краскоша»

Названия целого ряда конфет фабрики повторяют имена брендовых персонажей с отсылкой к известным многими десятилетиями названиям конфет, например, «Буревестник», «Белочка» и т.п. Известные названия позволяют покупателям сориентироваться в содержании начинки, т.к. она схожа с начинкой продукции известных брендов. Рассмотрим некоторые прагматонимы, которые представляют собой словосочетания с главным компонентом – фиктонимом *Краскоша*.

На упаковке конфеты «Краскоша – друг буревестника» изображены силуэты птиц, парящих в облаках, вызывая ассоциа-

ции с брендом конфет «Буревестник». Оформление конфет «Краскоша – друг белочки» – золотистая белка на зеленом фоне – на наш взгляд, можно считать отсылкой к грильяжной конфете «Белочка». Упаковка «Краскоши в ананасах» содержит явную отсылку к конфетам «Ананасные»: оранжевые ананасы располагаются на желтом фоне. Название «Краскоша любит загадки» содержит аллюзию на конфеты «Загадка» и «Детям», на обратной стороне упаковки которых помещены загадки или шарады. Отметим, что в оформлении данных единиц продукции образ самого Краскоши отсутствует.

Обратимся к прагматонимам, в которых персонификация получает графическое выражение. На упаковке конфеты «Краскоша на верблюде» дракон сидит верхом на верблюде. Оформление упаковки очень близко к оформлению известной конфеты «Кара-Кум» с изображением силуэта верблюда на желто-оранжевом фоне. Эксплуатация брендовой продукции наблюдается также в прагматонимах «Краскоша пилотный» (дракончик сидит в самолетике – отсылка к конфетам «Пилот»), «Краскоша – капитан Авроры» (дракон помещен на крейсер Аврора – ассоциация с конфетами «Северная Аврора», хотя цветовое оформление отличается), «Краскоша на Севере». В случае последнего прагматонима существует два варианта иллюстрации на упаковке. Первый вариант (рис. 2) – Краскоша, мчащийся на сноуборде. Такой вариант, судя по отзывам, вызывает интерес у потребителей: «Симпатичный фантик. А у вас сохранился хоть один экземпляр? У меня хобби: коллекционирую обертки от шоколада и фантики от конфет. Краскоша стал бы приятным пополнением моей фантичной коллекции» (орфография и пунктуация сохранены. – Н.О.) [16]. Второй вариант упаковки приближен к брендовому оформлению конфет «Мишка на Севере» – белый медведь в сопровождении того же Краскоши на сноуборде (рис. 3).

Рис. 2. Упаковка конфеты «Краскоша на Севере» (вариант 1)

Рис. 3. Упаковка конфеты «Краскоша на Севере» (вариант 2)

Прагматоним «Сибирская красавица с Краскошей» интересен тем, что является отсылкой к оригинальной продукции кондитерской фабрики – конфетам «Сибирская красавица» и «Сибирская красавица в шапочке». Однако графическое оформление конфет разное. На упаковке «Сибирской красавицы» изображена рисованная гроздь смородины (начинка представляет собой смородиновое желе), то есть конкретная персонификация отсутствует. «Сибирская красавица в шапочке» представляет собой вариацию брендовых конфет «Красная шапочка», что подтверждается иллюстрацией: девочка в красном головном уборе с корзиной в руках. На упаковке «Сибирской красавицы с Краскошей» образ красавицы также персонифицирован, однако уже по-другому. В данном случае девочка одета в национальный костюм северных народов, рядом с ней – Краскоша.

Похожий принцип номинации – отсылку к другим единицам продукции фабрики «Краскон» – можно наблюдать в прагматонимах «Краскоша – любитель оршада», «Краскоша Красноярский», «Краскоша на Енисее», так как предприятие выпускает также конфеты «Оршад», «Красноярские» и «Енисейские» (а также «Енисейские морозы»). В последних двух прагматонимах реализуется региональный смысл наименований, их культурное значение для местного потребителя.

В некоторых словосочетаниях фиктивным является определением (к примеру, в наименовании тираженного ириса «Школь-

ный мир Краскоши», в котором можно отметить отсылку к бренду ириса «Школьный», а также в прагматонимах «Краскошино загорье» и «Краскошино шоу»).

Представляется возможным выделить в мини-серию и названия «Краскошино» и «Краскошино из Фруктошино». Прагматоним *Краскошино* можно толковать двояко: с одной стороны, как притяжательное местоимение (Краскошино – принадлежащее Краскоше), с другой стороны, как топонимный фиктоним (наименование населенного пункта). Поскольку на упаковке изображен деревенский домик, логично отдать предпочтение второму варианту. В случае же с прагматонимом «Краскошино из Фруктошино» упаковка не дает подсказки. Дракончик Краскоша отсутствует, на обертке изображены заяц, жираф и попугай в окружении фруктов, поэтому однозначно трактовать фиктоним *Краскоша* не представляется возможным. Топонимный фиктоним *Фруктошино* указывает на характер продукта – фруктовый мармелад.

Всего с фиктонимом *Краскоша* нами обнаружено 24 прагматонима, данная серия составляет 48% от общего количества отонимных прагматонимов АО «Краскон» и около 11% от всех наименований конфет фабрики. Отметим, что серия «Краскоша» продолжает пополняться новыми наименованиями. К примеру, мармелад «Краскошино» и «Краскошино из Фруктошино» размещен на сайте компании в разделе «Новинки».

Создание такого персонажа, как Краскоша, несомненно, можно считать удачным маркетинговым ходом. С одной стороны,

наименования, ассоциирующиеся с известными кондитерскими брендами, привлекут потребителей старшего поколения. С другой стороны, яркое оформление и образ милого улыбочивого дракончика понравится детям.

Нельзя не отметить, что, согласно данным социологических исследований, персонаж известен потребителю и явно выполняет мелиоративную функцию: «Образ Краскоши широко известен и положительно воспринимается сибиряками, что подтверждается результатами опроса, проведенного среди жителей г. Лесосибирска» [17, с. 235]. По данным опроса, большинство респондентов отметили именно прагматонимы с фиктонимом *Краскоша*, который ассоциируется у них с Красноярском и вкусными конфетами. «Фигурирование в ответах таких лексических единиц, как *красноярские, Красноярск, наши*, указывает на то, что Краскоша – символ, или так называемый “географический образ”, имеющий некую территориальную закреплённость» [17, с. 235].

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие серийных прагматонимов, несомненно, привлекает внимание потребителя, пробуждает в нем азарт попробовать всю продукцию данной серии. Это становится своеобразной игрой «Собери всю коллекцию», что ценно, в том числе, для любителей, коллекционирующих фантики. В случае наименований фабрики «Краскон», содержащих фиктоним *Краскоша*, представляется возможность проследить явное региональное значение прагматонимов.

* * *

1. Флейшер Е.А. Основы прецедентности имени собственного : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 24 с.
2. Сухарева О.В. Коннотативность художественных онимов английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 26 с.
3. Гудков Д.Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного : монография. М. : Наука, 1973. 366 с.
5. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] ; отв. ред. А.П. Непокупный. 2-е изд. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте : учебное пособие. Л. : Ленинградский ун-т, 1990. 104 с.

7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
8. Калинин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // Логос ономастики. 2008. № 2. С. 96–101.
9. Калинин В.М. Литературная ономастика, или Поэтика онаима. Донецк : ДНУ, 2002. 39 с.
10. Файзуллина И.И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 27 с.
11. Зубкова Л.И. Проявление национально-культурного своеобразия русских антропонимических формул // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. № 3 (15). С. 126–136.
12. Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2011. 480 с.
13. Ляшенко Е.Н. Семантические типы персонификации в рекламных текстах дизайнерской тематики // Известия Южного федерального университета. 2018. № 2. С. 128–135.
14. Алов А. Лучшие «самородки» ушедшего лета. // Комсомольская правда. 27.09.2012.
15. Тауга. Отзыв: Конфеты Краскон «Краскоша на Севере» – Конфеты из серии приключений Краскоши. Запись от 16.09.2014 // Отзовик ру. URL: https://otzovik.com/review_1318768.html (дата обращения: 30.09.2019).
16. TatyanaTatyanka. Комментарий к отзыву. Запись от 25.01.2017 // Отзовик ру. URL: https://otzovik.com/review_1318768.html (дата обращения: 30.09.2019).
17. Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2(27). С. 227–243.

Язык художественного текста

Language of Fiction

УДК 811.19

ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В ПЕРЕВОДАХ А. ТАРКОВСКОГО И Б. АХМАДУЛИНОЙ

LANGUAGE MEANS AND STYLISTIC FEATURES OF HOVHANNES TUMANYAN'S POETRY IN A. TARKOVSKY'S AND B. AKHMADULLINA'S TRANSLATIONS

З.Г. Айрян

Z.G. Naugyan

© 2020

В статье представлен сопоставительный анализ подлинников стихотворений армянского поэта и писателя, народного поэта Армении Ованеса Туманяна и переводов его текстов русскими поэтами второй половины XX столетия А. Тарковским и Б. Ахмадулиной с учетом основных требований теории перевода. В статье приводятся мнения армянских и русских поэтов-переводчиков о творчестве Туманяна; характеризуется отношение армянского поэта к России, к русской культуре, литературе.

Ключевые слова: лирика; перевод; подлинник; рифма; национальный колорит; образ; литературные связи.

The article presents a comparative analysis of the original poems of the Armenian poet and writer, the national poet of Armenia Hovhannes Tumanyan and translations of his texts by the Russian poets of the second half of the twentieth century A. Tarkovsky and B. Akhmadulina, taking into account the main requirements of the translation theory. It also presents Russian and Armenian translators' reviews of Tumanyan's works and highlights the attitude of the Armenian poet towards Russia, Russian culture and literature.

Keywords: lyrics; translation; original; rhyme; national identity; image; literary bonds.

Армянская поэзия – высшее духовное достижение армянского народа. Развиваясь и прогрессируя со временем, она стала наивысшим достоянием нации, выражением ее мировоззрения, культуры, традиций. Достаточно вспомнить имена таких выдающихся мастеров армянской поэзии, как Г. Нарекаци, Н. Кучак, О. Туманян, В. Терьян, А. Исаакян, Е. Чаренц и других, лирика которых воплотила в себе не только колорит

Армении, но и эстетические и нравственные ценности армянского народа.

Непревзойденным образцом искусства является лирика Ованеса Туманяна – патриарха армянской поэзии, вобравшая в себя лучшие традиции армянской, русской, европейской литературы.

Глубокая народность, патриотизм и высший гуманизм, правдивость и искренность слова, космическая масштабность и аналитичность мыслей, философичность,

яркость и выразительность метафоричного языка Туманяна характеризуют поэтическую индивидуальность поэта, ставшего сердцем и душой своего народа.

Не случайно Е. Чаренц [см.: 1] ставил имя Туманяна рядом с именами Гомера и Гете как равного с равными, признавая при этом тот факт, что не только великие, но и малые народы могут рождать гениев, благодаря которым и сами вырастают в великих.

В начале XX столетия поэзия Туманяна вызвала к себе большой переводческий интерес у В. Брюсова, А. Блока, К. Бальмонта и других русских поэтов, которые стали переводить ее лучшие образцы на русский язык.

В. Брюсов, в 1916 году посетивший Тифлис, писал: «Популярность Туманяна как поэта огромна... и, кажется, нет во всем Тифлисе человека, кто не знал бы характерной седой головы поэта и не любил бы его как благородного человека и прекрасного писателя» [2, с. 195].

Впоследствии в одном из своих писем Брюсов восклицал: «...Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно предан Вам...» [2, с. 195].

Работая над переводами из лирики Туманяна, Бальмонт в лице армянского поэта увидел не только национального поэта, но и одаренного большим природным талантом человека, «лучистой славой овеванного» [Цит. по: 2, с. 70], поэта, который понятен и дорог всем народам.

Лирикой Туманяна – истинного национального художника – восхищался и поэт, переводчик Сергей Городецкий, который отмечал: «Быть в Тифлисе и не знать Туманяна – значит быть в Москве и не увидеть колокольню Ивана Великого» [Цит. по: 2, с. 195].

Городецкий признавал, что Армения и Туманян стали для него источником вдохновения, поводом к написанию книги «Ангел Армении». Об этом поэт писал: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не

только потому, что я до края сердца очарован Вашей личностью, но и потому, что Ваше имя – это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной...» [Цит. по: 1, с. 72].

Туманян был не только большим знатоком русской литературы, но и страстным ее пропагандистом и популяризатором и одним из первых стал переводить ее лучшие образцы на армянский язык, сделав их ценнейшим достоянием армянских читателей.

Его переводы из поэзии Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Блока раскрыли армянскому читателю богатейший мир русской поэзии, расширили рамки национальной литературы, обогатив ее яркими и самобытными образцами.

О своем пристрастии к русской литературе Туманян писал: «Таким образом, хотя и бессознательно, начинал я под воздействием русских поэтов. Но это происходило так незаметно, так несознательно, что теперь я даже не могу показать это воздействие на моих стихотворениях, но чувствую его в моем сердце, в моих вкусах, в моем нравственном облике» [3, с. 106].

На протяжении всей своей творческой жизни Ованес Туманян писал статьи о русской литературе; будучи председателем Кавказского общества армянских писателей, организовывал литературные вечера, посвященные русским писателям.

Признавая в лице Пушкина и Лермонтова двух гениальных поэтов своего времени, Туманян писал: «Заговорила ли в них горячая кровь предков, или причиной тому был поэтический дух, стремящийся ко всему возвышенному и чистому, – кто знает, быть может, и то, и другое, они любили Кавказ, а Кавказ – их, и они стали навеки великими сынами Кавказа» [3, с. 98].

Выдающимся художником, философом своего времени Ованес Туманян считал Л. Толстого, который стремился разрешить загадки бытия: «Он искал высшую опору, искал бога для страдающего и несчастного человечества и находил его не в насилии,

а в справедливости и правде, в моральной чистоте и любви, которая уравнивает и братает людей, не признает врагов в мире, не противится злу, – именно так исповедовал он свободу» [3, с. 94].

С чувством глубокой веры и искренней любви Туманян относился к России, ее народу, истории, культурным ценностям и достижениям. Поэт осознавал, что русский народ совершает великую миссию в жизни народов: «...Россия призвана создать в этих странах свободную гражданскую жизнь, укрепить справедливый правопорядок и быть носительницей культуры и просвещения» [3, с. 5]. Отмечая великую силу и мощь русского народа, Туманян писал: «Я не знаю, насколько нужен Кавказ русским, но знаю, как необходимы Кавказу русские» [3, с. 4].

Учитывая и оценивая геополитическую обстановку своего времени, Туманян понимал роль и значение России в жизни Армении: «Безусловно, найдутся люди, которые возразят нам, доказывая, что Россия действовала и будет действовать таким образом только во имя своих интересов. На это я отвечу:

– Тем лучше, если интересы могучей России совпадают с интересами армянского народа. Это и есть причина русской помощи армянскому народу, причина ее последовательности.

Вот почему и вот каким образом мои надежды и симпатии связываются с Россией» [3, с. 4].

По этому поводу литературовед Л. Ахвердян замечал: «Туманян прекрасно знал, что дружба русского и армянского народов идет из глубин веков, что она скреплена не только культурными связями, но и военными союзами, совместно пролитой кровью» [Цит. по: 1, с. 22].

В начале XX века большим культурным событием для двух народов было издание антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», вышедшей в свет в 1916 году под редакцией и со вступительной статьей Валерия Брюсова [4].

Отметим, что многие переводы В. Брюсова и А. Блока из антологии до сих пор являются образцом высокого переводческого искусства.

Издание «Антологии армянской поэзии» под редакцией В. Брюсова – это своего рода попытка представить поэзию одной из древнейших наций мира, которая подверглась жестокому геноциду.

Антология стала своеобразным призывом к участию людей мира в судьбе армянского народа, носителя больших духовных ценностей, корни которых уходят в далекое прошлое.

«До сих пор, – писал В. Брюсову Ов. Туманян, – к нам из России посылали полицейских, чтобы они ловили воров да жуликов. Они приезжали и находили их. Прокуроров к нам слали – найдите там убийц и преступников – и осудите их. А те приезжали и находили убийц и преступников. И слух доходил до России – что на Кавказе имеются разбойники и убийцы. Но поэтов не направляли сюда с заданием – ищите на Кавказе и среди армян поэтов. Вот теперь впервые прибывает к нам русский поэт специально поэзии ради... И теперь дойдет до России весть, что на Кавказе или среди армян есть и поэзия, есть и поэты...» [5, с. 339].

Переводы русских поэтов, во главе с Брюсовым, из поэзии Армении, а также творческая связь Туманяна с Россией, его переводы из русской поэзии свидетельствуют о большом культурном событии в жизни двух народов, о создании прочного фундамента русско-армянских литературных взаимосвязей в начале XX столетия.

В середине XX века поэзия Туманяна привлекла к себе внимание таких поэтов-переводчиков, как А. Тарковский и Б. Ахмадулина.

Отметим, что из армянской литературы, помимо лирики Туманяна, Арсений Тарковский перевел на русский язык стихотворения Саят-Новы, Егише Чаренца, Ованеса Ширази, Амо Сагияна и других. Луч-

шие его переводы из армянской поэзии вошли в книгу «Звезды над Арагацем», которые, в свою очередь, подтвердили признанный литературный талант Тарковского – мастера стихотворного перевода.

Оценивая достоинства переводов А. Тарковского, литературовед А. Истогин писал: «Армянские переводы Тарковского следует отнести к образцовым. Безупречное чувство стиля позволяет ему даже в присутствующих восточной поэзии устойчивых образах, традиционных метафорах уловить их индивидуальную окраску, воссоздать неповторимый поэтический мир» [см.: 4, с. 5].

Повседневная армянская жизнь, быт деревни, ее нравственные истины, воспетые Туманяном, нашли свое яркое воплощение и в переводах А. Тарковского [См.: 6 ; 7]. В каждом из них блестяще воссоздан колорит Армении, ее народа, живая народная речь.

Светлые картины природы, образ армянского пастуха, дух и мировоззрение ар-

Подлинник:

Նրբանց ոտքերում՝ գազազած գալի՝
Գալարվում է գիժ Դև-Բեղրմուլի,
Խելազար թռչում քարերի գլխով,
Փրփուր է թրքում անգուսպ երախով,
Թրքում ու գարկում ժեռու տափերին,
Փրնարում է ծաղկած ափերը հին-հին,
Ու լգոռում գիժ-գիժ.
– Վա՛շ-վի՛շշ, վա՛շ-վի՛շշ...

[15, с. 17]

Перевод Тарковского также насыщен яркими метафорами, которые, в свою очередь, служат основным фоном стихотворения, отображая при этом динамичность природы, ее силу и величие.

Переводчик использовал также такие транслитерации, как *дэв*, *Дзорагет*, которые не только придали переводу восточную окраску, но и конкретизировали собой место описания.

мянского крестьянина воссозданы Туманяном в поэме «Лориец Сако», которая является образцом реалистического искусства. Перевод этой поэмы принадлежит перу Тарковского, с большим переводческим мастерством передавшего пышность и красоту самобытной лорийской природы, многогранность образа пастуха Сако, его мечты и тревоги. Композиционно перевод, как и подлинник, состоит из семи частей, несущих основную смысловую нагрузку. Рифмическое построение строф в переводе, как и в подлиннике, выполнено смежной рифмовкой *аабб*, которая через каждые четыре стиха вновь повторяется, что подчеркивает ритм стихотворения.

В переводе, как и в оригинале, природа Лори олицетворена. Здесь каменные скалы, брови сведа, смотрят друг на друга в упор. Здесь слышится движение дикой реки с ее воплем и хохотом. Здесь разлетаются в разные стороны капли ее ледяной, шипучей пены:

Перевод А. Тарковского:

Подножья их моет, и темен и сед,
Бушует как дэв и кипит Дзорагет,
И камень грызет ледяная волна,
И пасть его пены шипучей полна, –
Плюет, и в скалистом затворе своем
Он старицу ищет, идет напролом,
Шипит, оглашая окрестную тишь:
– Ваш-виш! Ваш-виш!..

[6, с. 69]

Языковое мастерство Тарковского-переводчика проявилось и в описании образа простодушного пастуха Сако, в котором воплощены все традиции древнего народа. Как и в оригинале, Сако у Тарковского показан огромным, плечистым, неотесанным и грубым, одновременно наивным, верящим в предрассудки, в темные силы природы, о которых ему в детстве не раз рассказывала бабушка:

Подлинник:

Բայց խուլ ու խավար օդում է գիշեր
Մենակ է Սարոն ու չունի ընկեր:
Բուխարու կողքին լուռ թին կրտրված՝
Մըտածում է նա... ու մին էլ, հանկարծ,
Որ տեղից որտեղ, էն ձորի միջին
Մի տնեկան տատի զըրույցները հին...
Մի տնեկան, ու մեր Սարոն ակամա
Սկսավ մըտածել չարքերի վրա,
Թե ինչ պես ուրախ խըմբով, միասին,
Ծուռը ոտներով, գիշերվան կիսին,
Թուրքերի կանանց կերպարանքառած,
Երևում են միշտ միայնակ մարդկանց...
Կամ ինչ պեսը աչքերն այրեր իմ ըթնից,
Երբ նայում է մարդ քարափի գլխից,
Կամ թե ու շացածանցնում է ձորով,
Խարում են, կանչում ծանոթ ձայներով,

Ու մարդկանց նրման խընջույթեն սարքում,
Չուռնա են ածում, թըմբուկ են զարկում...

[15, с. 18]

Как видно из примера, переводчик сохранил фольклорные мотивы поэмы, ее интонационное построение – например, в следующем отрывке, где ему удалось мастерски вжиться в стиль поэмы, сохраняя при

Подлинник:

– Կասեն՝ Սարո՛ւ, մեզ մոտ արի,
Արի՛ մեզ մոտ հարսանիք.
Տե՛ս, ինչ ուրախ պարենք գալի,
Միրուն-ջահել հարսն-աղջիկ:

Ինձ մոտ արի՛ ձված եղանեմ...
Ինձ մոտ արի՛ թըլիթ տամ...
Ես քու հոքիրնեմ... էս քու նաննեմ...
Ես էլ՝ քու ազիզ բարեկամը...

Սարո՛ւ, Սարո՛ւ, մեզ մոտարի,
Էս աղջիկ, տե՛ս, ինչ լավնա...
Տե՛ս, ինչ ուրախ պարենք գալի,
Տարա-նի-նա՛ ... տարա-նի-նա՛ ...

[15, с. 20]

Созвучны подлиннику и те строфы поэмы, в которых Тарковский передал волне-

Перевод А. Тарковского:

Но в хижине темной средь скал и руин
Сако этой ночью остался один.
Глядит, полулежа, в огонь очага,
А ночь, как бессонная дума, долга...
И вспомнил бабушки давний рассказ, –
До света теперь не сомкнуть ему глаз, –
И стал поневоле он думать о том,
Что бесам привольно во мраке ночном,
Что их колченогий неистовый рой
Всю ночь забавляется страшной игрой,
Что любо им, образ турчанок приняв,
Пред путником встать и схватить за рукав...
Посмотришь с горы, а в глубокой тени
В дремучих пещерах витают они
И голосом, будто знакомым, зовут
В свой дикий, погибельный, мгlistый
приют;
Пирует всю ночь их мятущийся стан,
И воет зурна, и гудит барабан...

[6, с. 67]

этом прозрачную чистоту языка армянского поэта. В переводе Тарковского каждая строчка оригинала проникнута народным армянским духом:

Перевод А. Тарковского:

– Зовут: – На свадьбу к нам, скорей,
Пока дневной не брезжит свет!
Нет наших девушек стройней,
Невест прекрасней нет.

Яичницу изжарю я,
Лепешку дам из нежных рук.
Я тетушка... Я матушка...
Я твой сердечный друг...

Вот пляшут – очи карие,
Пригожа и стройна,
Любовью сердце ранено...
Тара-ни-на!.. Тара-ни-на!..

[6, с. 78]

ние, настроение пораженного ночной глухотой Сако, к которому приходят страшные видения:

Подлинник:

Սրընթաց պահրա՞, թե՞գայլ գիշատիչ
Շեշտակի անցավ փարախի մոտով,
Այծյա՛նը հանկարծ մոտակա ժայռից
Անդունդը մի քարզը լորեցոտով,
Գիշերվան հովից տերևն է դողում,
Երկչոտ մուկի՞կվագե պուճախում,
Թե՛նչ խարն երիթույլ մընչոցն էրայն,-
Սաքոյին թվաց, թե մի ոտնաձայն
Եկավ ուկանգնեց փարախի վրա,
Կանգնեց ու լրնեց...

[15, с. 20]

В другом фрагменте из перевода, как и в оригинале, видны душевное

Подлинник:

Սաքոն շարժվեց փրշարադած,
Դեպի շեմքը նայեց, դողաց...
Շրրը՛խկ... հանկարծ դուռը բացվեց,
Թուրք կանանցով տունը լրցվեց,
Տունը լրցվեց թուրք կանանցով,
Ճիչ-գոռոցով, հրոհրոռոցով...

[15, с. 22]

Тарковскому-переводчику удалось воспроизвести мир армянской деревни, показать склад мышления и мировосприятия простого армянина. Обладая тончайшим языковым чутьем, чувством слова, Тарковский воссоздал в переводе формы выражения и народный стиль поэмы. Заслугой переводчика можно считать блестящий перевод междометий, таких, как, например: Շրրը՛խկ – Трах; Տարա-նի-նա – Тара-ни-на; Վա~շ-վի~շշ, վա~շ-վի~շշ – Ваш-виш! Ваш-виш и т. д. В переводе также переданы аллитерации оригинала. Например, в описании природы Лори Туманян использовал аллитерацию на *q* – *qishqishid*, *qishh*, *qishirihmid*, *qhd*, *hishqishir*, *qrihmid*, *qonmid*, *qhd-qhd* // *d* – *qhd*, *dhimim*, *qhz-qhz* // *q* – *qishqishid*, *shiqmish*, *qishirihmid* // *h* – *hishqishir*, *qrihmid*, *hishirihmid* // *sh* – *shirshir*, *shirshir*, *shirshir*, *shirshir*, *shirshir*, *shirshir*, *shirshir*, полностью передающую свист ветра и шум воды, что было отражено в переводе аллитерацией *жс-ш* – *подножья; бушует; шипучей; ищет;*

Перевод А. Тарковского:

– А может быть, все померещилось мне,
Не очи, а звезды сверкнули в окне,
Иль волк на добычу отправился в путь...
И хочет Сако на оконце взглянуть,
Да взора не смеет поднять высоко...
И только прислушивается Сако.

[6, с. 78]

неравновесие Сако, его беспомощность, страх и беспокойство:

Перевод А. Тарковского:

От ужаса бедный Сако изнемог,
Вскочил, пошатнулся, взглянул на порог...
Трах! Дверь распахнулась. Те лезут в окно,
Те – через порог, турчанок полно,
Хохочут, и выются, и воют не в лад,
Гогочут, визжат да свистят...

[6, с. 78]

шипит; оглашая; тишь; ваиш-виш // n – подножья; кипит; пасть; пены; полна; плюет; шипучей; шипит; напролом // з-с – сед; пасть; скалистом; своем; грызет; старицу, затворе; окрестную.

Тарковскому удалось объективно воссоздать все то, что в реальной действительности было объективно для Туманяна, а также и то, что выражает субъективное, индивидуальное отношение автора к объективной для него действительности.

Переводы Тарковского из поэзии Туманяна свидетельствуют о том, что русский поэт-переводчик, высоко оценив достоинства поэзии великого армянского классика, переводил ее с большим чувством ответственности, тщательно работая над каждой своей строкой, представляя на суд русскоязычному читателю образцы подлинного искусства.

С большой любовью переводила армянскую поэзию поэтесса Белла Ахмадулина [см.: 8].

В шестидесятые годы Б. Ахмадулина впервые посетила Грузию и Армению, которые своей природой, историческим прошлым покорили ее воображение. Отныне жизненный путь поэтессы был связан с культурой и литературой этих стран. В своих воспоминаниях она отмечала, что для нее нет счастья надежнее, чем талант другого человека, единственно позволяющий быть постоянно очарованной человечеством.

Таким очарованием для русской поэтессы стала поэзия выдающегося армянского поэта Ованеса Туманяна, посредством которой она раскрыла для себя и Армению, и носителя древнейших традиций – трудолюбивый, гордый армянский народ.

Ахмадулина перевела ряд стихотворений из детского цикла Туманяна, которые в дальнейшем вошли в первый том избранных произведений армянского поэта, изданных в 1969 году на русском языке под названием «Стихотворения. Легенды и баллады. Поэмы», [см.: 6]. В книгу включены лучшие произведения Туманяна в переводах В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Петровых, А. Якоб-

сона, В. Звягинцевой, В. Державина, Н. Гребнева, В. Ходасевича, А. Тарковского и др. Эта книга является синтезом работы лучших русских поэтов-переводчиков, которые с большим профессионализмом смогли передать сущность и специфику поэзии армянского классика.

Интерес к стихотворениям для детей является неслучайным: в них звучат фольклорные мотивы армянской лирики, которые помогают передать традиции, быт, мировоззрение армян. Они выделяются одновременно и своей простотой, и своей мудростью, каждый из них имеет нравоучительный характер.

Из переводов Ахмадулиной особого внимания заслуживает стихотворение «Лиса», в котором поэтесса создает образ хитрой и бесстрашной лисы, с хвостом пышной цветка. В переводе, помимо смысла, Ахмадулина передала и восточный колорит, который выделяется в образах бабушки и ее петуха. Перевод выразителен в своем звучании, как и подлинник, он легко читается и имеет небольшой сюжет.

Подлинник:

Աղվեսն եկավ մութ անտառից,
Հարցն ու նրար ավիիրը թառից.
«Մեծ խորոզ է հարկավոր ինձ»-
Քաղցած աղվեսն, ազին ծաղիկ:

Աղվեսն հագել քուրքը դեղին,
Պրտուտ կուզա շուրջը գեղին.
Ջուրկը տըրվեց տատիս լեղին.
Դեղին աղվեսն, ազին ծաղիկ:

Աղվեսն ասավ պառավ տատին.
«Մըտիկ չեմ տա ձեռիդ փետին,
Կարոտել եմ թըմփիկ ճուտին»
Անվախ աղվեսն, ազին ծաղիկ:

Մին էլ կանչեց տատըս պառավ.
«Աման, հասե՛ք, տարա՛վ, կերա՛վ...
Գըլիսիս էսի՞նչ փորձանք բերավ
Անտըր աղվեսն, ազին ծաղիկ»:

[13, с. 71]

Перевод Б. Ахмадулиной:

В один прекрасный день лиса сошла с горы
И говорит: – Я жду, несите мне дары!
Мне надобен петух. Один петух пока!
Ах, дерзкая лиса с хвостом пышной цветка!

А бабушка моя, спасая свой насест,
Кричит: – Держись, петух! Лиса тебя не съест!
Ужо моя клюка помнет твои бока,
Постылая лиса, с хвостом пышной цветка!

Но бабушке лиса пролаяла в ответ:
«Без толку не кричи – даю тебе совет,
Слаба твоя рука, и палка коротка!..»
Бесстрашная лиса с хвостом пышной цветка.

Лиса в курятник шасть и, не боясь греха,
Взялась хвалить красу и удаль петуха:
Мне даже мысль о нем приятна и сладка!..
Лукавая лиса с хвостом пышной цветка!

Вдруг бабушка моя воскликнула: – Беда!
Исчез мой петушок! Пропал нивесьть куда!
На горе мне сюда пришла издалика
Бесстыжая лиса с хвостом пышной цветка!..

[6, с. 112]

Перевод Ахмадулиной выполнен вольно, однако по мере возможности переводчица стремилась быть предельно близкой к оригиналу и по смыслу, и по стилю.

Вольности в переводе оживили русский вариант стихотворения, также придав ему восточный колорит. Синтаксическая конструкция перевода, как и его оригинал, представлена аллегорией, которая сплетена из множества ласкательных метафор, например: дерзкая лиса с хвостом пышной цветка, постылая лиса, бесстрашная лиса, лукавая лиса, бесстыжая лиса и другие, характеризующие лису и ее повадки. Обилие метафор в переводе, как и в оригинале, придают стихотворению выразительность и экспрессивность. Перевод богат восклицаниями, которые усиливают эмоциональный фон стихотворения, подчеркивая при этом гнев и страх бабушки, пытающейся спасти своего петуха из лап хитрой лисы. Перевод соответствует стилю оригинала также тем, что в нем используются фольклорные мотивы. Рифмически перевод построен смежной рифмой, схема которой – *аабб*, что, в свою очередь, усиливает ритмическое звучание стиха. Перевод, как и оригинал, легко читается, своим стилем он доступен и интересен детям. В нем ощущается настроение поэта, создавшего юмористические образы бабушки и бесстыжей лисы, которой все же удалось украсть петуха. Перевод настолько удался Ахмадулиной, что его можно считать аналогом оригинала.

Очевидно, первичной переводческой задачей для поэтессы было воссоздание и содержания, и формы оригинала, что наглядно видно и в других переводах.

За что бы ни бралась Ахмадулина, во всех переводах поэтессы ощущается ее соавторское присутствие. Ее переводам чужды сухость, слепое служение подлиннику – напротив, в них просматривается ее поэтическая индивидуальность, которая дополняет подлинник своим поэтическим словом, синтаксическим и ритмическим рисунком. Простота и лаконизм, полновластно царящие в стихотворениях Туманяна, характерны и для переводов русской поэтессы. Ахмадулина блестяще справилась с переводческой задачей из лирики Туманяна, сделав ее достоянием и русскоязычных детей, и широкого круга читателей.

Помимо стихов для детей, в книгу Туманяна вошли и другие переводы Ахмадулиной, которые помещены в цикл «Стихотворения» наряду с переводами А. Гатова, М. Петровых, В. Звягинцевой, А. Якобсона, А. Наймана и других, которые, в свою очередь, свидетельствуют о большом интересе русских поэтов-переводчиков к творчеству Туманяна. Русские переводы являются доказательством высокого поэтического мастерства переводчиков, которым по подстрочнику удалось создать новые произведения искусства, аналогичные их подлинникам. Здесь полностью ощущается дух поэзии Туманяна, дух Армении с ее прошлым и настоящим.

Большинство стихотворений Туманяна полны философских размышлений, в которых заложены его раздумья о мире и человечестве. Так, в стихотворении «Не проси меня петь. Я немного немей...» поэт говорит о своем горе, о пустыне, где навечно убиты цветы, имея в виду судьбу своего народа:

Подлинник:

Ինձ մի՛ խնդրիր, ես չեմ երգի
Իմ տխրութիւնն ահազին,
Աղէկը տուրնը րա ձայնից
Կըխորտակվի քո հոգին...
Ո՛չքեզ համար այսպիսի երգ
Երգելու չեմ ես երբեք:

Ես երգեցի սարի վրա,
Ու չորացան խոտու վարդ,
Անապատ է այնտեղ հիմա,
Սև՛,ամայի անապատ...
Հառաչանքից այրված սարում
Էլ ծաղիկ չի դալարում:

[12, с. 171]

Основой поэзии Ованеса Туманяна является ее гуманность, способность поэта восхищаться миром и сострадать всему в нем обиженному. Эти же черты характерны и для поэзии Б. Ахмадулиной, что, несомненно, сблизило творчество двух поэтов.

Отмечая взаимодействие переводчика и автора, В. Сдобников и О. Петрова подчеркивают: «Воссоздание в переводе образа автора во всей его индивидуальности возможно лишь в том случае, если переводчик представляет собой творческую личность с богатым личным опытом и высокой степенью адаптивности и если свой перевод он

ՄԵՐՈՒԻՏԸ

Подлинник:

Մենք ուխտ ունենք՝ միշտ դեպի լույս,
Ու գրնում ենք մեր ճամփով,
Մըրրիկներով պատած անհույս,
Սև խավարով, մութամպով:

Մենք անցել ենք արյան ծովեր,
Մուր ենք տեսել ու կրրակ,
Մեր ճակատը դեմ են քարել
Մըրրիկներին հակառակ:

Ու թեպետ և պատառ-պատառ
Մեր դրոշը սրբազան,
Ու մենք չունենք տեղու դադար
Երկրից երկիր ցիրուցան,

Բայց գրնում ենք մենք անվեհեր
Չարկերի տակ չար բախտի,
Մեր աչքերը միշտ դեպի վեր՝
Դեպի լույսը մեր ու խտի:

[13, с. 40]

Перевод Б. Ахмадулиной:

Не проси меня петь. Я немного немей.
Я печаль мою пением не обнаружу.
Мне б достало ползвуча печали моей,
Чтоб вконец погубить твою бедную душу.
Не по силам тебе эту муку терпеть.
Пощади хоть себя! Не проси меня петь!

Как я пел на горе, среди живой красоты,
Что меня к своим нежным цветам допустила!
Там пустыня теперь. Там убиты цветы.
Ни травинки там нет. Там простерлась пустыня.
На горе, опаленной дыханьем моим,
Не воскреснуть цветам и растениям иным...

[6, с. 50]

создает на основе глубочайшего проникновения в систему мировоззренческих, этических, эстетических взглядов и художественного метода автора» [9, с. 441].

Ованес Туманян пророчески предвидел, что армянский народ выйдет из тьмы и перед ним раскроется новая, озаренная солнцем дорога. Именно эта вера в будущее окрыляла его музу, воодушевляющую его на создание новых стихов. Оптимизм поэта, его воля ярко выражены в стихотворении «Наш обет», которое на русский язык перевела Б. Ахмадулина. Перевод имеет множество достоинств, и чтобы убедиться в них, сравним его с подлинником:

НАШ ОБЕТ

Перевод Б. Ахмадулиной:

Мы дали обет, и верны мы обету.
Нас тьма окружает, и беды нас бьют,
Но дорог нам свет, и пробьемся мы к свету,
Пусть душевные тучи дышать не дают!

Огнем и мечом, и потоками крови
Судьба нас пугала, глядела черно, –
Ни славы у нас, ни покоя, ни кровли,
Но, чистое, светится наше чело.

Издрано в клочья священное знамя,
Родная страна, как чужая страна,
Сурово глядит, как идем мы, не зная,
Какая нам завтра беда суждена.

Пусть рок не допустит увидеть победу
И в сумраке грозном ни проблеска нет –
Мы дали обет, и верны мы обету,
Взыскуя лишь света и веруя в свет.

[6, с. 81]

Перевод состоит из четырех четверостиший, где фонетическое звучание строф обеспечивается точной рифмой с перекрестной рифмовкой, схема которой выглядит так: *абаб*. Благодаря этой схеме переводчице удалось усилить ритмическое звучание стиха и блестяще передать смысл и стиль подлинника, находясь под непосредственным воздействием туманяновской мысли. Синтаксическая конструкция перевода представлена повторением отдельных слов, несущих важную смысловую нагрузку, как то: *նիւսն* – обет; *լուսն* – свет; *Երկիր* – страна и т.д. Элементы анафоры в начале и элементы эпифоры в конце стихотворения подчеркивают мечты автора о светлом будущем своего народа, которому удастся выйти из мрака.

Перевод выразителен по своему звучанию благодаря множеству сравнений и метафор, которыми насыщены все строки перевода, звучащие созвучно подлиннику. Сравним:

Подлинник: *Վրրրհկկերտիլ ւշտիտ
ւիհտլի, ւկ խիւշտիլ, յնլո ւիւտիլ, ւրրիւի
ծովեր, րրռր ւրրրիւիւի, գիրկերի տիւլ չար
րիւիւի* и др.

Перевод: *беды нас бьют, душевные тучи, судьба нас пугала, глядела черно, чистое светится наше чело* и др.

Художественные средства помогают передать настроение поэта, его надежды, оптимизм, которые в особенности ярко выражены в концовке стихотворения. Простота и лаконизм являются еще одним его достоинством, так как именно простота и лаконизм характерны для поэтического почерка выдающегося армянского поэта. Перевод этого стихотворения можно считать блестящим образцом переводческого искусства.

Литературовед Л. Мкртчян, указывая на особенности переводов Б. Ахмадулиной, отмечал, что переводчица всегда постигает оригинал эмоционально, что вызывает сопереживание: «Надо, значит, чтобы слова, все слова, чтобы любовь “чужого” оригинала были свои, не чужие, чтобы в самом оригинале заключена была возможность выйти в сегодняшний день. Ведь мы говорим, что переводчик поэзии – тот же поэт. Это значит, переводчик, воссоздавая чужую действительность, воссоздает и свою действительность, свое “я” и свое время» [10, с. 110].

Философское восприятие действительности Ахмадулиной, несомненно, сблизило ее как переводчицу с философскими раздумьями и мыслями Туманяна, которые, судя по переводам русской поэтессы, оказали на нее глубокое впечатление. Все ее переводы являются образцами высшей поэзии, в которых сохранена специфика туманяновского языка и стиля. В них переданы дух армянского поэта, его чувства, мечты и надежды, в них отразился и национальный колорит подлинника, его фольклорные мотивы, которыми насыщены стихотворения Туманяна. Они выделяются также своими ритмико-синтаксическими конструкциями, в которых наблюдается языковое богатство самой поэтессы.

Итак, благодаря переводческому мастерству русских поэтов-переводчиков, поэзия Ованеса Туманяна обрела в России большую популярность и бессмертие, подтверждая величие и космический талант армянского поэта, занимая по праву почетное место во всемирной литературе.

* * *

1. Ганалаян О.Т. Чародей армянской поэзии. Ереван : Айастан, 1969. 90 с.
2. Брюсов В. Об Армении и армянской культуре: Стихи. Статьи Письма. Ереван : АН Армянской ССР, 1963. 405 с.
3. Туманян Ов. О России и русской культуре. Ереван : Айастан, 1969. 125 с.
4. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней / под ред. В. Брюсова. Ереван : Айастан, 1966. 511 с.
5. Атабекян М.Л. Ованес Туманян – литературный критик. Ереван : Айпетрат, 1956. 164 с.
6. Туманян Ов. Избранные произведения : В 3 т. Т. 1: Стихотворения. Легенды и баллады. Поэмы / под ред. М.С. Петровых. Ереван : Айастан, 1969. 391 с.
7. Тарковский А.А. Звезды над Арагацем. Ереван : Советакан грох, 1988. 158 с.
8. Ахмадулина Б. Избранное. М. : Советский писатель, 1988. 477 с.
9. Сдобников В., Петрова О. Теория перевода. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 448 с.
10. Мкртчян Л. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван : Советакан грох, 1987. 437 с.
11. Թումանյան Հ. Ընտիր երկեր երկու հատորով. Հ. 2. Երևան, 1958. 520 էջ:
12. Թումանյան Հ. Երկերի ժողովածու չորս հատորով. Հատոր առաջին. Երևան, 1969. 426 էջ:
13. Թումանյան Հ. Ընտիր երկեր. Երևան. Սովետականգրող. 1978. 503 էջ:
14. Թումանյան Հ. Ընտիր երկեր երկու հատորով. Հատոր երկրորդ. Երևան. Սովետական գրող. 1985. 543 էջ:
15. Թումանյան Հ. Երկերի լիակատար ժողովածու երեք հատորով. Հատոր երրորդ. Պոեմներ. Երևան. Հայպետհրատ. 1989. 544 էջ:

ТЕМА ЛЮБВИ В РАССКАЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «БРИЗ»
THE THEME OF LOVE IN THE STORY “BREEZE” BY K.G. PAUSTOVSKY

© 2020

З.Н. Бакалова

Z.N. Bakalova

В статье с позиций лингвопоэтики раскрывается специфическое воплощение темы зарождения любви мужчины и женщины в рассказе К.Г. Паустовского «Бриз». Представлены приемы актуализации текстовых значений и их функции. В статье характеризуется специфика языка и стиля писателя. Обосновывается целесообразность изучения творчества К. Паустовского в средней школе.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ; тема любви; функции языковых знаков; заголовок; Паустовский; рассказ «Бриз».

The article focuses on the theme of love between a man and a woman in the story “Breeze” by K.G. Paustovsky in terms of linguopoetics. It shows the means of foregrounding the textual meanings and their functions. The author comments on the writer’s language and style and explains why K.Paustovsky’s works should be studied in comprehensive school.

Keywords: linguopoetic analysis; theme of love; functions of linguistic signs; title; Paustovsky; story “Breeze”.

В настоящей статье с точки зрения лингвопоэтики текста (лингвистического анализа художественного текста) как науки о речевой художественной форме раскрывается идейное содержание и эстетическое воздействие литературного произведения на читателя [1, с. 165 ; 2, с. 7–8 ; 3, с. 32–35 ; 4, с. 21 ; 5, с. 11]. Основным понятием этой области филологического знания является не значение, а смысл текстовых знаков. Значение – это факт языка, зафиксированный в словарях, если речь идет о лексемах. Смысл слов, как и других языковых единиц, приобретает в контексте литературного произведения в результате их взаимоотношений с другими текстовыми сигналами [6–8]. Смысловые нюансы и «приращения» как некие «кванты» смысла массовыми читателями могут не осознаваться, поскольку они обычно имплицитны, скрыты в ткани художественного текста, но суггестивное влияние художественного слова в широком его понимании несомненно [9]. Для специалиста-исследователя обнаружение и комментарий внутренних элементарных смыслов как раскодировочный процесс необходимы, поскольку представляют со-

бой путь к осознанию идейного замысла писателя [10].

Лингвопоэтика тесным образом связана с литературоведением – категориями образа, темы, идеи, а также жанром и композиционной структурой художественного текста: с распространением словесных рядов, сильными позициями заглавия, начала и конца литературного творения, иногда и его «золотого сечения», а также с дикурс-анализом как экстралингвистическими факторами в виде учета описываемой исторической эпохи со всеми ее аспектами и личности автора с его мироощущением, мировоззрением и миропониманием, по-иному, с его пресуппозициями, или фоновыми знаниями [11].

Методологическими принципами лингвопоэтики считаются две парадигмы анализа языка художественного произведения. Это структурно-семантическое направление с его вниманием к семантике и структуре языковых единиц и антропоцентрическое, которому интересен собственно «человек» (*антропос* – греч.: человек): автор, персонаж, читатель [12].

Что касается методики изучения языковой стороны текста, то она в основном

заключается в контекстуальном анализе речевых фактов, включающем челночный прием, характеризующийся попеременным вниманием то к содержанию, то к форме в их соответствии друг с другом. То и другое во многом зависит от языкового чутья и интуиции исследователя (интроспекции). В случае необходимости следует воспользоваться методикой психолингвистического эксперимента и статистическими подсчетами, дающими представление о частотности, а значит, немаловажности интересующих данных [13].

Предлагаемая статья – опыт лингво-поэтического анализа рассказа К. Паустовского «Бриз» как одного из серии его рассказов о любви. Нас интересует творческая манера в изображении этой деликатной темы взаимоотношений мужчины и женщины под пером признанного классика XX столетия и характер ее воздействия на читателя. Выражаясь словами Л.Г. Кайды, мы хотим «проверить гармонию короткого рассказа алгеброй стилистики текста» [13].

Начнем с заглавия. Оно обычно связано с раскрытием главной темы. В тексте рассказа «Бриз» это пока загадка. Бриз – это свежий морской ветер, и его связь с текстом первоначально ощущается лишь в связи с военным моряком – главным действующим лицом рассказа. Но читатель застаёт героя на суше: в Москве (еще не закончилась Великая Отечественная война), в квартире доктора, который когда-то лечил этого моряка после его тяжелого ранения в Севастополе. Суть названия раскроется в конце рассказа, когда обнаружится еще и переносное значение слова «бриз».

Начало рассказа знакомит читателей с местом и временем действия, а также с тремя действующими лицами. Это моряк, доктор и его соседка. Все смотрят с балкона на салют в честь взятия нашими войсками города Севастополя.

– *О чем вы думали тогда, под Севастополем?* – спросил доктор гостя.

– *Я больше всего боялся потерять коробку от папирос. Вы, конечно, знаете,*

там на этикетке нарисован Казбек, покрытый снегом <...> Почти у всех новичков на фронте есть глупая привычка – на всем, что они таскают с собой, писать адреса родных [14].

Ночью моряк вдруг обнаружит на своем столе измятую и изорванную коробку «Казбека». «*Большое черное пятно закрывало рисунок снежной горы*». На задней стороне коробки он увидит знакомый адрес, написанный в свое время его собственной рукой, и после этого до утра не сможет уснуть.

Коробку могла занести в комнату только молодая соседка доктора, вторично заходившая к нему, якобы, за таблеткой от головной боли. Значит, это именно она была медсестрой, которая успела вовремя перевязать лежащего без сознания раненого.

– *Я хотел поблагодарить вас,* – сказал он утром. – *Вы спасли меня... в Севастополе.*

– *Не надо волноваться,* – ответила она тихо, – *хотя что я говорю. Я сама волнуюсь не меньше вас.*

...Они вышли на набережную, остановились у чугунных перил. Женщина прикрыла рукой глаза и молчала. Моряк смотрел на ее руку и думал, что на этих вот пальцах была, наверное, его кровь, на этих тонких и милых пальцах <...> Он поцеловал маленькую и сильную руку [14].

Вот и вся история. Она глубже, чем ее поверхностный сюжет. Как достигается глубина смысла, рождающая сильные ответные эмоциональные впечатления читателей? Прямых оценочных слов автора нигде нет. Но можно обнаружить краткие косвенные языковые маркеры, которые вызывают действенное пространное описание.

С привычной читательской точки зрения образ женщины едва намечен. Но стоит вникнуть в разрозненные, разбросанные в тексте и, казалось бы, случайные, детали: *молодой женский голос, легкое платье, маленькая сильная рука, я сама волнуюсь; ее скромность, ведь о героизме медсестры никто бы не узнал, если бы моряк, один из*

многих ее «пациентов», не нашел свою спасительницу. Всего этого достаточно, чтобы создался привлекательный образ молодой женщины с добрым сердцем.

Молчание двоих на набережной Москва-реки наполнено смыслом. Каждый переживает встречу по-своему. Но по контексту нетрудно догадаться, о чем оба думают. Физические действия звучат как показатели психологических состояний: *руки у него вздрагивали, героиня плохо спала эту ночь, прохожие украдкой оглядывались на них и смущенно улыбались*. Опорой же всего содержания служит ключевое слово «коробка». Оно звучит четырнадцать раз на двух с половиной страницах текста. И это понятно. На пачке папирос адрес на случай ранения или гибели владельца. Сохраненный медсестрой «Казбек» помогает героям найти друг друга. Он же – знак памяти о том, что было в военном Севастополе: темное пятно на белоснежном горном фоне – это, конечно же, запекшаяся кровь раненого моряка.

В рассказе нет специальных средств создания образности – тропов и фигур, обычно свойственных художественному стилю. Есть простота высшей пробы. Описан один эпизод человеческой жизни, но за ним – мысль о силе и красоте человеческих отношений.

Как всегда, у Паустовского любимая им природа – не просто фон, а говорящая содержательная подробность. В начале рассказа *идет дождь с холодным порывистым ветром <...> все серое: небо, дым над крышами, самый воздух*. На балконе, где ожидают салют, холодно и неуютно. Но утром все изменится, как изменилось в одночасье и восприятие жизни моряка: *было уже предчувствие длинного лета, теплых ливней, закатов, летящего под ноги липового цвета*.

Конец рассказа формально открыт, но он прозрачен. Авторское заключение отсутствует, кроме, пожалуй, тихих слов женщины: *Никогда не верила, что это бы-*

вает так... сразу. Что «это» и как «так»? Неполнозначные указательные слова с неконкретным смыслом сами по себе вроде бы ни о чем не говорят, но читателю все ясно опять же по подтексту. Герои уже не расстанутся.

Вернемся к названию. Почему все-таки «Бриз»? Природные заголовки у Паустовского («Снег», «Белая радуга», «Ручьи, где плещется форель») символизируют чистоту и свежесть зарождающихся чувств у молодых людей, их надежды на обретение счастья в трудное военное время. Правда, о названии в тексте есть и иное упоминание. Оно о бризе как о непостоянном по своему направлению ветре. Этот морской ветер, как известно, меняет направление – дует то к суше, то к морю. Но упоминание относилось к предыдущему личному опыту моряка – с женщиной, которая не дождалась его возвращения. Так что подтекстный оптимистический, позитивный смысл названия одерживает верх над негативной семой непостоянства. Таким образом, заглавие короткого рассказа из одного лишь слова «бриз» становится многослойным, с обширным семантическим объемом от прямого значения до двух символических.

Паустовский – романтик. Даже в самых нелегких и будничных проявлениях жизни он видит прекрасное и, что самое главное, он умеет свои авторские ощущения передать читателю. Можно только порадоваться, что рассказы этого замечательного писателя по-прежнему включены в школьную программу как классной, так и внеклассной работы учителя. «Хотя прошли десятилетия, изменилось время и приходят в жизнь другие проблемы, все общечеловеческое навсегда останется основой жизни, и потому для многих наших современников Паустовский остается любимым и активно читаемым автором – певцом человеческого благородства и знатоком самых тонких основ человеческой души» [14, с. 940].

* * *

1. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики : учебное пособие. М. : Либроком, 2016. 168 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М. : Академический проект, 2004. 464 с.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. 520 с.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста : учебное пособие. М. : Академия, 2007. 269 с.
5. Маслова В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учебное пособие. М. : Юрайт, 2018. 201 с.
6. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л. : Художественная литература, 1974.
7. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957.
8. Валгина Н.С. Теория текста : учебное пособие. М. : Логос, 2004. 280 с.
9. Лелис Е.И. Подтекст как лингвоэстетическая категория в прозе А.П. Чехова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2013. 47 с.
10. Климовская Г.И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. Томск : НТЛ, 2009. 162 с.
11. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте: лингвопоэтический аспект : монография. М. : Флинта : Наука, 2014. 344 с.
12. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Языковая репрезентация темы любви в рассказах И.А. Бунина // Мова. 2017. № 28. С. 46–53.
13. Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текста. М. : Флинта : Наука, 2011. 408 с.
14. Паустовский К.Г. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. М. : Художественная литература, 1969. 607 с.
15. Бакалова З.Н. Рассказы К.Г. Паустовского о любви: филологический анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28, № 6. С. 937–941.

**КАТЕГОРИЯ АДРЕСОВАННОСТИ
В КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
THE CATEGORY OF ADDRESSABILITY
IN THE COMMUNICATIVE STRUCTURE OF THE FOLKLORE TEXT**

© 2020

М.А. Венгранович

M.A. Vengranovich

Категория адресованности в соответствии с диалогической концепцией-мировосприятия и переориентацией научного лингвистического знания с системно-структурной парадигмы знания на антропоцентрическую представляется одной из ключевых категорий текстообразования, поскольку текстовая деятельность современными исследователями рассматривается как общение двух коммуникантов. При этом с адресантом связывается первичная коммуникативная деятельность, а с адресатом – вторичная коммуникативная (интерпретационная) деятельность. В акте художественной (имитационной) коммуникации фигура адресата представляется собой семиотическое единство, что позволяет исследователям говорить о неотделимости адресата от речевого произведения и разграничивать статусы внеположенного и внутрисложенного (по отношению к художественному тексту) адресата. В условиях фольклорной (естественной) коммуникации, сочетающей признаки реальной и отображенной коммуникации, универсальная оппозиция «адресант – адресат», предложенная Р. Якобсоном, ослабляется, и адресат активизируется в творческом процессе на всех этапах создания фольклорного текста. Это дает основания рассматривать фольклорный текст как разновидность гипертекста и объединить адресанта и адресата фольклорного текста в категорию гиперсубъект фольклорного творчества. Специфическая природа категории адресованности в фольклорном тексте находит особые формы реализации в коммуникативной организации фольклорного текста (например, в явлениях субъектно-объектного синкретизма и взаимопроникновения речевых планов реальных участников коммуникации и коммуникантов отображенной коммуникации).

Ключевые слова: фольклорный текст; фольклорная коммуникация; художественная коммуникация; реальная и отображенная коммуникация; категория адресованности; адресат текста; внеположенный и внутрисложенный адресат; гипертекст; гиперсубъект фольклорного творчества.

The category of addressability as the dialogical concept of the modern worldview and the shift of scientific linguistic knowledge from the systemic-structural paradigm to the anthropocentric paradigm of knowledge presuppose is one of the key text-forming communicative categories, since the modern researchers consider the text activity to be the communication of two interlocutors. Primary communicative activity is associated with the sender while secondary communicative (interpretative) activity is assigned to the addressee. In the act of simulative communication, the figure of the addressee is a semiotic unity, which allows researchers to conclude the inseparability of the addressee from speech and to distinguish between the statuses of extrapolated and intrapolated (in relation to the literary text) addressee. In the process of folklore (natural) communication, combining the features of real and reflected communication, the universal opposition “sender-addressee”, proposed by R. Jakobson, is weakened, and the addressee of the folklore text is activated in the constructive process at all stages of the folklore text creation. This gives reason to consider the folklore text as a kind of hypertext and to unite the sender and the addressee of the folklore text in the category of hypersubject of folk art. The specific nature of the addressability in the folklore text is revealed distinctly in the communicative structure of folk lyrics (for example, in the phenomena of subject-object syncretism and speech interpenetration of real communication participants and reflected communication interlocutors).

Keywords: folklore text; folklore communication; literary communication; real and reflected communication; category of addressability; addressee of the text; extrapolated and intrapolated addressee; hypertext; hypersubject of folklore creativity.

Переориентация научного лингвистического знания с системно-структурной парадигмы знания на антропоцентрическую обусловила выдвижение в ряд ключевых категорий текстообразования, наряду с субъектностью, категории **адресованности**. Безусловно, истоки понимания текстовой деятельности как общения двух коммуникантов

[1, с. 199] обнаруживаются в диалогической концепции М.М. Бахтина [2], которая предполагает ориентацию на «другого» и его ответную активность. В философии проблема «другого» разрабатывалась прежде всего в концепциях экзистенциалистов, уделявших внимание личностному подходу к человеку, в частности межсубъектному взаимодействию

ствию. Согласно теории Ж.-П. Сартра, «другой» является необходимым условием семиотизации личности и регулятором, организующим его опыт и поведение. В дальнейшем концепция «другого» прямо или косвенно повлияла на многие лингвистические идеи и выявила определенный круг вопросов, к которым Н.Д. Арутюнова относит: 1) семиотизацию личности – ее речевых и поведенческих проявлений, 2) самопознание через диалогизацию внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания, 3) поляризацию своего и чужого (сферы Эго и сферы Другого) [3, с. 648–649]. Эти проблемы определили векторы дальнейших научных изысканий (можно вспомнить идеи прагматики и теорию речевых актов, закон гармонизирующего диалога в риторике, понятия пропозициональных установок и перформатива и др.). Согласно современному истолкованию текстовой деятельности, ее диалогический характер реализуется в системе действий, направленных на порождение текстов (первичная коммуникативная деятельность) и их восприятие, интерпретацию, понимание (вторичная коммуникативная деятельность) [4, с. 37]. В этой связи представление о тексте как форме коммуникации и продукте речемыслительной и коммуникативной деятельности сближает, по мнению Н.С. Болотновой [5], коммуникативную стилистику текста и функциональную стилистику, и дает основание для выдвижения в качестве объекта исследования в рамках функционально-стилистического подхода к тексту (которого мы придерживаемся в своих научных исследованиях) **категорию адресованности** как значимого компонента коммуникативной природы фольклорного текста.

С адресатом речи как вторым участником коммуникативной ситуации (и художественной в том числе) обычно связывается вторичная коммуникативная деятельность. При этом само понятие в теории речевой деятельности не имеет общепринятого термина (см. различные терминологические варианты: *адресат, получатель речи, рецептор, реципиент, интерпретатор, слушающий, аудитория, собеседник (inter-*

lokutor) и др.). Как показывает практика, наиболее распространенным является термин *адресат*, который подчеркивает сознательную направленность речевого сообщения лицу. Коммуникация в эстетической сфере обладает аналогичными другим типам коммуникации набором прагматических параметров: автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие). Об этом пишет и А.Н. Васильева: «Художественное произведение – это всегда <...> речь, обращенная к публике. Как и всякая обращенная речь, она включает в себя ту информацию, которую субъект намеревается сообщить адресату, и то волевое намерение, которое он при этом стремится реализовать» [6, с. 18].

В связи с особенностями речевого акта в художественной коммуникации (учет его имитационной природы) *адресат художественного текста*, так же, как и адресант, имеет расщепленный характер (по Р. Якобсону), соотносится с *реальным адресатом* текста, с *собирательным образом адресата*, пронизывающим всю структуру текста, с *художественным образом персонажа-адресата* [4, с. 37] и в структуре художественного текста получает разнообразные средства идентификации (в частности, дейктическую идентификацию [7]). В качестве отдельной текстовой категории адресата (слушателя) в пространстве художественного текста выделяет и А.Ф. Папина [8]. Выдвижение категории адресованности в качестве значимой текстовой координаты связывается исследователями с переориентацией научного лингвистического знания с системно-структурной парадигмы знания на антропоцентрическую [9].

С адресатом речи в литературной коммуникации связаны определенные предположения (ожидания) автора и его волевое намерение, которое по отношению к адресату может состоять в том, чтобы «приобщить (его) к познанной художником истине и к его собственной идейно-эстетической позиции по отношению к явлениям действительной жизни, соотносимой с изображенной в про-

изведении “второй действительностью”» [6, с. 18–19]. При этом, как считает А.Г. Баранов, «между автором и реципиентом наблюдается некоторая темпоральная, пространственная и психологическая дистанция. В редких случаях реципиент получает эксплицитное вербальное представление в тексте, обычно же реципиент представлен имплицитно» [10, с. 152]. Исходя из этого в художественном тексте принято разграничивать статусы *внеположенного* и *внутриположенного* (по отношению к художественному тексту) *адресата* [11, с. 90–98].

Разрабатывавший данный аспект в своих работах Ю.М. Лотман считал, что степень «присутствия» адресата в художественном тексте зависит от характера памяти самого адресата – «памяти, единой для всех членов социума» и «предельно индивидуализированной памяти». Ориентация на тот или иной тип памяти адресата, по мнению ученого, заставляет автора на этапе конструирования текста «прибегать то к “языку для других”, то к “языку для себя”» [12, с. 88–89]. Таким образом, «личность получателя текста, представляя семиотическое единство, неизбежно вариативна и способна «настраиваться по тексту» [12, с. 88–89]. В результате этого, как отмечает Н.Д. Арutyюнова, между текстом и аудиторией происходит сложная игра позициями, что позволяет говорить о «неотделимости адресата от речевого произведения» [13, с. 361]. Мы считаем, что конструирование текста с учетом фактора адресата происходит на этапе текстопорождения и относится в большей степени к коммуникативному намерению автора. При этом сама коммуникативная модель «адресант – сообщение – адресат», предложенная Р. Якобсоном [14], остается актуальной.

Переходя к характеристике категории адресованности фольклорного текста, отметим, что данная категория, имея схожие черты с категорией адресованности художественного текста, обладает специфическими чертами, детерминированными особой коммуникативной природой фольклорного текста.

На коммуникативные качества фольклорного текста наибольшее влияние имеет специфика *фольклорной коммуникации*, которую К.В. Чистов определяет как «естественный», «контактный» тип коммуникации, осуществляемой при помощи естественных средств (каналов информации) – звучащего слова, мимики, жеста и т.д. в условиях живого (непосредственного) контакта исполнителя и слушателя [15, с. 35 ; 16]. На наш взгляд, ученым обозначены признаки гетерогенного (синкретичного) характера фольклорной коммуникации, которая сочетает особенности отображенной и реальной коммуникации.

Как компонент коммуникативной цепи «S – T – R» фольклорный текст отличается от коммуникативного аналога – художественного текста. Среди признаков фольклорного текста мы выделяем: 1) отсутствие письменной фиксации, следствием чего является изменчивость, существование фольклорного текста в виде вариантов, ориентированных на единый инвариант и объединяемых нами в общее понятие *гипертекст* [17]; 2) «внеличный» характер фольклорного текста (он является продуктом коллективного творчества и, соответственно, имеет характер открытости, незавершенности, бесконечности); 3) коммуникативная природа фольклорного текста, детерминированная двунаправленностью творческого процесса в фольклоре – активным участием в процессе создания текста как исполнителя, так и слушателя (адресата фольклорного текста), что приводит к неразграниченности субъекта и адресата в фольклоре.

В чем появляется неразграниченность субъекта и адресата в фольклоре? В акте фольклорной коммуникации отсутствует фиксированное разделение на исполнителей и слушателей (это, конечно, при условии общности традиции): нет «активного» творца и «пассивной» аудитории (как в индивидуальном искусстве), и универсальная модель «адресант – адресат», предложенная Р. Якобсоном, должна корректироваться. В ситуации исполнения фольклорного про-

изведения автор (исполнитель) и слушатель (адресат) непосредственно противопоставлены друг другу как два участника коммуникативного акта, однако слушатель (адресат) как участник коммуникативного акта естественного типа проявляет определенную активность – в некоторых случаях соучаствует в исполнении фольклорного текста, оказывая влияние на процесс создания варианта (т.е. текстопорождения). Корректировка универсальной оппозиции Р. Якобсона должна происходить с учетом того, что в фольклоре с первичной коммуникативной деятельностью (текстобразованием) связаны оба участника коммуникативного процесса (адресант и адресат), обладающие статусом соположенных коммуникантов в рамках реальной коммуникации (в то время как в художественной коммуникации на этапе текстопорождения доминирует субъект, а реальный адресат активизируется лишь на этапе восприятия готового текста). Это наводит на мысль о сложной, синкретичной природе фольклорного коммуникативного акта, совмещающего признаки *реальной и отображенной коммуникации*. В условиях такого коммуникативного акта реальные субъект и адресат активно участвуют в творческом процессе на всех этапах создания фольклорного текста и, соответственно, имеют признаки инвертированности, что

дает основания для признания адресанта и адресата фольклорного текста сотворцами единого фольклорного гипертекста и введения фиксирующего представление об их единстве понятия – **гиперсубъект фольклорного творчества** [20]. В лингвостилистическом плане данное единство приводит к текстовым явлениям гетерогенного характера, среди которых можно выделить, например, взаимопроникновение речевых планов реальных участников коммуникации и коммуникантов отображенной коммуникации.

Проследим специфику адресованности фольклорного текста на примере исторической песни.

В *исторической песне* формы репрезентации категории адресата обусловлены жанровыми особенностями песенного текста (хоровой манерой исполнения, особыми взаимоотношениями с реальной действительностью и т.д.). К одной из стилистических и жанровых констант исторической песни можно отнести специфическую форму *обращения*, которое демонстрирует признаки синкретизма (является одновременно формой представления внутритекстового и внетекстового адресата, внутритекстового субъекта (лирического героя), а также формой автоадресации). Обратимся к примерам.

1) *Нам пора-та, робятушки, с кабаку идти!*

*Не вечерняя заря потухать стала,
Не утренняя заря занимается,
Бежит-то из Москвы скорый посол,
Держит во руках грозный указ,
Чтобы были мы, солдатушки, приубранные,
Перевязи-портупеи были бы белёные
И ружьецы были бы чищенные* [18, № 61];

2) *Что это у нас, братцы,*

*В каменной Москве приуныло,
Что это приумолкло?
Заунывно зазвонили
У Ивана у Великого в большой колокол,
Язык-ат увивали черным бархатом* [18, № 60];

3) *Вы леса мои леса, братцы, лесочки, леса темные!*

*Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои – вы, мои братцы, станочки все поразорены!
Как и все мои, братцы, лесочки, все порублены;*

*Как и все-то мои, братцы, кусточки все повыжжены,
 Как и все-то мои, братцы, товарищи, все половлены!
 Как один из нас, братцы, товарищей не пойманный,
 Не пойман из нас, братцы, товарищ наш
 Стенька Разин сын [19, № 553].*

В приведенном нами первом примере обращение *робятушки* представляет внутритекстового адресата речи (ролевого героя) в типичной для этого форме. Во втором примере обращение *братцы* уже является средством автоадресации с неопределенно широким адресатом, который включает и внетекстового адресата, являющегося участником реальной коммуникации, и может при этом рассматриваться как форма репрезентации лирического героя. Третий пример демонстрирует изменение функциональных свойств адресации: в зачине обращение *братцы*, вплетенное в традиционное по форме лирическое обращение к природе, выполняет прежде всего ритмизирующую функцию, проявляя одновременно внутритекстового субъекта (лирического героя) с его определенным эмоциональным состоянием; затем постепенно обращение приобретает функцию репрезентации внутритекстового адресата (ролевого героя).

Таким образом, отмеченные особенности функционирования обращений в исторической песне дают основания говорить о наличии в фольклорном поэтическом тексте признаков субъектно-объектного синкретизма, отмечаемых исследователями и в литературном художественном тексте. Однако истоки данного явления различны. Если в авторской поэзии явления субъектно-объектного синкретизма обусловлены общим свойством художественной речи – пересечением сфер адресанта и адресата, которое воплощается «в сопряжении определенных в тексте моделей коммуникативной деятельности внутрисюжетных коммуникантов как снятой, превращенной структуры коммуникативной деятельности внесюжетных участников общения» [11, с. 93], то в фольклорном поэтическом тексте пересечение сфер субъекта и адресата демонстрирует прежде всего сложную, синкретичную природу самого фольклорного коммуникативного акта, который сов-

мещает признаки реальной и отображенной коммуникации; в условиях такого коммуникативного акта реальные субъект и адресат имеют признаки инвертированности и активно участвуют в творческом процессе на всех этапах создания фольклорного текста. Это приводит к явлениям взаимопроникновения в рамках единого текста речевых планов реальных участников коммуникации и коммуникантов отображенной коммуникации. Исходя из этого типичное для исторической песни обращение *братцы*, которое в силу своей частотности и повторяемости приобрело статус формульного элемента в структуре текста исторической песни, может рассматриваться как специфическая, жанрово обусловленная форма репрезентации гиперсубъекта, объединяющего в своей синкретичной природе автора (адресанта) и адресата.

Резюмируем. Категория адресованности, являясь одной из основополагающих категорий коммуникативной природы текста, приобретает в структуре фольклорного текста специфические черты и формы репрезентации, обусловленные прежде всего спецификой фольклорной коммуникации, имеющей характер естественной коммуникации и сочетающей в силу этого признаки отображенной и реальной коммуникации. Отсюда неразграниченность субъекта и адресата в фольклоре, представляющих единую категорию гиперсубъекта фольклорной деятельности; в соответствие с этим – активность адресата на всех этапах текстопорождения (включая и первичную коммуникативную деятельность) и, как следствие, явления субъектно-объектного синкретизма и взаимопроникновения речевых планов реальных участников коммуникации и коммуникантов отображенной коммуникации (что мы проследили на примере функционирования специфической эстетической формы – обращения *братцы* – в исторической песне).

* * *

1. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М. : Высшая школа, 1980. 224 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова [и др.]. Томск : ТГПУ, 2001. 331 с.
5. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста как одно из направлений речеведения и ее связь с функциональной стилистикой // Стилистика как речеведение : сборник науч. трудов славянских стилистов, посвященный памяти М.Н. Кожинной / под ред. Л.Р. Дускаевой. М. : Флинта : Наука, 2013. С. 67–74.
6. Васильева А.Н. Художественная речь : курс лекций по стилистике для филологов. М. : Русский язык, 1983. 256 с.
7. Савельева Е.Б. Дейктическая идентификация адресата и адресанта в пространстве художественного текста (на материале прозы Андре Жида) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(81). В 2 ч. Ч. II. С. 367–370.
8. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник для студентов-журналистов и филологов. М. : Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
9. Анисова А.А. Фактор адресата как категория художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2(32). В 2 ч. Ч. I. С. 27–30.
10. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1993. 180 с.
11. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. Киев : Вища школа, 1993. 200 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
13. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 10, № 4. С. 356–367.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сборник статей : перевод с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / сост. М.Я. Полякова ; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М. : Прогресс, 1975. С. 193–229.
15. Чистов К.В. Специфика фольклора в свете теории информации // Типологические исследования по фольклору. М. : Наука, 1975. С. 26–43.
16. Чистов К.В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // VIII Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М. : Наука, 1978. С. 299–326.
17. Венгранович М.А. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной коммуникации // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь : Пермский ун-т, 2003. Вып. 6. С. 80–90.
18. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записки Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1. Л. : Наука, 1977. 325 с.
19. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Тула : Приокское книжное издательство, 1986. 462 с.
20. Венгранович М.А. Специфика проявления категории субъектности в фольклорном тексте // Предложение и слово : межвуз. сборник науч. трудов. Саратов : Наука, 2008. С. 172–176.

СЕМАНТИКА НЕВЫРАЗИМОГО В ТВОРЧЕСТВЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE IN K.G. PAUSTOVSKY'S WORKS

© 2020

М.Ю. Михайлова

M. Yu. Mikhailova

Функционально-семантическая категория невыразимого представлена на разных уровнях языка; исследована в научной литературе в теоретико-методологическом плане в целом и на материале художественной литературы XIX–XXI веков, в частности в работах российских и зарубежных лингвистов, в цикле наших исследований. Впервые анализируется художественное пространство К.Г. Паустовского в аспекте выявления специфики бытования средств передачи семантики невыразимого. Определено, что с точки зрения структуры однословные средства семантики невыразимого составляют 1/3 от общего количества языкового материала. Неоднословные средства семантики невыразимого представлены словосочетаниями и перифразами. Помимо традиционно выделяемых объектов невыразимого (сфера инобытия; красота природы и женщины; чувства) в творчестве К.Г. Паустовского отмечается когнитивная невыразимость в процессе познания каким-либо персонажем художественного произведения. К когнитивной невыразимости относим средства передачи невыразимого в художественном тексте, описывающем персонажа, который затрудняется вербализовать воспринимаемую информацию из-за переизбытка чувств, отсутствия категоризации в процессе когниции и прочее. Интерес писателя к когнитивной невыразимости косвенно подтверждается указаниями литературоведов на то, что его внимание сосредоточено собственно на процессе творчества: познании, рефлексии, категоризации, поиске средств выражения. Специфика средства передачи семантики невыразимого с объектом невыразимого «красота» в творчестве К.Г. Паустовского состоит в дробной подаче объекта: красота руки, глаз и прочее. Обнаружено, что средства передачи семантики невыразимого, маркируя метафорический план, передают семантику предельно высокой концентрации качества.

Ключевые слова: семантика невыразимого; функционально-семантическая категория; объекты невыразимого; когнитивная невыразимость; метафорический план высказывания; средства передачи семантики невыразимого; семантика предельно высокой концентрации качества; традиции и новаторство в употреблении средств семантики невыразимого.

The functional-semantic category of inexpressible is represented at different levels of the language; it was the subject of scientific research in theoretical and methodological terms as a whole and as exemplified in fiction of 19–21 c., in particular in the works of Russian and foreign linguists, as well as in the series of our research. This is the first time the literary space of K.G. Paustovsky has been analysed in terms of discovering means of transmitting semantics of inexpressible. It is determined that from the point of view of structure single-word means of the inexpressible semantics account for 1/3 of the total amount of linguistic material. The ambiguous means of the semantics of inexpressible are represented by phrases and periphrases. In addition to the traditionally distinguished objects of the inexpressible (the sphere of otherness; the beauty of nature and women; feelings) in the work of the master of the word, there is a cognitive inexpressibility in the process of any literary character's cognition. What we refer to cognitive inexpressibility are the ways of describing a character who finds it difficult to verbalize perceived information due to an overabundance of feelings, lack of categorization in the process of cognition, and so on. The focus on the cognitive inexpressibility of the writer is indirectly confirmed by the instructions of literary studies scholars who say that the writer's concentrated on the creative process: cognition, reflection, categorization, and the search for means of expression. The specificity of the means of transmitting the semantics of the inexpressible with the object of the inexpressible phenomenon "beauty" in the works of K.G. Paustovsky consists in a fractional presentation of the object: the beauty of the hands, eyes, and so on. It was found that the means of transmitting the semantics of inexpressible, marking the metaphorical plan, convey the semantics of an extremely high concentration of quality.

Keywords: semantics of inexpressible; functional-semantic category; objects of the inexpressible; cognitive ineffability; metaphorical plan of utterance; means of transmitting the semantics of inexpressible; semantics of an extremely high concentration of quality; traditions and innovation in the use of semantics of inexpressible.

В настоящее время семантика невыразимого (СН) как функционально-семантическая категория русского языка достаточно полно разработана учеными (Н.Ф. Алефиренко [1], А.Н. Полянский [2], В.И. Постова-

лова [3], Г.С. Сырица [4 ; 5], М. Кита [6], Е.П. Сеничкина [7]). В наших исследованиях показано, что СН – это самостоятельная категория русского языка с иерархически организованными средствами передачи [9 ; 10].

Бытование средств передачи СН в художественном дискурсе рассматривалось в научной литературе на материале произведений поэтов-романтиков XIX века (В.И. Абрамова [11], М.А. Глушкова [12], Н.В. Королева [13], А.П. Лукинова [14 ; 15], В.В. Маркова [16], В.Н. Топоров [17] и др.), поэзии М. Лермонтова (Е.Г. Эткинд [18]), русской классической прозы XIX–XX веков: Н. Гоголь, Н. Лесков, Л. Андреев, Ф. Сологуб (напр.: Р. Lachmann [19], А.Н. Моргунова [20]), поэзии XX века: О. Мандельштам, прозы XX века (Г.В. Мосалева [21]), современной беллетристики: Д. Емец, Н. Измайлов, некоммерческой литературы: Ю. Буйда, Е. Чижова (см., напр.: М.В. Гаврилова [22]). Между тем сказать, что исчерпаны все вопросы в изучении СН как функционально-семантической категории русского языка, было бы преувеличением.

В настоящей статье рассмотрим особенности бытования средств передачи СН в творчестве К.Г. Паустовского. Материалом исследования послужили художественные тексты из собрания сочинений в 8 томах [23]. Общее количество средств передачи СН составило около четырех десятков единиц. Нельзя утверждать, что внимание к СН – это стилевая черта данного писателя. Между тем способы обращения к СН в произведениях К.Г. Паустовского, особенности выбора объектов невыразимого и соотношение «традиции – новаторство» в подходе к использованию средств передачи СН носят нетривиальный характер и позволяют раскрыть некоторые важные закономерности творчества писателя.

Исследуем средства передачи СН в творчестве К.Г. Паустовского со структурной точки зрения, в аспекте объектов невыразимого; а также определим, в выборе данных средств писатель следует традиции русской художественной литературы либо проявляет новаторство.

1. С точки зрения структуры в творчестве писателя преобладают однословные средства передачи СН. Однословные составляют 1/3 от общего количества языко-

вых примеров: *невыразимый/невыразимо, неописуемый/неописуемо, неписанный*; представлены в следующих художественных произведениях: «Золотая роза», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Судьба Шарля Лонсевилля», «Телеграмма», «Жизнь Александра Грина», напр.:

(1) – *Удивительно! – сказал он с невыразимой грустью и покачал головой* (Беспокойная юность);

(2) – *Эх, горе её горькое, страданье неписаное!* (Телеграмма).

Неоднословные средства передачи СН в творчестве К.Г. Паустовского преобладают, составляют 2/3 от общего количества языковых примеров, представлены в составе словосочетания или перифразы. Таковы перифразы *не поддаётся описанию* (Далекие годы); *не мог уловить, выразить словами* (Повесть о лесах); *не имею достаточно слов* (Северная повесть); *выразить её не могу* (Секвойя) и др.

Средство передачи СН может составлять отдельное предложение, напр.: *Слов у меня не хватает* (Секвойя). При этом наблюдается следующая закономерность: если названное средство передано при помощи односоставного предложения, то степень его невыразимости выше, чем при передаче СН в двусоставном предложении, ср.:

(3) *Есть в мире сотни замечательных явлений. Для них у нас ещё нет слов,*
(4) *нет выражения* (Золотая роза);

(5) *...Одни и те же звезды светили в комнату и к нему и к Анфисе, и в этих звездах было не передаваемое никакими словами спокойствие ночи* (Повесть о лесах);

(6) *Болезнь моя не поддается описанию, – ответил граф Потоцкий и зачерпнул из коробки на столе горсть Бориных папирос* (Далекие годы).

В (5) и (6) степень невыразимости ниже, чем в (3) и (4). Очевидно, что в (5) и (6) – это не столько невыразимость, сколько фигура речи, это – средства передачи семантики предельно высокой концентрации качества, поскольку без ущерба смыслу высказывания можно заменить: на (5-а) *спокой-*

ствие ночи было чрезвычайно прекрасно; (б-а) *болезнь моя чрезвычайно сильно проявляется*. Степень невыразимости минимальна в средстве передачи СН, представленном предложением, если после него следует подробная характеристика объекта невыразимого, ведь описание объекта – это и есть вербальное выражение его, напр.:

(7) *Не было слов, чтобы передать изгибы бухт, затененные углы, гроты, выстланные черным блеском и светлой подводной травой, темную прозрачность волн, качавших далеко внизу спины серебряных пирамид, и, наконец луну, видную снизу даже днем и похожую на клубок розового пара, замерзшего в холоде недосягаемых высот* (Черное море).

В (7) паралогический характер функционально-семантической категории невыразимого представлен очевидным образом, это своего рода оксюморон СН (*не было слов, чтобы...*). Ср. также:

(8) [Авторизованный рассказчик неожиданно видит Лелю] *...Леля сказала только, что после Одессы тут же поехала в Москву и добилась, чтобы её перевели в полевую госпиталь на Западный фронт. ...Мы знали, что любые слова, даже самые умные и самые нежные, прозвучат фальшиво и что нет ещё тех слов, какие могут выразить то щемящее чувство близости вчера ещё почти чужих людей, какое родилось сейчас у нас обоих* (Беспокойная юность).

В (8) дана полная конкретизация объекта невыразимости, следовательно, это фигура речи, средство передачи семантики предельно высокой концентрации качества. Напротив, если средство передачи СН не содержит вербального распространения объекта невыразимости, то суть невыразимости сохраняется, ср.:

(9) *В газетах того времени много писали о судьбе этого корабля: «...Нельзя высказать того, что мы чувствовали, остановясь на шканцах корабля, растерзанного борой»* (Черное море).

В целом предмет невыразимого как в односоставных, так и в двусоставных пред-

ложениях выражен преимущественно абстрактными существительными (*явление, болезнь, страдание, грусть, спокойствие, сила (любви), красота, близость (духовная)* и т.п.).

II. С точки зрения объектов невыразимого в прозе К.Г. Паустовского представлены чувства (волнения, душевного единения, восхищения, любви и прочее); красота (природы, женщины), преимущественно метонимически: красота глаз, руки и т.п.; мир инобытия (напр., красота зимы):

(10) *Я, конечно, чувствую красоту зимы, но выразить её не могу. Слов у меня не хватает* (Секвойя).

В (10) представлено 2 средства передачи СН, ср. с примером средства передачи СН при описании чувства любви:

(11) – *Анна, – казал Бестужев, – вы утешили несчастного, потерявшего надежду на жизнь. Сила любви моей к вам так велика, что я не имею достаточно слов, чтобы её выразить* (Северная повесть).

В (11) степень невыразимости объекта речи минимальна, поскольку сила любви достаточно полно вербализована данной фигурой речи (паралогической категорией невыразимого). При анализе средств передачи СН, которые паралогическим образом вербализуют чувства, получаем следующие результаты: если в высказывании с СН описываются сложные, неопределенные чувства, то средства СН следует определять как передающие невыразимость. Напротив, если в высказывании уже названо чувство (любовь, ненависть и т.п.), то это – средство выражения семантики предельно высокой концентрации качества. Попутно заметим, что если средство СН помещено в метафорическом плане высказывания, то, как правило, это средство переходит в средство выражения семантики предельно высокой концентрации качества, напр.:

(12) *Море – седое, зимнее, невыразимо урюмое – ревело и несло за тонкими бортами, как Ниагара* (Черное море);

(13) *Ты представь себе наглые бакенбарды военных инженеров, <...> рабочих, обреченных быть скотами <...>, муштровку солдат <...> ...плетях и каторге <...>*,

*тоску этих неопикуемых непролазных до-
рог <...>* (Судьба Шарля Сонсевиля);

(14) [Размышления о сказках] *В этом её ценность, и в этом ценность невыразимого подчас словами, но ясного и могучего обаяния рассказов Грина* (Жизнь Александра Грина).

В (12) средство СН маркирует олицетворение (*море угрюмое*), переходит в средство выражения семантики предельно высокой концентрации качества. В (13) формально адъектив *неопикуемый* согласуется с субстантивом *дороги*, однако в художественном высказывании наблюдается семантический сдвиг в согласовании, адъектив соотносится не только со словом *дороги*, но и со словом *тоска* за счет наличия метафорического плана повествования (*тоска неопикуемых непролазных дорог* → *неопикуемая тоска непролазных дорог*). В (14) описательный оборот СН соотносится с абстрактным существительным *обаяние*, актуализирует метафорический план высказывания, что приближает средство СН к средству выражения семантики предельно высокой концентрации качества.

Ш. Что касается вопроса, следует ли К.Г. Паустовский традиции русской художественной литературы в способах передачи СН, ответ таков. В целом писатель наследует традицию обращения к СН как своего рода фигуры речи, как способ актуализации семантики предельно высокой концентрации качества. Подтверждением сказанного могут служить примеры сочетания нескольких средств СН в текстовом сегменте, например, 1) неопределенное местоимение + описательный оборот с семантикой невыразимого; 2) высказывание в форме риторического вопроса + однословное средство СН:

(15) *Что-то громадное входило в его жизнь, чему не было имени, наполнявшее всё тело дрожью* (Соранг).

Отсутствие конкретизации объекта невыразимого в (15) актуализирует СН, что поддерживается также нечленимым сочетанием неопределенного местоимения с отадъективным субстантивом (*что-то громадное*) (о специфике подобных сочетаний в ху-

дожественном тексте см.: Е.П. Сеничкина [8]) и описательным оборотом (*чему не было имени*) в составе придаточного предложения. См. пример с риторическим вопросом, содержащим средство передачи СН:

(16) *Но каким же языком описать то, по существу, неопикуемое одесское торжище, которое в двадцатых годах нашего века носило название «Новый базар»?* (Время больших ожиданий).

В (16) содержатся 3 средства передачи СН: риторический вопрос с семантикой невыразимого; однословное средство (*неопикуемое*); оксюморон паралогической категории невыразимого (*описать неопикуемое...*).

Свидетельством следования традиции русской художественной литературы при обращении к средствам СН К.Г. Паустовским является факт включения прецедентного феномена в авторский текст:

(17) [В газетах писали:] *«О, сколько дум и сколько чувств прекрасных / Не имут слов, глагола не найдут!»* (Черное море).

В (17) будто бы газетами немного переименованы строки стихотворения поэтессы XIX века Е. Ростопчиной.

Напротив, как факт новаторства рассматриваем применение сложноподчиненного предложения с придаточным сравнения, содержащим СН:

(18) *Чем удивительнее явление, тем оно великолепней, тем труднее рассказать о нём нашими омертвевшими словами* (Золотая роза).

Особенностью стилевой манеры К.Г. Паустовского можно считать контаминацию объектов невыразимого в том или ином средстве передачи СН, напр.:

(19) [Кладбище, на котором похоронена Леля] *...Я ни на мгновение не мог себе представить, что под землей лежат её кости. Я не верил в это. Мне казалось, что она вечно будет лежать такой же, какой мы положили её в дощатый гроб, – бледной и невыразимо прекрасной, спокойной и юной, с печальной тенью от опущенных ресниц на щеках* (Начало неведомого века).

В (19) средство передачи СН актуализирует одновременно 2 объекта невыразимого: женская красота и красота мира инобытия, поскольку описывается внешность умершей, уже не принадлежащей к миру живых, ср. также:

(20) ...*Отсвет от бархата падал на её глаза, и они показались Андерсену совершенно зелёными, как у валькирии, и невыразимо прекрасными* (Золотая роза).

В (20) актуализировано 2 объекта СН: женская красота персонажа Елены Гвиччиоли, которую боготворит Г.-Х. Андерсен, и красота мира инобытия, так как от зеленого цвета платья глаза героини кажутся зелеными; писатель сравнивает их с глазами валькирии (заметим попутно, что в западноевропейской традиции зеленый цвет нередко символизирует мир инобытия, волшебства).

При анализе средств передачи СН к новаторству К.Г. Паустовского отнесём приём контраста в их употреблении (в целом достаточно распространённый в творчестве писателя), напр.:

(21) ...*В музее Лувр в Париже лежит, говорят, на черной бархатной подушке мраморная рука неопишуемой красоты. Так то не рука Сары Бернар, Шопена или Веры Холодной. То слепок с руки самого знаменитого фальшивомонетчика в Европе* (Золотая роза).

В (21), на первый взгляд, СН актуализирована в традиционном объекте – красоте. Однако дальнейшее содержание текста формирует контраст, столкновение читательского ожидания (сейчас расскажут о красоте женской руки, о красоте выдающегося человека) с низменным предметом речи (рука мошенника). Полагаем, что в (21) можно говорить об осцилляции смыслов (одновременно актуализируются смыслы: возможно, это неопишуемая красота женщины; возможно, это рука умершей женщины, так как лежит в музее на бархатной подушке). Так актуализируются традиционные для средств СН смыслы – объекты инобытия, женской красоты из мира сакрального. Однако развертывание текста

«взрывает» читательские ожидания, уничтожает штампы в употреблении средств СН, сформированные художественной традицией.

Можно утверждать, что в целом объекты невыразимого в художественном пространстве К.Г. Паустовского традиционны для русской художественной литературы. Между тем представлен и «новый» объект невыразимого, условно назовем его когнитивной невыразимостью, напр.:

(22) ...*Но в этих мыслях было что-то одно, главное, что он ещё не мог уловить, выразить словами* (Повесть о лесах).

Под когнитивией ученые понимают познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации [26].

К когнитивной невыразимости, полагаем, следует отнести примеры употребления средств передачи СН художественного текста при описании персонажа, который в процессе восприятия информации затрудняется вербализовать воспринимаемое в силу разных причин: переизбытка чувств, отсутствия категоризации в процессе когнитивии и прочее. См. пример на безмолвие из-за переизбытка чувств:

(23) [Художник когда-то рисовал Марусю в молодости] *Вот, говорит, приехал я новый портрет с вас писать. А писать, выходит, мне совсем нечего. Как будто и годы не прошли. Вы всё такая же, Маруся. А Маруся только смеется тихо и слова сказать не может. И глаза опустила, чтобы схватить слезу, что на них набегает* (Героический юго-восток).

Ср. интересный пример игры на двух уровнях высказывания:

(24) [Подпасок говорит Пришвину:]
 – *Если бы ты по правде писал, а то ведь, наверно, всё выдумал?*
 – *Не всё, – ответил я, но есть немного.*
 – *Вот я бы так написал!*
 – *Всё по правде?*
 – *Всё. Вот взял бы и про ночь написал, как ночь на болоте проходит.*

– Ну, как же?

– А вот как! Ночь. Куст большой у бачага. Я сижу под кустом, а утята – свись, свись, свись.

Остановился. Я подумал – он ищет слов или дожидается образов. Вот очнулся, вынул жалейку и стал просверливать на ней седьмую дырочку (Золотая роза).

В (24) представлены две точки зрения: 1) авторизованного рассказчика и 2) автора, создающего «один из возможных миров». С позиции авторизованного рассказчика (*ищет слов или дожидается образов*) актуализировано средство СН, относящееся к когнитивной невыразимости: персонаж в процессе познавательных процессов мышления и речи замолкает в поисках слов или образов для передачи прелести ночи на болоте, но не находит их в силу полноты испытываемых чувств. С позиции автора – средство СН отсутствует, поскольку подпосок не нуждается в поисках невербализуемых смыслов, в его языковом сознании все смыслы вербализуемы, соответственно он – хорошо (*по правде*) описал ночь на болоте.

Исследователи отмечают, что средства передачи СН призваны восполнять лексические и семантические лакуны языка [4].

Именно средства когнитивной невыразимости восполняют подобные лакуны, напр.:

(25) *Андерсен не знал, как называется это состояние. Одни считали его вдох-*

новением, другие – восторгом, третьи – даром импровизации (Золотая роза).

В (25) также представлены два плана восприятия: с позиции персонажа Андерсена и с позиции «всезнающего автора».

В литературоведении динамику творчества К.Г. Паустовского рассматривают как движение к поэтике метапрозы. Исследователи отмечают, что в поздней новеллистике писателя это новое качество находит выражение в переакцентировке рефлексивного внимания с изображаемого на процесс изображения [см., напр.: 24, с. 71]. Полагаем, что актуализация когнитивной невыразимости является частным случаем сосредоточенности внимания писателя на процессе творчества: познания, рефлексии, категоризации, поиска средств выражения и т.д. В качестве подтверждения нашей позиции можно рассматривать и рассуждения М.В. Ениной о тенденциях в новеллистике К.Г. Паустовского, в которых, в частности, говорится об аналитико-познавательном аспекте постижения мира и человека [24, с. 66].

Подведём итоги. В применении средств передачи СН К.Г. Паустовский, с одной стороны, развивал традицию русской художественной литературы, с другой – разрабатывал новаторские подходы, в частности, актуализируя когнитивную невыразимость в художественных текстах.

* * *

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. М. : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
2. Полянский А.Н. Формы и функции неизреченного в текстах художественной литературы // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1990. № 2. С. 54–62.
3. Постовалова В.И. «Блаженны нищие духом». Концепт «смирение» в православном мирозерцании // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2009. С. 53–74.
4. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М. : МГОУ, 2009. С. 294–295.
5. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект. М. : Флинта, 2014. 160 с.
6. Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego // Stylistyka XI. 2002. Opole, 2002. S. 101–119.
7. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 427 с.

8. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке : учебное пособие. М. : МГУП, 2004. 76 с.
9. Михайлова М.Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 3. С. 1072–1079.
10. Михайлова М.Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 472–476.
11. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 233 с.
12. Глушкова М.А. Философская лирика Афанасия Фета: проблематика, поэтика, жанровое своеобразие : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2010. 172 с.
13. Королева Н.В. Ф. Тютчев «Silentium!» // Поэтический строй русской лирики. Л. : Наука, 1973. С. 147–159.
14. Лукинова А.Р. Развитие представлений о «невыразимом» в творчестве А.А. Фета // Филология : портал психологических изданий. М. : МГППУ, 2010. С. 33–48.
15. Лукинова А.Р. Мотивно-тематический аспект эволюции лирики А.А. Фета (образ звезды) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 23 с.
16. Маркова В.В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начала 1840 годов (от «невыразимого» В.А. Жуковского к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 16 с.
17. Топоров В.Н. Поэтика Жуковского: Об источниках стихотворения «Невыразимое» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem. 1977. V. 1. P. 40–50.
18. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 448 с.
19. Lachmann R. The semantic construction of the void: Sven Spieker (ed.), Gøgøl: Exploring Absence Bloomington // Slavica. 1999. P. 18–33.
20. Моргунова А.Н. Бытование омокоплекса *оно* в русском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2016. 177 с.
21. Мосалёва Г.В. Проблема невыразимого и категория иконичности в рассказе И.С. Шмелёва «Куликово поле» // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4: История и филология. С. 33–37.
22. Гаврилова М.В. Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М. : Индрик, 2009. С. 297–305.
23. Паустовский К.Г. Собрание сочинений : в 8 т. М.: Художественная литература, 1967–1972.
24. Хрящева Н.П., Сухорукова Ю.А. Позднее творчество К.Г. Паустовского: движение к поэтике метапрозы // Уральский филологический вестник. 2012. № 1. С. 71–83.
25. Енина М.В. Особенности художественной эссеистики (на материале идиолекта К.Г. Паустовского // Вестник ТГУ. 2015. № 2. С. 63–67.
26. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М. : МГУ, 1997. 245 с.

**АНТИЦИПИРУЮЩЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОМОКОМПЛЕКСА *ОНО*
В РУССКОМ ДИСКУРСЕ**

(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

OMOCOMPLEX “*ОНО*” AND ITS ANTICIPATION IN RUSSIAN DISCOURSE

(AS EXEMPLIFIED IN LITERARY TEXTS)

© 2020

А.Н. Моргунова

A.N. Morgunova

Для местоимений характерна двойственная отнесённость: они могут относиться к лицам не непосредственно, а через их имена, названия. В таких случаях род местоимений определяется родом существительного, на которое они указывают. Употребление местоимения *оно* после пресуппозитивного существительного типично. Однако в русском дискурсе есть примеры употребления местоимения *оно* в качестве указания на последующее имя существительное. В художественной литературе такой приём называется синтаксической антиципацией. Под синтаксической антиципацией понимается стилистическая фигура с отклонением от линейного расположения последовательности элементов предложения, когда местоимение предшествует обозначению объекта предвосхищаемого (антиципируемого) элемента. Приём имеет место и в публицистике, когда антиципирующее употребление *оно* «тяготеет» к странному, иррациональному, аномальному описанию действительности. Спецификой участия омокомплекса *оно* в синтаксической антиципации по сравнению с применением прономинативов *он* или *она* является то, что первый представлен преимущественно в составе номинативной цепочки, то есть в ряду антиципирующих элементов, тогда как вторые при реализации интригующе-актуализирующей функции в тексте представлены одиночно, без других антиципирующих элементов.

В данной статье показано антиципирующее употребление омокомплекса *оно* в русском дискурсе, описано бытование интертекстом с омокомплексом *оно* в русском дискурсе; на материале художественных текстов рассмотрена специфика стилистических эффектов, порождаемых бытованием данного омокомплекса в дискурсе, описана специфика функционирования местоимения *оно* в синтаксической антиципации.

Ключевые слова: местоимение; синтаксическая антиципация; омокомплекс *оно*; экспрессивный синтаксис; антецедент; гиперонимы; местоимение *оно*; субстантиват *оно*; номинативная цепочка; интригующе-актуализирующая функция; прономинативы; денотат; синкретичное образование *оно*; интертекстема.

Pronouns have double reference. Pronouns can relate to people directly, as well as through their names. In the latter case the gender of the pronoun is defined by the gender of the noun to which the pronoun is related. The use of the pronoun “*оно*” is typical after a noun. However, there are examples in the Russian discourse when the pronoun “*оно*” precedes the noun. Such a technique in fiction is called “syntactic anticipation”. It is a stylistic figure, which is a deviation from the linear arrangement of the sequence of elements of the sentence, when the pronoun precedes the the object of the anticipated element. The figure is widely-used in publicistic discourse when anticipation comes near the strange, irrational and abnormal description of reality. The specific feature of omocomplex “*оно*” as the part of syntactic anticipation in comparison with the use of such pronominals as “*he*” or “*she*” is that the former is usually introduced as a part of a nominative chain, that is a row of anticipated elements, whereas the latter while performing an intriguing and foregrounding function are presented alone, without any anticipated elements.

Keywords: pronoun; syntactic anticipation; omocomplex “*оно*”; expressive syntax; antecedent; hyperonyms; pronoun “*оно*”; substantive “*оно*”; nominative chain; intriguing and foregrounding function; pronominals; denotation; syncretic formation “*оно*”; intertexteme.

Двойственная предметная отнесённость у местоимений впервые отмечалась В.В. Виноградовым. Местоимения могут относиться к лицам не непосредственно, а через посредство их названий, имен, и тогда род определяется родом того имени существительного, на которое они указывают, от лица которого они выступают. Учёный приводил пример перевода повести

Гофмана «Чудесное дитя» на русский язык. Дитя говорит о себе: «Я пришло, я было»; так же говорит о себе и бутылочное горлышко в книге А.М. Пешковского «Наш язык» [1, с. 272].

Типичное употребление местоимения *оно* – после пресуппозитивного существительного. Однако в русском дискурсе встречается не только ситуация «имя суще-

ствительное → местоимение», но и обратная «местоимение → имя существительное». В.В. Виноградов, обосновывая такие

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С её холодною красою
Любила русскую зиму.*

Местоимение употребляется в качестве указания не на предыдущее имя существительное, а на последующее [1, с. 266].

Употребление местоимения третьего лица перед именем существительным, которое местоимение замещает, называется синтаксической антиципацией. Под синтаксической антиципацией (от лат. *anticipatio* – предвосхищение) понимают стилистическую фигуру, которая состоит в отклонении от обычной линейной последовательности элементов предложения или текста. При этом предвосхищающий (антиципирующий) элемент, обычно местоимение, употребляется до прямого обозначения объекта предвосхищаемого (антиципируемого) элемента, с которым первый семантически и синтаксически соотнесён. Основная функция антиципации в художественной литературе – интригующе-актуализирующая. Эта стилистическая фигура призвана активизировать интерес адресата речи [2, с. 294, 295].

Бытование синтаксической антиципации в художественном тексте может ограничиваться пределами одного предложения, сложного синтаксического целого, однако способно распространяться и на значительный текстовый сегмент. Синтаксическая антиципация может выполнять роль композиционно-синтаксического каркаса текста в целом. А.Х. Никитина приводит примеры из рассказа В. Шукшина «Чудик», повести В. Быкова «Карьер», в которых антиципация «принимает глобальный характер» [3, с. 15–16].

Исследуя синтаксические конструкции с антиципацией как экспрессивное средство современного русского литературного языка, А.Х. Никитина выявляет для них ряд текстообразующих и композиционно-стилистических функций. Исследователь говорит о широких возможностях синтаксической анти-

отношения, приводит пример из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина:

ципации в генерировании текста, отмечает, что «экспрессивные функции синтаксической антиципации связаны с приращением выразительного начала. Здесь выделим актуализирующую функцию, эмоционально-оценочную, интригующую, изобразительную, характерологическую и функцию грамматической характеристики» [3, с. 17]. Полагаем, что названные функции в целом свойственны экспрессивному синтаксису русского языка, тогда как ведущей функцией для синтаксической антиципации, как отмечалось, следует признать интригующе-актуализирующую.

В целом А.Х. Никитина склонна к широкому толкованию приёма синтаксической антиципации, следуя за концепцией Ш. Балли, который полагал, что в лингвистике мы имеем дело с антиципацией, когда знак, необходимый для понимания другого, предшествует последнему, вместо того чтобы следовать за ним [4]. А.Х. Никитина очерчивает широкие горизонты изучения антиципации «в различных жизненных сферах: в медицине, в музыке, в логике» [3, с. 6].

При описании антиципирующего употребления местоимений одни ученые последовательно прибегают к понятию «антецедент» (лат. ‘предшествующее’; от греч. ‘возводить к чему-либо, возвращать’, лексический эквивалент местоименного слова). Так, например, поступает Е.В. Падучева [5]. Другие, в частности С.В. Соколова [6], ограничиваются понятием анафоры. В.В. Бабайцева также избегает говорить об антецеденте, при необходимости используя описательные обороты [7, с. 45].

Характеризуя синтаксическую антиципацию, А.П. Сковородников применяет термины с прозрачной внутренней формой: антиципирующий (предвосхищающий) элемент и антиципируемый (прямое обозначение). При этом к антиципирующим элемен-

там учёный фактически относит не только местоимения, но и имена существительные с пониженным уровнем конкретности (гиперонимы), например: *В большом почёте эта трава у педиатров. Она помогает уберечь нежную детскую кожу от различных заболеваний. Не менее популярна череда* [выделено А.П. Сковородниковым] *и у дерматологов* (СР, 15 окт. 1986). Антиципирующие элементы – «эта трава», «она»; антиципируемый – «череда» [2, с. 294].

Таким образом, понятие антецедента заменено описательным оборотом «антиципируемый элемент». В данной статье для терминологической ясности мы следуем за терминологией А.П. Сковородникова.

Синтаксическая антиципация местоимений *он* и *она* в целом обстоятельно опи-

сана в лингвистических и литературоведческих исследованиях; визитной карточкой «местоименной интриги» стал рассказ А. Чехова «Моя она». На протяжении небольшого рассказа читатель гадает, кто же такая *она*, которая «толкает меня под локоть и ежесекундно, как древняя Клеопатра не менее древнего Антония, манит меня к ложу. ...она разоряет меня, как французская кокотка. За её привязанность я пожертвовал ей всем: карьерой, славой, комфортом». Только в последнем предложении читатель узнаёт: «...Её зовут – *Лень*». А.Н. Гвоздев приводит пример интригующе-актуализирующего употребления местоимения *он* в стихотворении К. Симонова «Всю жизнь любил он рисовать войну» [8, с. 119]:

*Всю жизнь любил он рисовать войну (1).
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошёл ко дну (2),
Не дописав последнюю картину.*

*Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко
И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока (3).*

Только в конце стихотворения адресат понимает, что антиципирующий местоименный субстантиват *он* в (1), (2), (3) соотносится не с одним, а с разными референтами и, следовательно, имеет обобщающий характер.

М.М. Бахтин отмечал использование антиципации местоимений третьего лица в поэзии Ин. Анненского: «Синтаксис харак-

терен нарочитой неправильностью в расположении слов: постановкой местоимения перед существительным...» [9].

Г.С. Сырица, анализируя актуализацию авторских смыслов в художественном тексте, подчеркивает особое употребление местоимения третьего лица *она* в стихотворении А. Тарковского «Перед листопадом»:

*Там в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В жёлтом, и синем, и красном – на что ей
Память моя? Что ей память моя?*

Исследователь отмечает: «Местоимение *ей* одновременно соотносится с лирической героиней – в многоцветье прекрасных летних нарядов – и с осенью (листопадом)» [10, с. 60].

Прецеденты изучения синтаксической антиципации для омокомплекса *оно* существуют. В первую очередь они связаны с

бытованием *оно*, пришедшего из творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина [11], а также с примерами антиципирующего употребления *оно* у классиков русской художественной литературы XIX века [12 ; 13].

В XIX веке Е.А. Баратынский придумал интересный приём противопоставления понятий *душа* и *тело*:

*Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеши;
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь, а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменяя,
Как в мрак пустой бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!*

Литературоведы обратили внимание на то, что антитеза *душа – тело* осуществляется не только противопоставлением этих понятий, выраженных соответствующими именами существительными, но и с помощью личных местоимений. По мнению Е.Г. Эткинда, в стихотворении Е.А. Баратынского «грамматический род слова осмысливается как трагический факт» [14, с. 404]. «Как персонифицировать бессмысленную оболочку откипевшей души? Баратынский нашёл способ чрезвычайной смелости. Тело воплощено местоимением среднего рода» [15, с. 82].

И.Н. Сухих отмечает, что в 1869 году, когда М.Е. Салтыков-Щедрин уже работает над «Историей одного города», своё «оно» предьявляет читателю Л. Толстой [16]:

[Описание борьбы и поражения князя Андрея за жизнь во сне, незадолго до смерти] *И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно... Оно вошло и оно есть смерть. И князь Андрей умер.*

Учёный подчеркивает, что содержание этих трёх «оно» глубоко различно, хотя можно говорить о сходном типе построения образа. «Воплотившееся местоимение» подчёркивает ужасающий алогизм происходящего. Попутно заметим, что обстоятельное описание функционирования местоимений третьего лица *оно, она* в анализируемом текстовом сегменте Л. Толстого, а также в эпизоде противопоставления местоименного субстантивата *она* в значении ‘болезнь’ и в значении ‘смерть’ в «Смерти

Ивана Ильича» содержится в ряде работ [17 ; 18, с. 107 ; 19].

Если Е.А. Баратынский создаёт условия «увеличения» расстояния между местоимением и антиципируемым элементом, Л.Н. Толстой употребляет антиципирующее местоимение *оно*, раскрывая антиципируемый элемент с нарушением по согласованию в грамматической категории рода, то М.Е. Салтыков-Щедрин поступает ещё более радикально: сгущая атмосферу страха, загадочности, неопределённости, четырёхжды меняет план изображения: *оно неслось... оно было ещё не близко... оно близилось... оно пришло* [16]. Однако вместо последующего антиципируемого элемента (прямого обозначения объекта) следует парафраз из Апокалипсиса.

Рассмотрим более обстоятельно функционирование омокомплекса *оно* в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». *И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно* (1). *Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны – ломится уже, надавливая, ломится в неё. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удержать её. (...) Ещё раз оно надавило оттуда* (2). *Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло* (3), *и оно есть смерть* (4). *И князь Андрей умер* (Л. Толстой. Война и мир).

В приведённом текстовом сегменте содержится четыре примера с омокомплексом *оно*. В (1) использован приём синтаксической

антиципации, прономинальная лексика предшествует номинальной. Острота интриги (интригующе-актуализирующей функции) усиливается тем, что субстантиват *оно* помещён не внутри номинативной цепочки *что-то страшное / нечто ужасное* → местоимение третьего лица → прямая номинация, а вынесен в начало сложного синтаксического целого.

В работе Е.П. Иванян «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» понятие *номинативной цепочки* предложено как элемент методологической основы анализа бытования прономинальной лексики в дискурсе [20, с. 106–107]. Исследователь показывает, что неопределённость субстантивата *оно* в антиципирующем употреблении принципиально отличается от лексико-грамматической неопределённости неопределённых местоимений *кто-то, что-то, некто, нечто* и проч., а также нечленимых субстантивированных сочетаний, содержащих названные местоимения. Е.П. Иванян отмечает, что местоимение *оно* не применяется в интродуктивной функции. Следование местоимения 3-го лица, в том числе и с неопределённым значением, за неопределёнными местоимениями соответствует поступательному развитию текста от неопределённого к определённому [20]. Так логика человеческого познания следует от неизвестности, неясности, неопределённости к определённости, конкретности.

Анализ функционирования омокомплеса *оно* в синтаксической антиципации показал его отличие от прономинативов *он* и *она* в интригующе-актуализирующей функции.

Местоимения *он, она* выступают в дискурсе как единичный и автономный антиципирующий элемент, а омокомплекс *оно* в синтаксической антиципации входит преимущественно в состав антиципирующей номинативной цепочки, например:

И тут вдруг на повороте у «царского сада» что-то мелькнуло – человек, не человек, и собака как будто не собака, а что-то такое, от чего моя немного пугливая

лошадь шарахнулась в сторону и мы с кучером оба чуть не вылетели из саней. И с этих пор это «что-то» так и пошло мелькать и шмыгать за мною, то передо мною: то исчезнет где-то в тени, то опять неожиданно выскочит. Понять нельзя, что это за нежить мечется, только что остановился я у подъезда моей квартиры, близ церкви святого Андрея, – это «оно», эта нежить опять словно тут была... (Н. Лесков. Владычный суд, 1877).

Антиципация выражена номинативной цепочкой:

что-то → человек, не человек → собака как будто бы не собака → *что-то* такое → это «что-то» → нежить → это «оно». Как видно из примера, омокомплекс *оно* в качестве антиципирующего элемента не выполняет интродуктивную функцию; следует не в начале антиципирующей номинативной цепочки, а почти что завершает её. См. также:

Ощущение трехлетнего, где «папа», «мама», «няня» бегут от «этого» (не логизированного «нечто»); оно потом дегенерирует в «буку», которым пугают меня. Это моя игра в страх (А. Белый. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития, 1928).

В примере антиципирующие элементы состоят из прономинативов:

это → не логизированное «нечто» → *оно*. Антиципируемый элемент *бука* выражен конкретным именем существительным, хотя и с трансцендентальной семантикой. Ср. также:

Что-то бесформенное и чудовищное, мутное и липкое тысячами толстых губ присасывалось к Юрасову, целовало его, (...) гоготало. И орало оно тысячами глоток, свистело, выло, клубилось по земле, как бешеное... (Л. Андреев. Вор, 1904).

Антиципирующие элементы: *что-то бесформенное и чудовищное* и *оно*. Омокомплекс *оно* снова следует за другим антиципирующим элементом в составе антиципирующей номинативной цепочки.

То, что он увидел, не было на этот раз ни деревом, ни птицей, как он уже привык, а было что-то живое, что подвигалось ему наперерез по меже. Не было оно похоже ни на человека, ни на корову, а имело вид неопределённый (Ю. Казаков. Кабиасы, 1961).

Пример интересен тем, что в состав антиципирующей номинативной цепочки входят отрицательные конструкции (*ни дерево, ни птица, ни человек, ни корова*). Местоимение *оно* сохраняет свою позицию в составе антиципирующей номинативной цепочки за неопределённым местоимением *что-то*: *что-то живое* → *оно*.

Первой номинацией в антиципирующей номинативной цепочке может выступать отадективный субстантиват, например:

(1) *Мой «случай с городской учёбой» ставился под удар. На выручку пришло «страшное». Оно заслонило всё остальное* (П. Бажов. Дальнее – близкое, 1945–1949);

(2) *Тёплое, страшноватое. От чего почти невыносимо расширялась грудь. «Я люблю тебя», – подумал он, обращаясь незнамо к чему. Оно услышало и дало отзыв. Я ТОЖЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПАКОР* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. Сентиментальная прогулка, 1997).

В антиципирующую часть способны входить повторяющиеся, синонимичные номинации, уточняющие номинации, номинации с семантикой приблизительности (*то ли..., то ли ...или не то..., не то...*), но в целом логика развёртывания этапов познания, этапов восприятия сохраняется.

Синтаксическая антиципация – высокочастотный приём непрямого употребления омокомплеса *оно*; составляет свыше 45% от общего числа собранных нами не прямых употреблений названного прономинатива. Каковы же денотаты, с которым соотносится омокомплес *оно*? Что является антиципируемым элементом? Денотат антиципирующего *оно*, прежде всего, трудно определяемый для адресанта, часто абстрактное логическое понятие, нечто враждебное человеку, страшное, опасное, часто

такое, с чем трудно или даже невозможно справиться, например:

(1) *Вот если бы Бог был – ну хотя бы не Бог, а что-то высшее, чем законы физики, химии, я сказал бы Ему: «Я болен...» – и Оно ответило бы мне: – Это верно. Вот беда какая, ты болен* (А. Володин. Одноместный трамвай // Библиотека «Огонёк», 1990);

(2) *Вот я сижу в тюрьме и наконец понимаю что-то главное. Должно же существовать это «что-то». И оно как ключ ко всему...* (А. Битов. Бездельник, 1961–1962);

(3) – *Я поумнел зато. Что-то в мозгах щёлкнуло, и я поумнел. Собственными ушами слышал, как оно щёлкнуло. На четыре стороны света простерлись дороги* (В. Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь, 1941–1943);

(4) *Виктория тянула за собой ещё что-то. Что – он не мог вспомнить. Оно цеплялось снизу за поверхность памяти, но не могло продрасться сквозь плёнку забвения или растерянности* (А. Пятигорский. Древний Человек в Городе // Октябрь, 2001).

В (1), (2) (3), (4) денотат не может быть назван конкретным именем существительным, поскольку описана ментальная сфера человека.

Часто при помощи антиципирующей номинативной цепочки, включающей и омокомплес *оно*, описывается экзистенциальный вакуум, например:

(1) *Постепенно в небе начинают проступать и сменяются с нарастающей скоростью множество образов. Имя это – Ничто. Так оно выглядит* (М. Бутов. Свобода // Новый мир, 1999);

(2) *Мы оба ночные птицы. Полетим в ночное никуда. Ты знаешь, есть утреннее никуда, оно сначала розовое и прозрачное, а затем жёлтое и пыльное, как ядовитый туман* (И. Адамацкий. Утешитель // Звезда, 2001);

(3) [Исследуют эффекты, их воздействие на человека] *Точнее, искали то НЕ-ЧТО, что вызывает кошмары и каким об-*

разом **ОНО** это делает (С. Смирнов. Зеркало // Техника – молодёжи, 1977).

Антиципирующее *оно* может входить не только в предваряющее описание ментальной сферы, но и в описание сферы чувств, например:

Что-то большое, красивое, печальное стояло над ним, над полями и рекой, что-то прекрасное, но уже отрешённое, и оно сострадало ему и жалело его (Ю. Казаков. Вот бежит собака! 1961).

Обобщая всё многообразие речевых употреблений антиципирующего *оно*, назовём следующие группы денотатов, которые данный омокомплес антиципирует: 1) абстрактное понятие (сфера мыслей, чувств, ощущений, сюда же следует отнести персонификации чувств и эмоций); 2) живое, но трудно вербализуемое существо (человек, животное, насекомое, нежить и т.п.); 3) явления природы, погода, вызывающие сомнение в их определении (*то ли дождь, то ли снег*);

Начало стихотворения:

*Свободно оно – еле узнанное. Плещет, брызгается, плывёт высоко
Столь выше и дальше, что лупы слабеет связь, близоруко с земли пучась
Доброе... Погремушку качает над узами. Приплясывая босиком
Без фальши... без дна... в потолок смеясь... сморкаясь лучами кипучими (...)*

Далее следует перечисление характеристик *оно*:

*Светлое оно – летит пиджаком. Летит с плечиков к черту, к Богу!
Без компаса прёт!..*

Другие характеристики *оно* наводят читателя на мысль, что за шифруемым понятием скрывается персонификация самой личности, чувств и мыслей человека:

А оно... Оно знаешь какое... Вдруг, втемьяшится! морда в росе!.. пультёт лучом поутру.

Наверное, это самая свободная часть личности человека:

*Оно хам! Оно плюётся в тебя звоном, светом!.. И ни во что не ставит твой скарб.
Оно подыхает с тоски!.. в музее твоих достижений.*

В последней трети стихотворения приводится антиципируемый элемент:

*Оно – умище... Не ты его, оно тебя будет брать
Хранить (...)*

Завершается стихотворение констатацией факта:

*И это Оно сделает тебя мальчиком для битья... Порвет гармонию в твоей октаве
И только Оно будет любить тебя вечно, как свой единственный Смысл*

(Шапошникова С., 2007. URL: <http://www.stihi.ru/2007/08/20-423> (дата обращения: 13.08.2019); сохранены пунктуация и орфография автора).

Всё же концовка стихотворения заставляет читателя размышлять, что же под-

4) конкретный предмет. Их процентная соотнесённость такова: абстрактное понятие – 37%; живое, но трудно вербализуемое существо – 39%, явления природы, погода, вызывающие сомнение в их определении, – 20%, конкретный предмет – 4%.

Примеры на первую группу денотатов см. выше.

Полагаем, что художественные тексты из «сетевой литературы» являются своеобразным маркером наличия и проявления той или иной тенденции в современном русском языке. Характеризуя синтаксическую антиципацию с омокомплесом *оно*, нельзя обойти молчанием примеры бытования названного явления в этой заметной сфере. На сайте «Стихи.ру» размещено стихотворение С. Шапошниковой «Оно». Омокомплес *оно* представлен в антиципирующей функции. Две трети стихотворения сохраняются интрига, что значит *оно*?

разумеается под *оно* в данном тексте? Вряд ли так вольно ведёт себя «умище» че-

ловека. Скорее, это подсознание человека. Тогда помимо антиципирующей функции названного омокомплекса следует говорить о терминологическом употреблении прономинатива, об актуализации значения 'бессознательное'.

Антиципирующее употребление *оно* возможно не только в художественной речи, но и в других письменных разновидностях речи, например:

(1) [О таланте актера] *Посадили что-то новое – ну дайте ему вырасти. Нет! Оно ещё не выросло, а они уже на росток – фу!* (В. Смехов. Театр моей памяти, 2001);

(2) *До сих пор Франция стояла на краю гибели. Нужно было поднять народный дух. Нужно было совершить нечто сверхъестественное. Оно совершено. Франция возродилась* (П. Ковалевский. Орлеанская дева, 1900–1910).

Примеры второй группы денотатов, обозначающих живое, но трудно вербализуемое существо, многочисленны, при этом адресант, как правило, затрудняется выбрать точную номинацию, но воспринимает существо или явление не только как существующее, но и как непосредственно наблюдаемое, например:

Шаги. Я знаю, что в комнате никого нет, раз я сижу в коридоре. И тем не менее оттуда кто-то идёт. Сейчас оно покажется из-за угла. Внезапно я понимаю, кто это. Это (...) – я сама (М. Палей. Евгения и Аннушка, 1990).

Мы нарочно расширили в примере правосторонний контекст, чтобы показать, что антиципирующее употребление *оно* «тяготеет» к странному, аномальному иррациональному описанию действительности.

Современные исследователи отмечают, что большое количество местоимений и местоименных слов, не соотнесённых с соответствующими именами, служит созданию таинственности, неизвестности, недосказанности [10, с 38].

Следует разграничивать антиципирующее применение омокомплекса *оно* (в таких случаях *оно* – преимущественно местоименный субстантиват) и употребление *оно* в качестве синкретичного образования, совмещающего признаки место-

имения, существительного и частицы без последующей катафоры. См. примеры В.В. Виноградова:

Старайся жить, оно не так легко, как кажется (Тургенев. Фауст);

Меньше иллюзии будет... Оно полезнее (Боборыкин. Обречена).

В таких контекстах *оно* синонимично местоимению *это*, в подобных употреблениях в омокомплексе актуализируется сема указательности.

В нашем исследовании бытование омокомплекса *оно* в синтаксической антиципации в русском дискурсе отмечено в 45% от общего числа собранного нами языкового материала.

Денотатами омокомплекса *оно*, употреблённого в синтаксической антиципации, являются 1) абстрактное понятие (сфера мыслей, чувств, ощущений, сюда же следует отнести персонификации чувств и эмоций); 2) живое, но трудно вербализуемое существо (человек, животное, насекомое, нежить и т.п.); 3) явления природы, погода, вызывающие сомнение в их определении (*то ли дождь, то ли снег*); 4) конкретный предмет.

Спецификой участия омокомплекса *оно* в синтаксической антиципации по сравнению с применением прономинативов *он* или *она* является то, что первый представлен преимущественно в составе номинативной цепочки, то есть в ряду антиципирующих элементов, тогда как вторые при реализации интригующе-актуализирующей функции в тексте представлены одиночно, без других антиципирующих элементов.

Среди лингвистических экспериментов антиципирующего употребления местоимений третьего лица поэтами и писателями XIX века А.С. Пушкиным, Е.А. Баратынским, А.А. Фетом, А.П. Чеховым и др. наиболее радикальное решение предложил М.Е. Салтыков-Щедрин, применив в финале романа «История одного города» синтаксическую антиципацию без антиципируемого элемента. «Лингвистический эксперимент» Салтыкова-Щедрина стал резонансным для всей последующей русской литературы и, в частности, породил интертекстемы с омокомплексом *оно*.

* * *

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Сковородников А.П. Сегментированная синтаксическая конструкция // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты : энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта : Наука, 2005. С. 283–285.
3. Никитина А.Х. Синтаксические конструкции с антиципацией как экспрессивное средство современного русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990. 24 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 272 с.
6. Соколова С.В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 202 с.
7. Бабайцева В.В. Местоимение «это» и его функциональные омонимы. М. : Флинта : Наука, 2014. 168 с.
8. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М. : Просвещение, 1965. 408 с.
9. Бахтин М.М. Анненский (из «Лекций по истории русской литературы») // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Толстом, 1929. Приложение: Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. М. : Русские словари, 2000. С. 339–342.
10. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект. М. : Флинта, 2014. 160 с.
11. Павлова И.Б. Роль символа «оно» в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Филологические науки. 1979. № 3. С. 85–86.
12. Паклина Л.Я. К расшифровке финала «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина // Вопросы сюжета и композиции. Горький : ГГУ, 1978. С. 77–84.
13. Федорченко Е.А. Местоименные контаминанты в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 20 с.
14. Эткинд Е. Г. Психопоэтика. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 704 с.
15. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л. : Советский писатель, 1974. 409 с.
16. Сухих И.Н. Русский язык и литература. Литература (базовый уровень) : учебник для 10 класса. В 2 ч. Ч. 1. М. : Академия, 2016. 238 с.
17. Ерёмкина Л.И. Рождение образа. О языке художественной прозы Л. Толстого. М. : Наука, 1983. 192 с.
18. Сеничкина Е.П. Мнимые неправильности в произведениях Л.Н. Толстого // Русская словесность. 2003. № 3. С. 66–70.
19. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке. М. : МГУП, 2004. 78 с.
20. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М. : Флинта : Наука, 2015. 307 с.

**ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ «ТОПОЛЬ – ЧЕЛОВЕК»
КАК ПРИЕМ ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ЛИРИКЕ XIX–XX ВЕКОВ**

**THE FIGURATIVE PARADIGMS “POPLAR – MAN”
AS A WAY OF PERSONIFICATION IN THE LYRICS OF THE XIX–XX CENTURIES**

©2020

М.Г. Соколова

M.G. Sokolova

В статье анализируется сочетаемость дендронимов с антропоморфными метафорами в составе образных парадигм как прием персонификации в лирике XIX–XX веков. Установлена семантическая структура образных парадигм тематической сферы «Человек», состоящая из пяти парадигм: 1) «тополь – поведение человека»; 2) «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; 3) «тополь – части тела человека»; 4) «тополь – социальные признаки человека»; 5) «тополь – библейские, мифологические и т.п. существа». Выявлен состав образов сравнения в рамках каждой парадигмы, обозначающих: 1) речевую деятельность и звуки; 2) физические действия, процессы и их результат; 3) психическую деятельность; 4) физиологические состояния; 5) физические особенности, возраст, особенности образа жизни, привычки, черты характера, свойства человека; 6) части тела человека; 7) род занятий, положение в обществе, родственные связи; 8) библейские, мифологические и т.п. существа. Определены типы персонификации деревьев в поэтическом языке XIX–XX веков по частеречной принадлежности образов сравнения: глагольная, субстантивная персонификация; адъективная персонификация; наречная персонификация. Доказано, что наиболее часто персонификация в поэтическом языке выражается путем сочетаемости предметов сравнения с глагольными метафорами и метафорическими определениями. Выделены аспекты, задающие область сходства компонентов образной парадигмы: «внешний вид», «состояние», «звук», «действия», «цвет», «густота листового покрова», «форма».

Ключевые слова: русская поэзия; поэтический язык; дендронимы; образная парадигма; образ сравнения; предмет сравнения; тропы; персонификация; олицетворение; антропоморфизм; метафора; семантическая структура; поэтический образ; аспект сравнения; категория рода; частеречная классификация персонификации.

The article analyzes the compatibility of dendronyms with anthropomorphic metaphors as parts of the figurative paradigms as the way of personification in the lyrics of the nineteenth and twentieth centuries. The semantic structure of the figurative paradigms of the thematic sphere “man” was established, it consists of 5 paradigms: 1) “poplar – human behavior”; 2) “poplar – external features and internal qualities and properties of a person”; 3) “poplar – part of the human body”; 4) “poplar – social features of a person”; 5) “poplar – biblical, mythological, etc. creatures”. The complex of images of comparison within the framework of each paradigm has been revealed: 1) speech activity and sounds; 2) physical actions, processes and their results; 3) mental activity; 4) physiological state; 5) physical features, age, features of lifestyle, habits, character traits, properties of a person; 6) parts of the human body; 7) occupation, position in the society, family bonds; 8) biblical, mythological and other creatures. The types of personification of trees are defined according to a part of speech of the comparison images: verb, nouns personification, adjective personification, adverb personification. It is proved that the most frequent personification in the poetic language is expressed by combining the objects of comparison with verbal metaphors and metaphorical definitions. The aspects that define the similarity of the components of the figurative paradigms are highlighted: “appearance”, “state”, “sound”, “action”, “color”, “density of leaf cover”, “form”.

Keywords: Russian poetry; poetic language; dendronyms; figurative paradigm; comparison image; the subject of comparison; tropes; personification; anthropomorphism; metaphor; semantic structure; poetic image; aspect of comparison; category of gender; classification of personification based on speech parts.

Антропоморфная метафоризация является одним из важнейших способов персонификации предметных реалий, то есть их одушевления [1 ; 2], что обусловлено «взаимосвязью соответствующих денотатов в реальной действительности: ситуациями, в которых человек-деятель манипулирует

разными предметами» [3, с. 158]. Современные лингвисты неоднократно отмечали активное использование наименований растений, в том числе и дендронимов, в качестве персонифицируемых слов компаративных тропов [4–6]. Однако данное явление в настоящий момент исследовано пре-

имущественно на материале фразеологии и фольклорных текстов.

Антропоморфизм в создании мифопоэтических образов деревьев рассматривался в трудах А.Н. Веселовского, А.Н. Афанасьева, О.М. Фрейденберг [7–9], особенности взаимоотношений первобытного человека и природы раскрыты в фундаментальных исследованиях [10–12].

Персонификация как прием поэтического изображения растений гораздо реже становилась объектом изучения в лингвистических работах [3 ; 13]. Недостаточной изученностью характеризуется общая теория персонификации [14 ; 15], в частности вопрос о соотношении персонификации и метафоры [16 ; 17].

В настоящей статье предметом исследования выступает сочетаемость дендронимов с антропоморфными метафорами в составе образных парадигм как прием персонификации в русской лирике XIX–XX веков. При определении предмета исследования мы исходим из понимания образной парадигмы как устойчивого инварианта ряда поэтических образов, образуемого двумя компонентами: предметом сравнения и образом сравнения, например: «тополь – монах» [18 ; 19]. Реализация образной парадигмы в контексте антропоморфной метафоризации предполагает уточнение названий компонентов структуры парадигмы: олицетворяемое слово, обозначающее предмет сравнения (дендроним), – метафоризируемые слова, принадлежащие семантической сфере образа сравнения (человек) [1].

Цель предлагаемой статьи – выявить семантическую структуру и грамматические особенности образных парадигм «тополь – человек» в аспекте репрезентации персонификации в русской лирике XIX–XX веков.

Материалом для исследования стали 311 фрагментов поэтических произведений XIX–XX веков, содержащие персонификацию образа тополя посредством образных парадигм «тополь – человек», отобранных из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [20].

Семантическая структура образных парадигм тематической сферы «Человек» включает пять парадигм, выделяемых на основе семантической общности образов сравнения (метафоризируемых слов), актуализирующих персонифицированный образ тополя (предмета сравнения):

1) «тополь – поведение человека» (50% – процент везде указывается от общего количества образов сравнения в данной тематической сфере);

2) «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека» (16,7%);

3) «тополь – части тела человека» (10,8%);

4) «тополь – социальные признаки человека» (13,7%);

5) «тополь – библейские, мифологические и т. п. существа» (1%).

Оставшиеся 7,8% образов сравнения составляют обратимую парадигму «человек – тополь», в которой предмет и образ сравнения меняются местами.

В рамках первой парадигмы персонифицированный образ тополя в поэтическом языке создается с помощью образов сравнения, обозначающих:

– речевую деятельность и звуки: *лепетать, петь, ропот, приветствовать, спор* и др.;

– физические действия, процессы и их результат: *бегать, встать, кланяться, лить, пить, плыть, поймать, помогать, разбежаться, рваться убежать* и др.;

– психическую деятельность: *печаляться, потрясение, спокойствие, соболезновать* и др.;

– физиологические состояния: *бредить, вздохнуть, замечтаться, замирать, мучимый, немота, обмлеть, озноб, ошалеющий, полусон, спать, удивленный* и т. п.

С точки зрения частеречной принадлежности метафоризируемых слов (образов сравнения) в поэтическом языке используется преимущественно глагольная персонификация деревьев: *бегущий, влюбленный, горевать, дремать, засыпая, кланаясь, стесниться, сорваться* и др. Кроме гла-

гольной персонификации, в рамках названной парадигмы встречаются и другие ее типы:

– субстантивная персонификация: *жажда, лепет, любовь, недуг, память, пение, песнь, сон, тоска*;

– адъективная персонификация: *больной, сонный*;

– наречная персонификация: *больно, насмешливо*.

Анализируемый материал позволяет сделать вывод о том, что основными аспектами уподобления дерева поведению человека в поэтических контекстах являются:

– «звук» (шелест листвы на ветру по звуку напоминает человеческую речь);

– «состояние» (состояние человека переносится на изображение тополя);

– «действия» (производимые деревом действия вызывают ассоциацию с поведением человека).

Приведем иллюстративные примеры: *В самом сердце тополь шепчется с дождем* (Вс. А. Рождественский «Ты лети, рябина, на гранитный цоколь...». 1923); *Но день померк; главой качаясь сонной, / Заснули тополи, умолкли гальционы* (А.Н. Майков «Я в гроте ждал тебя в урочный час...». 1840–1841); *Смотрится тополь в окно, / Весь озаренный луной* (Д.М. Ратгауз «Снова, как прежде, один...». 1893); *Вон тополя шагают по цепочке, выбрасывая по команде почки* (С.В. Петров «Как только мне помыслится о тлени...». 1946) и т. п.;

В рамках второй парадигмы персонифицированный образ тополя в поэтическом языке выражается посредством образов сравнения, обозначающих физические особенности, возраст, особенности образа жизни, привычки, черты характера, свойства человека.

Метафоризируемые в процессе персонификации слова, как правило, принадлежат к адъективной и реже субстантивной лексике: *бедный, великан, гордый, кудрявый, ленивый, молодой, нежный, нетленный, одинокий, стройный, чинный* и т. п.

Аспектами, задающими область сходства компонентов данной образной парадигмы, являются:

– «внешний вид» (форма кроны и листвы, размер растения, характер поверхности, цвет и т. п. признаки служат источником персонификации дерева);

– «состояние» (субъективное восприятие субъекта переносится на предмет изображения). Например, *В возгавьи стройный тополь вырос / И в небо врезался стрелой, / Как мысль* (В.Г. Бенедиктов. Могила в мансарде. 1839); *Она по-девичьи скользила, порой за камушек задев, а тополь – молодой верзила – шел рядом с нею, обалдев* (С.В. Петров. «Средь облаков, песков, лугов...». 1934); *Тополь-ленивец, разбужен, жметя от холода, листьями что-то лопочет* (С.В. Петров. Рынок. 1940); *О, тополь нежный, тополь черный, / Любимец свежих вечеров!* (В.В. Хлебников. Каменная баба. 1919) и др.

Образы сравнения в составе остальных из перечисленных выше парадигм представлены преимущественно субстантивной лексикой, обозначающей:

– части тела человека: *голова, кровь, нервы, ноги, прическа, рана, рот, руки, спина, тело, уши, чело, язык и др.*;

– род занятий, положение в обществе, родственные связи: *брат, богослов, друг, инвалид, король, маг, милиционер, монах, отец, полковник, ровесник, рыбак, сирота, сторож, суфлер*;

– библейские, мифологические и т.п. существа: *призрак, титан*.

Аспектами персонификации посредством образов сравнения данных парадигм также являются внешние признаки: «цвет», «густота лиственного покрова», «форма» и т.п.: *Кивает мокрой головою / Любой из встречных тополей, / И сад как будто больше вдвое, / Шумнее, ярче и светлей* (В.Т. Шаламов «Дождя, как книги, слышен шелест...». 1937–1956); *Навсегда ль приказом царских очей / На глазах клена, липы, тополя / Заживо погребен ручей?* (В.А. Молина «Дикая. Тихая...». 1923–1924); *Зябнет тополь сиротливый, / Стынут маленькие*

руки (В.К. Обухов. Кукольная маркиза. 1933); *Играя мальчиком у тополя-титана, / Планету выдумал я раз для детворы, / И прозвище ей дал, гордясь* (Д.Л. Андреев. Орлионтана. 1955) и др.

Метафоризируемые слова (образы сравнения) исследователи называют олицетворяющим контекстом [1]. Олицетворяющий контекст, указывающий на предмет сравнения – деревья, в русской лирике XIX–XX веков, по нашим наблюдениям, выражается следующими способами:

– метафорой и сравнением (*И грезит пруд, и дремлет тополь сонный, / Вдоль туч скользя вершиной заостренной, / Где воздух, свет и думы – заодно* (А.А. Фет. Знакомке с юга. 1854); *Сонные тополи в дали горько вздохнули, мучимы вечным обманом, скучным и бедным* (Андрей Белый «Бедные дети устали...». 1902); *И тополи, стеснившись в ряд, / Качая тихо головою, / Как судьи, шепчут меж собою* (А.С. Пушкин. Полтава. 1828–1829); *В возгавьи стройный тополь вырос / И в небо врезался стрелой, / Как мысль* (В.Г. Бенедиктов. Могила в мансарде. 1839); *Ряды огромных тополей / К реке сходились, как гиганты, / И загорались бриллианты / В зубчатом кружеве ветвей...* (М.А. Волошин «Закат сиял улыбкой алой...». 1904));

– эпитетом (*Я древний тополь, горд и степен* (И.Н. Молчанов. Тополь. 1926); *Ленивых тополей теперь не жаль: / Взвился пузатый парус над тобой* (М.А. Кузмин «Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!...». 1924));

– риторическим обращением (*Спи, тополь, спи – иль наяву от тли погибнешь здешних мест* (А.С. Присманова. Дорога. 1936); *Лишь ты один над мертвыми степями / Таишь, мой тополь, смертный свой недуг / И, трепеща по-прежнему листьями, / О вешних днях лепечешь мне, как друг* (А.А. Фет. Тополь. 1859)).

Представленная частеречная характеристика образов сравнения в составе парадигм «тополь – человек» подтверждает научные положения о том, что наиболее

часто персонификация в поэтическом языке выражается путем сочетаемости предметов сравнения с глагольными метафорами и метафорическими определениями [2].

Следует отметить, что не всегда категория рода прямо задает направление антропоморфной метафоризации по формуле «род – пол». Рассматриваемый материал демонстрирует, что в поэтических контекстах лексема *тополь*, имеющая значение мужского рода, может являться носителем как мужского, так и женского образа: *Она по-девичьи скользила, порой за камушек задев, а тополь – молодой верзила – шел рядом с нею, обалдев* (С.В. Петров. «Средь облаков, песков, лугов...». 1934); *О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая, / Пригнутая к земле, как тополь молодая* (А.К. Толстой «О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая...». 1858); *Кругом меня – немые тополя, / Как женщины, завернутые строго* (В.Я. Брюсов. In hac lacrimarum valle. 1902). Подобная полусемантическая амбивалентность («катахреза» [1]) тополя объясняется как собственно языковыми причинами, так и фольклорной и мифопоэтической традицией [21]. Во-первых, принадлежность лексемы *тополь* к мужскому роду оформилась в русском литературном языке не сразу; во-вторых, в русской народной лирике широко распространена образная ассоциация «тонкое дерево – девушка» (одно из природных свойств тополя – тонкий ствол и гибкость ветвей) [22], в-третьих, в мифах разных народов тополь часто отождествлялся с женским образом.

Таким образом, в русской лирике XIX–XX веков персонификация является не столько важным когнитивным механизмом мировосприятия, свойственным первобытному обществу, – антропоморфизмом (одушевление и обожествление природных сил и материальных объектов), – сколько эстетическим приемом. Тополь, будучи элементом сезонного пейзажа, часто изображается как собеседник-адресат лирического героя, самостоятельный субъект действия.

* * *

1. Москвин В.П. Русская метафора : очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Ленанд, 2006. 184 с.
2. Емельянова О.Н. Олицетворение // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М. : Флинта : Наука, 2005. С. 190–192.
3. Петрова З.Ю. Семантическая сочетаемость классов метафор и сравнений в языке художественной литературы (классы «Ткани, изделия из тканей» и «Человек») // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. М. : Московский университет, 2019. С. 158–159.
4. Капишева Т.Ю. Опыт сопоставления структурно-семантических и когнитивных категорий в русской и немецкой фитонимной фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 22 с.
5. Хисматова А.Р. Дендронимы в башкирском и немецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 21 с.
6. Исаев Ю.Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа на материале чувашского и русского языков : монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2013. 191 с.
7. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 404 с.
8. Афанасьев А.Н. Дерево жизни : избр. статьи. М. : Современник, 1983. 464 с.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 448 с.
10. Фрэзер Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. : Эксмо, 2006. 958 с.
11. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
12. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995. 624 с.
13. Берлова С.А. Персонификация как прием конструирования эпитетов о природе (на материале романа «Джейн Эйр») // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. 25 декабря 2015 г. : сборник науч. трудов. Краснодар : Априори, 2015. С. 6–11.
14. Серебрякова Е.В. Персонификация в немецкоязычном рекламном тексте // Языки и культуры в современном мире : программа и сборник тезисов докладов участников XII междунар. конф. М. : Национальное общество прикладной лингвистики, 2016. С. 76–77.
15. Ризель Э.Г. Персонификация. Аллегория. Символ // Вопросы романо-германской филологии : сборник науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тереза. Вып. 91. М. : МГПИИЯ, 1975. С. 204–209.
16. Константинова С.К. Семантика олицетворения. Курск : Курский гос. пед. ун-т, 1997. 112 с.
17. Некрасова Е.А. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / отв. ред. В.П. Григорьев. М. : Наука, 1994. 271 с.
18. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 2004. 527 с.
19. Кожевникова Н.А. Гнезда тропов русской литературы XIX–XX веков // Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е.В. Красильникова, Е.Ю. Кукушкина, З.Ю. Петрова ; под общ. ред. З.Ю. Петровой. М. : Знак, 2009. С. 601–604.
20. Национальный корпус русского языка. URL: [http:// ruscorpora.ru](http://ruscorpora.ru) (дата обращения: 21.06.2019). *Все примеры приводятся по данному источнику.*
21. Соколова М.Г. «За тополем высокою я вижу там окно...» (особенности категории рода существительного тополь в русской поэзии) // Русская речь. 2018. № 1. С. 11–17.
22. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. М. : Лань, 2013. 243 с.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «УЖАСНОЕ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВЕКОВ

AESTHETIC CATEGORY “TERRIBLE”
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX–XXI CENTURIES

© 2020

А.А. Федотова

A.A. Fedotova

В статье дается обзорная характеристика категории ужасного как предмета изучения философов, литературоведов, лингвистов. Исследуется лексическая сторона «ужасного» как функционально-семантической категории. Рассматривается специфика образного воплощения ужасного, средств его создания на материале художественных произведений XIX–XXI веков. Выделены особые лексико-семантические группы со значениями «нечистая сила», «ужас», «сон». Проанализированы средства речевой выразительности при изображении ужасного писателями XIX–XXI веков.

Ключевые слова: страх; эстетика; ужас; функционально-семантическая категория «ужасное»; литература мистики и ужасов; современная литература; лексико-семантические группы; дидактика; готическая проза; мистицизм; романтизм.

The article overviews the category “terrible” as a subject of philosophers’, literary critics’, linguists’ research. The lexical aspect of the “terrible” as a functional-semantic category is analysed. The specific character of the figurative embodiment of the terrible, means of its achievement as exemplified in the fiction of the XIX–XXI centuries are considered. Special lexico-semantic groups with the meanings “devil force”, “horror”, “dream” are highlighted. The expressive means the writers of the XIX–XXI centuries employ when depicting terrible are presented.

Keywords: fear; aesthetics; terror; semantics; functional-semantic category “terrible”; mystical and horror literature; modern literature; lexico-semantic groups; didactics; gothic prose; mysticism; romanticism.

Страх, как известно, – одно из самых сильных чувств человека. Знаменитый мастер ужаса Г.Ф. Лавкрафт верно подметил, что страх – самая сильная и древняя эмоция [1]. С давних времен люди старались осознать его, сочиняли страшные истории с целью победить боязнь действительности. Ужасное обнаруживается в фольклоре, в древних сказаниях разных народов мира, например, в демонологических рассказах – суеверных повествованиях, связанных с персонажами низшей мифологии [2, с. 202].

Во второй половине XVIII века в качестве отдельного жанра возникает готическая проза «с элементами сверхъестественных “ужасов”, таинственных приключений, фантастики и мистики» [3, с. 6]. «Ужасное» воздействует на умы читателей и писателей в России и за рубежом, становится «фирменным блюдом» романтической культуры [4, с. 100]. Появившись на рубеже XIX–XX веков, литература ужасов в России «коснулась “серебряного века” (Л. Андреев,

А. Толстой, Ф. Сологуб, В. Брюсов, Н. Гумилев)» [5, с. 56].

Ужас является «патологическим уровнем страха и проявляется в крайних, драматических формах» [6, с. 3]. «Страшное» от шорохов за дверью, детских страшилок до «страшного» в повестях и романах пробуждает научный интерес в попытке разобраться в механизмах ужасного.

В словаре синонимов З.Е. Александровой отмечается, что чувство страха предполагает большую «синонимическую градацию: ужас, трепет, жуть, испуг, боязнь и т. д.» [7, с. 486].

Категория «ужасное» относится к эмоциональной, чувственной сфере, что ставит ее в ряд с такими категориями эстетики, как комическое и трагическое. Ужасное, по мнению Ю.В. Борева, «как эстетическая доминанта мировосприятия было свойственно средневековому религиозному сознанию, которое пугало грешников адскими муками и грядущим страшным судом» [8, с. 212]. Наряду с другими эстетическими категори-

ями «ужасное, как элемент мифотворчества» [9, с. 170] рассматривал О. Ранк.

Ужасное является предметом изучения литературоведов. Г.Н. Заломкина отмечает, что «готика находится у истоков фэнтези, фантастики и современных повествований ужаса» [10, с. 3]. В.Я. Малкина вводит понятие «готический антропологизм». Под «готическим антропологизмом» исследователь понимает ценностное отношение к личности, свойственное «готическим» романам, в которых утверждалась незыблемость нравственной природы человека и основных этических ценностей человечества [11, с. 106]. Б.Р. Нацпок изучает жанр «ghost story», основанный на народных суевериях [12].

Исследование «ужасного» как функционально-семантической категории – один из способов разгадки специфики образного воплощения ужасного, средств его создания на материале различных художественных произведений.

Необходимость такого исследования обусловлена недостаточной разработанностью темы ужасного в лингвистической русистике. Среди работ, посвященных данной теме, отметим кандидатскую диссертацию «Категория ирреального ужасного и способы ее выражения в художественном пространстве Н.В. Гоголя» (на материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») Т.Ю. Алленовой. Исследователь использует термин «ирреальное ужасное»: «...Ужасное сливается с категорией ирреального, т.е. с противоречащим обычному, реальному, необъяснимым с точки зрения реальности» [13, с. 4].

Изучение средств выражения категории «ужасное» в русской классической литературе XIX – начала XX веков, а также в современной литературе новейшего периода позволило определить ведущие тенденции в развитии эстетической категории ужасного в лингвистике.

Методом сплошной выборки проанализированы средства из тринадцати произведений девяти авторов («Гробовщик» А.С. Пушкина, «Сон смешного человека»,

«Бобок» Ф.М. Достоевского, «Вий», «Портрет» Н.В. Гоголя, «Судный день» В.Г. Короленко, «Черный монах» А.П. Чехова, «Ёлкич», «Царица поцелуев», «Маленький человек» Ф.К. Сологуба, «Красный цветок» В.М. Гаршина, «Убыр» Н. Измайлова, «Дом, в котором...» М. Петросян). Выявлено 140 языковых единиц в 520 примерах словоупотреблений. Количественно средства выражения чувства страха на лексическом уровне у писателей представлены следующим образом: А.С. Пушкин – 15%, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, В.М. Гаршин – по 20%, В.Г. Короленко – 15%, А.П. Чехов, Ф.К. Сологуб, Н. Измайлов, М. Петросян – 5%.

У Ф.К. Сологуба («Ёлкич») мы выделили две номинации: *Ёлкич* и *Домашний*. У Ф.М. Достоевского («Сон смешного человека») «нечистую силу» представляет *существ*. У Н.В. Гоголя в «Портрете» фигурирует *некий фантом*, в «Вие» – *гномы, духи, ведьма, русалка, Вий*. В.М. Гаршин («Красный цветок») использует *призрак* бога зла *Аримана*. В.Г. Короленко в «Судном дне» рассказывает о еврейском черте *Хануне* [14, с. 190]. Убыр (согласно татарской мифологии *упырь*), «убыродав» [15, с. 157] – герой одноименной дилогии Н. Измайлова (Ш. Идиатуллина). Герои романа М. Петросян «Дом, в котором...» наделены «говорящими» именами: Сфинкс, Стервятник, Ведьма, Собакоголовые, Крысы [16]. ЛСГ «нечистая сила» наиболее многочисленна: писатели активно используют номинации нечистой силы, обитателей темного мира, мира за гранью.

Лексико-семантические группы единиц со значением «ужас» отмечены у многих писателей. У А.С. Пушкина («Гробовщик») герой Адриан с ужасом узнает, что перед ним стоят мертвецы, которых он сам же похоронил. Чартков в рассказе «Портрет» Н.В. Гоголя с ужасом наблюдал, как оживал портрет. Философ в «Вие» от ужаса поседел и не смог пережить третью ночь в церкви с нечистью. На мельника напал «такой ужас» при виде черта в произведении В.Г. Короленко «Судный день». Красный цветок казался герою

с помутненным сознанием вселяющим ужас и хранящим все зло мира в себе (В.М. Гаршин «Красный цветок»). Читателю стало страшно и жутко при виде черного столба воздуха, из которого появился монах (А.П. Чехов «Черный монах») и т.д. Мы выделили также лексико-семантическую группу номинаций со значением «казаться», то есть «воспринимать нечто на грани реальности/ирреальности». Эта лексико-семантическая группа немногочисленна (А.С. Пушкин «Гробовщик», Н.В. Гоголь «Портрет»).

Лексико-семантическая группа номинаций со значением «сон» используется писателями для передачи нереальности происходящего, когда все ужасные и фантастические события происходили во сне и будто бы приснились герою (А.С. Пушкин «Гробовщик», Ф.М. Достоевский «Сон смешного человека», «Бобок. Записки одного лица», Н.В. Гоголь «Портрет», В.М. Гаршин «Красный цветок», В.Г. Короленко «Судный день»). Мы выделили также лексико-семантическую группу со значением «граница ирреального через стекло» (В.М. Гаршин «Красный цветок»: герою рисуются фантастические картины непосредственно, когда он глядит через стекло, словно оно увеличительное).

Таким образом, в проанализированных нами произведениях категория ужасного выступает как функционально-семантическая категория с особыми средствами выражения. Первостепенное значение приобретают средства выражения лексического уровня. Они участвуют в передаче эмоции страха и ужаса адресата речи. Среди выявленных нами художественно-выразительных средств анализируемых нами произведений – сравнение, олицетворение, антитеза, эпитет, метафора, градация.

Приведем примеры использования изобразительно-выразительных средств передачи ужасного в рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок. Записки одного лица»:

*У ворот покойницы уже стояла полиция и расхаживали **купцы, как вороны, почуя мертвое тело*** [17, с. 15].

*Он скрежетал зубами и **пожирал его взором василиска*** [14, с. 47].

*Покойница лежала на столе, **желтая как воск, но еще не обезображенная тлением*** [17, с. 67].

*Луна сквозь окна освещала их **желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшиеся носы*** [17, с. 100].

*С сим словом мертвец простер ему **костяные объятия** – но Адрян, собравшись с силами, закричал и оттолкнул его* [17, с. 30].

*Нестройный шум, прерываемый **завываниями и воплями, несся оттуда (о верхнем этаже больницы)*** [17, с. 35].

*Он мог читать мысли других людей; видел в вещах всю их историю; **большие вязы в больничном саду рассказывали ему целые легенды из пережитого*** [17, с. 177].

*Это было **таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид*** [17, с. 144].

*И только он подумал это, как **чорт захохотал на всю реку и разом взвился кверху... Мельник задрал голову, но через минуту чорт казался уже не большие вороны, потом воробья, потом мелькнул, как муха, как комарик... и исчез*** [17, 188].

Р. Лахманн характеризует семантику ужасного, мистического как обладающую «ирреальностью – модусом фантастического текста» [18, с. 7]. Применительно к семантике мистического исследовательница находит возможность отметить и дидактический аспект. В работе «Дискурсы фантастического» Р. Лахманн определяет особые тексты «дидактической» фантастики, в которых «разоблачаются фантастические эпизоды как плоды невежества и суеверия с целью ввести в текст морализаторское осуждение. С высоты своего авторитета авторы таких текстов осуждают не только жертвы суеверия, но и хитрых персонажей, использующих обман чувств и человеческое легкомыслие в своих низменных интересах» [18, с. 37]. Дидактический аспект представлен преимущественно в послесло-

вии художественного текста и имеет форму предупреждения читателя, обобщения результатов полученного урока от «встречи с ужасным».

Применительно к нашему материалу дидактический аспект в средствах выражения категории ужасного отмечен в двух произведениях двух писателей (В.Г. Короленко, Ф.К. Сологуб).

* * *

1. Лавкрафт Г. Затаившийся страх. М. : АСТ, 2016. 512 с.
2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор : учебник для высш. учеб. заведений. М. : Флинта : Наука, 2002. 400 с.
3. Русская готическая проза. В 2 т. / сост., вступ. ст., ком. Н. Будур. М. : Терра, 1999. Т. 1. 509 с.
4. Казот Ж. INFERNALIANA. Французская готическая проза XVIII–XIX веков. М. : Ладомир, 1999. 256 с.
5. Вацура В.Э. Готический роман в России. М. : Новое литературное обозрение (Филологическое наследие), 2002. 544 с.
6. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб. : Союз, 2000. 202 с.
7. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 2001. 568 с.
8. Борев Ю.Б. Эстетика : учебник. М. : Высшая школа, 2002. 511 с.
9. Ранк О. Миф о рождении героя. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. 252 с.
10. Заломкина Г.В. Советская готика: диалог Метьюрина и Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» // Вестник СамГУ. 2000. № 3. С. 118–126.
11. Малкина В.Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: на материале русской литературы XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 216 с.
12. Напцок Б.Р. Английский «готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 10. С. 25–29.
13. Алленова Т.Ю. Категория ирреального ужасного и способы ее выражения в художественном пространстве Н.В. Гоголя (На материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 23 с.
14. Мистические произведения русских писателей. Харьков ; Белгород : Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2011. 384 с.
15. Идиатуллин Ш. Убыр : романы. СПб. : Азбука, 2018. 608 с.
16. Петросян М. Дом, в котором... : в 3 т. М. : Livebook, 2018. 1200 с.
17. Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 21. С. 41–54.
18. Лахманн Р. Дискурсы фантастического : пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.

Наши авторы

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт литературы им. М. Абеяна, Национальная Академия наук Республики Армения (Ереван, Республика Армения).

E-mail: nerses91@rambler.ru.

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: abakalov1941@yandex.ru.

Бурдужа Анастасия Владиславовна, редактор рубрики «Звёзды» на сайте журнала «Lisa.ru», издательский дом «Burda» (Мытищи, Московская область, Россия).

E-mail: dizainer97@mail.ru.

Васильева Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани (Сызрань, Самарская область, Россия).

E-mail: vasiliewa.oxsan2014@yandex.ru.

Венгранович Марина Александровна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Поволжский православный институт им. Святого Алексея, митрополита Московского (Тольятти, Самарская область, Россия).

E-mail: wmaphil@mail.ru.

Гизатуллин Данил Эдуардович, ассистент кафедры журналистики, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия).

E-mail: gizatullindanil@gmail.com.

Гоннова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: gonnovanv.filolog@yandex.ru.

Горшкова Лариса Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва (Самара, Россия).

E-mail: gorshkova_lar@mail.ru.

Гурова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного образования, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: gurovaiv2009@yandex.ru.

Жумабекова Айгуль Казкеновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры восточной филологии и перевода, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Республика Казахстан).

E-mail: aigzhum@mail.ru.

Иванова Полина Сергеевна, учитель русского языка и литературы, Образовательный центр с. Кротовка (с. Кротовка, Кинель-Черкасский район, Самарская область, Россия).

E-mail: po18li4na@mail.ru.

Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: ivanyan@pgsga.ru.

Калинина Людмила Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет (Киров, Россия).

E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru.

Леденёва Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка им. профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет (Мытищи, Московская область, Россия).

E-mail: ledenevavv@yandex.ru.

Михайлова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: 79277631381@yandex.ru.

Моргунова Анна Николаевна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, Самарский медико-технический лицей (Самара, Россия).

E-mail: a595282@rambler.ru.

Осипова Наталья Дмитриевна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: natasha.osipo@yandex.ru.

Прядильникова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела и книгораспространения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва (Самара, Россия).

E-mail: tempus-samara@mail.ru.

Саяхова Динара Камилевна, ассистент кафедры русской и сопоставительной филологии, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия).

E-mail: dsayakhova@gmail.com.

Соколова Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Самарская область, Россия).

E-mail: msok71@mail.ru

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия).

E-mail: fluzarus@rambler.ru.

Федотова Алёна Александровна, ассистент кафедры «Гостеприимство и Межкультурные коммуникации», Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Самарская область, Россия).

E-mail: fedotova_alena1@mail.ru.

Our Authors

Bakalova Zinaida Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: abakalov1941@yandex.ru.

Burduzha Anastasiya Vladislavovna, Editor of the Column “Stars”, the Website of the Magazine «Lisa.ru», Publishing House “Burda” (Mytishchi, Moscow Region, Russia).

E-mail: dizainer97@mail.ru.

Fatkullina Flyuza Gabdullinovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian and Comparative Philology, Bashkir State University (Ufa, Russia).

E-mail: fluzarus@rambler.ru.

Fedotova Alyona Aleksandrovna, Assistant of Department of Hospitality and Intercultural Communication, Volga Region State University of Service (Togliatti, Samara Region, Russia).

E-mail: fedotova_alena1@mail.ru.

Gizatullin Danil Eduardovich, Teaching Assistant of Department of Journalism, Bashkir State University (Ufa, Russia).

E-mail: gizatullindanil@gmail.com.

Gonnova Natalia Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: gonnovanv.filolog@yandex.ru.

Gorshkova Larisa Anatolievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of the Theory and History of Journalism, Samara National Research University (Samara, Russia).

E-mail: gorshkova_lar@mail.ru.

Gurova Irina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Preschool Education, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: gurovaiv2009@yandex.ru.

Hayryan Zaruhi Gevorkovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Literature Named after M. Abegyan, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, the Republic of Armenia).

E-mail: nerses91@rambler.ru.

Ivanova Polina Sergeevna, Teacher of the Russian Language and Literature, Educational Centre s. Krotovka (s. Krotovka, Kinel-Cherkassky District, Samara Region, Russia).

E-mail: po18li4na@mail.ru.

Ivanyan Elena Pavlovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: ivanyan@pgsga.ru.

Kalinina Liudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods, Vyatka State University (Kirov, Russia).

E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru.

- Ledeneva Valentina Vasilyevna**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Modern Russian Language Named after Professor P.A. Lekant, Moscow Region State University (Mytishchi, Moscow Region, Russia).
E-mail: ledenevavv@yandex.ru.
- Mikhailova Marina Yurievna**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).
E-mail: 79277631381@yandex.ru.
- Morgunova Anna Nikolaevna**, Candidate of Philological Sciences, Teacher of the Russian Language and Literature, Samara Medical and Technical Lyceum (Samara, Russia).
E-mail: a595282@rambler.ru.
- Osipova Natalia Dmitryevna**, Postgraduate Student of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).
E-mail: natasha.osipo@yandex.ru.
- Pryadilnikova Natalia Viktorovna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Book Publishing and Distribution, Samara National Research University (Samara, Russia).
E-mail: tempus-samara@mail.ru.
- Saiakhova Dinara Kamilevna**, Teaching Assistant of Department of Russian and Comparative Philology, Bashkir State University (Ufa, Russia).
E-mail: dsayakhova@gmail.com.
- Sokolova Marina Gennadyevna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of the Russian Language, Literature and Linguistic Criminalistics, Togliatti State University (Togliatti, Samara Region, Russia).
E-mail: msok71@mail.ru
- Vasilyeva Oksana Anatolievna**, Candidate of Philological Sciences, Teacher of Department of the Russian Language, Branch of Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy” (Syzran, Samara Region, Russia).
E-mail: vasiliewa.oksan2014@yandex.ru.
- Vengranovich Marina Alexandrovna**, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of the Russian Language and Literature, St. Alexius Orthodox Institute of Volga region (Togliatti, Samara Region, Russia).
E-mail: wmaphil@mail.ru.
- Zumabekova Aigul Kazkenovna**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Oriental Philology and Translation, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Republic of Kazakhstan).
E-mail: aigzhum@mail.ru.

Требования к публикациям

К публикации принимаются статьи по следующим *научным направлениям*: Филологические науки (10.00.00); Педагогические науки (13.00.00); Психологические науки (19.00.00). Материалы подаются в редакцию до 1 января (№ 1), до 1 апреля (№ 2), до 1 июля (№ 3), до 1 октября (№ 4).

Редакция проводит *рецензирование* рукописей, а также проверку в корпоративной версионной системе «Антиплагиат». Наличие отрицательной рецензии является основанием для отказа в публикации в текущем номере.

Статьи размещаются в системе РИНЦ. Статьи публикуются бесплатно.

Требования к содержанию статьи. Статья должна иметь следующие элементы: **1)** постановка проблемы в общем виде и в связи с важными научными и практическими задачами; **2)** анализ последних исследований, в которых рассматривались аспекты проблемы и на которых основывается автор; выделение ранее не разрешенных вопросов; **3)** формулировка цели статьи (постановка задания); **4)** изложение основного материала исследования с обоснованием полученных результатов; **5)** выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий в рамках данного направления; **6)** научный аппарат (не менее 20 наименований, среди которых не менее трех изданий последних пяти лет).

Статьи реферативного характера к публикации не принимаются.

Требования к структуре статьи. Статья должна быть выстроена в соответствии со следующей структурой: **1)** коды УДК (для определения УДК можно использовать ссылки <https://www.teacode.com/online/udc/> или <http://www.naukapro.ru/metod.htm>); **2)** фамилия, имя, отчество автора (авторов) (полностью) (на русском и английском языках); **3)** место работы каждого автора в именительном падеже (на русском и английском языках), должность (указания не должны допускать разночтений); **4)** контактная информация (почтовый адрес с индексом, контактный телефон, e-mail) для каждого автора; **5)** название статьи (на русском и английском языках); **6)** аннотация (не менее 150–200 слов) (на русском и английском языках); **7)** ключевые слова (250–280 символов) (на русском и английском языках). Каждое ключевое слово или словосочетание отделяется точкой с запятой; **8)** список источников, пронумерованный *вручную* (автоматическая нумерация не допускается); нумерация осуществляется *по порядку появления ссылки на источник в тексте статьи* (не по алфавиту); источник, цитируемый в статье неоднократно, указывается в списке *только при первой* ссылке на него.

Требования к оформлению статьи. *Текст статьи* представляется в формате Microsoft Word. Объем статьи – от 10 до 16 страниц формата А4 (не считая ссылок). Перед набором текста настройте, пожалуйста, указанные ниже параметры текстового редактора: все поля по 2 см, ориентация листа – книжная, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине, абзацный отступ 0,5 см (абзацы задаются автоматически, а не с помощью пробелов или табуляции; установите автоматическую расстановку переносов. Необходимо ставить неразрывные пробелы между цифрами, между инициалами и фамилией. Не путать тире (–) и дефис (-).

Научный аппарат оформляется в виде затекстовых ссылок согласно ГОСТ Р 7.05-2008 (полное название книги, включая подзаголовки и другие сведения, имеющиеся на титульном листе издания, указание издательств, общего числа страниц для книги и местоположения страниц статьи в книге – с ... по). Нумерация сносок в тексте сквозная (от 1 до...); повторной ссылке присваивается номер, использованный первый раз. Так, [8, с. 6] означает, что в восьмой ссылке цитируется шестая страница источника; указание на другую страницу (например, 17-ю) того же источника в дальнейшем тексте статьи будет выглядеть как [8, с. 17].

Допускается наличие таблиц (не более трех, объем таблиц не должен превышать 1 печатную страницу), *формул и рисунков* по тексту (не более трех). Суммарное количество таблиц и рисунков не больше пяти. Обязательно наличие подрисунковых подписей и надписей к таблицам. Всем иллюстрациям и таблицам необходимо давать сквозную нумерацию. Необходимо из-

бегать повторений данных в таблицах, графиках и тексте рукописи. Графический материал должен быть представлен без использования сканирования, цветного фона, жирных рамок. Шрифт текста в таблицах, рисунках не меньше 10 pt; текст должен поддаваться редактированию. Не рекомендуется использовать символы, набранные редактором формул. Формат рисунков TIFF или JPEG, режим – черно-белый или градиент серого, разрешение – 300 пикс/дюйм. *При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право изъять таблицы и рисунки из текста статьи.*

Формулы оформляются через редактор формул «Microsoft Equation» или «MathType». Длина формул не должна превышать 80 мм. Размеры символов в формулах (Microsoft Equation, MathType): обычный – 10 pt, крупный индекс – 7 pt, мелкий индекс – 5 pt, буквы латинского алфавита набираются курсивом, греческого алфавита – прямым шрифтом, математические символы cos, sin, max и т.д. – прямым шрифтом. Номер формулы пишется в круглых скобках у правого поля страницы на уровне формулы. Нумеровать следует те формулы, на которые есть ссылки в тексте. Размерность всех характеристик должна соответствовать системе СИ.

Требования к информации для РИНЦ:

- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес организации, e-mail (на русском и английском языках) (если авторов несколько, то информация дается на каждого автора);
- научное направление, к которому относится статья: Филологические науки (10.00.00), Педагогические науки (13.00.00), Психологические науки (19.00.00).

Контактная информация (почтовый адрес с индексом, контактный телефон, личный e-mail) при публикации не размещается.

Требования к сопроводительным документам. Сопроводительное письмо в электронном (отсканированном) варианте вместе с текстом статьи пересылается в редакцию по электронной почте: inessayakovleva2013@mail.ru. Оригиналы сопроводительных документов предоставляются в редакцию лично или почтой по адресу: 443090, г. Самара, ул. Блюхера, 25, ауд. 519, 520, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Яковлевой Инессе Юрьевне.

Дополнительную информацию можно получить у ответственного секретаря журнала кандидата филологических наук *Яковлевой Инессы Юрьевны*.

E-mail: inessayakovleva2013@mail.ru; тел.: (846) 207-41-41.